

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1981

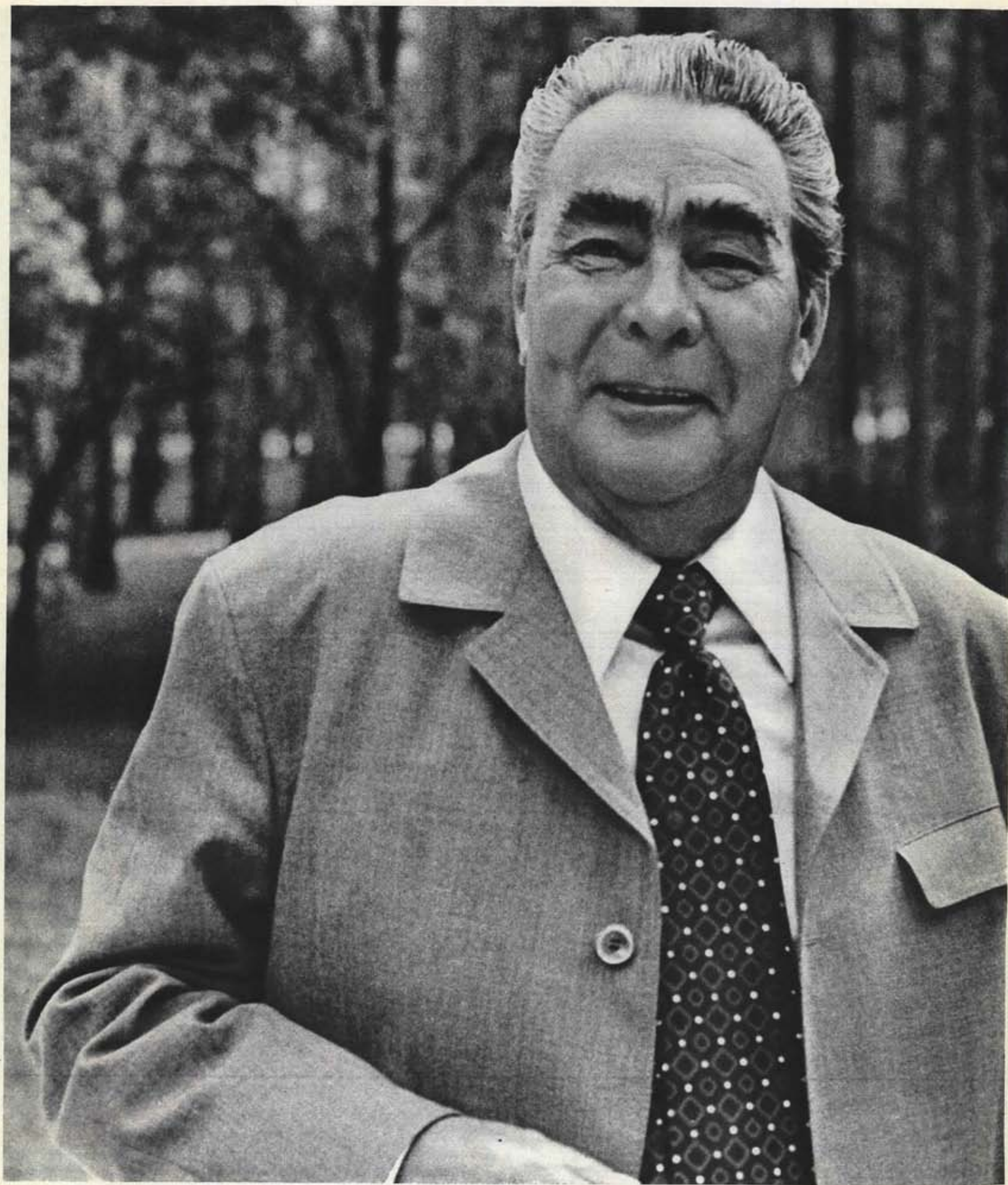

**«МЫ, КОММУНИСТЫ,
ГОРДИМСЯ НАШЕЙ МОЛОДЕЖЬЮ»
Л.И.БРЕЖНЕВ**

**К 75-ЛЕТИЮ
ЛЕОНИДА
ИЛЬИЧА
БРЕЖНЕВА**

ВСЕГДА С

НАРОДОМ

19 декабря 1981 года исполняется 75 лет товарищу Леониду Ильичу Брежневу — выдающемуся деятелю Коммунистической партии и Советского государства, пламенному борцу за мир и социальный прогресс, неумолимому продолжателю великого ленинского дела, мудрому другу и наставнику советской молодежи.

Неустанную, поистине отеческую заботу проявляют Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет во главе с Леонидом Ильичом Брежневым о Ленинском комсомоле, в рядах которого сегодня состоят более 40 миллионов юношей и девушек. В своей ежедневной кипучей деятельности комсомольцы, советская молодежь равняются на партию, являются ее надежным помощником и боевым резервом, у коммунистов учатся по-ленински жить и работать, по-ленински бороться и побеждать, служить народу, не щадя своих сил во имя торжества коммунистических идей.

Для всех молодых людей жизнь Леонида Ильича Брежнева является замечательным примером того, каким должен быть коммунист-ленинец: образцом коммунистической идейности, высокой партийности, непоколебимой верности делу коммунизма. В биографии Леонида Ильича Брежнева живым свидетельством эпохи сошлись страницы борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства и становление советской индустрии, дороги Великой Отечественной и возрожденные промышленные центры, просторы целины и освоение космоса, маршруты коммунистического созидания и неустанная борьба за мир на земле.

В эти дни вся наша страна, все советские юноши и девушки горячо поздравляют дорогого Леонида Ильича Брежнева с семидесятилетием со дня рождения и с чувством безграничной любви и уважения желают ему крепкого здоровья, счастья, неиссякаемой энергии в поистине титаническом труде на благо советских людей, на благо мира и счастья всего человечества.

На этих страницах мы публикуем фрагменты из книг Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», «Воспоминания», в которых он с большой теплотой пишет о молодежи, о ее подвигах в военные и мирные годы.

ИЗ КНИГИ «МАЛАЯ ЗЕМЛЯ»

Помню, рано на рассвете я возвращался с переднего края и увидел двух девушек. Они поднимались со стороны моря. Одна невысокая, ладно схваченная ремнем, рыжая-рыжая. Козырнули, и я проехал. Своему помощнику по комсомолу я дал обещание в пять часов принять людей в связи с утверждением их комсоргами на место убитых. И вот приходит как раз эта рыжая девушка со свертком бумаг.

— Вы откуда? — спрашиваю у нее.

— Из батальона моряков.

— Как они к вам относятся?

— Хорошо.

— Не обижают?

— Нет, что вы!

Оказалось, она рисует. Тут же развернула свои боевые листки. Как сейчас помню рисунок и надпись под ним: «Что, Вася, тушуешься?»

На Малую землю эта девушка, Мария Педенко, попросилась сама, была в десанте с первых дней высадки. Под огнем выносила раненых, а в минуты затишья пробегала от окопа к окопу с газетами, конвертами, бумагой, проводила беседы, читала стихи. Ее знали и любили все малоземельцы, считали одним из лучших агитаторов. Рукописная газета «Полундра» была придумана ею, она даже ухитрилась «издавать» ее в нескольких экземплярах, и бойцы зачитывали эти листки до дыр. Дружный хохот стоял всегда там, где их рассматривали и читали.

Позже, когда мы брали Новороссийск, Марию ранило, но, подлечившись, она снова ушла в боевые части. Ее героизм был отмечен тремя боевыми орденами. Затем она попросилась в Киев, когда там шли самые напряженные бои. Однажды мне попала на глаза в газете (в

«Правде» или «Известиях» — не помню) ее статья «Любовь». Можно было подумать, что это какая-то сентиментальная вещь. Оказалось, нет. Речь шла о Родине, о любви к Родине.

Во имя Родины Мария Педенко не щадит ни своей юности, ни самой жизни. В дневнике, впоследствии опубликованном, она писала о Малой земле: «Вылезешь из подземелья поглядеть на белый свет, и сердце радуется. Так хочется жить. А вокруг поля вспаханы жестокой машиной войны. Всюду развалины домов и пятна порывшей крови на изуродованной, искромсанной земле. Не успеешь налюбоваться солнцем, как уже слышишь: «Воздух!» И ты снова проваливаешься в свою пещеру, где обдаст сыростью лицо, где в копоти гильзовых ламп еле узнаешь своих друзей».

Как и многие из героев, Мария не дождала до наших дней. Вспоминая этого прекрасного человека, я думаю о многих других дочерях нашей Родины, разделявших с мужчинами все тяготы войны. Для меня их образ стал олицетворением величия советской женщины.

ИЗ КНИГИ «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Как организаторская работа, так и политическая вели к одной цели. Обком партии добивался, чтобы масса людей стала коллективом, чтобы в коллективе выросли вожаки, заметные, яркие люди. И, конечно, таких людей выросло много. Я знал их не понаслышке. Бывая на стройках, беседовал с ними прямо там, где они работали. В этой обстановке, как в боевой траншее, лучше всего узнаешь человека.

Вот одна удивительная судьба. Всякий раз, когда приходилось бывать на Днепрострое, еще издали слышал звонкие голоса девчат, которые

подавали бетон в тело плотины. До бровей закутанные платками, обсыпанные цементной пылью, в жару ли, в холод, они не теряли бодрости никогда. Спросишь, как идут дела, и всегда в ответ звонкое: «Хорошо!» Это была бригада Ани Лошкаревой, занесенная в Книгу почета республики. На одном из собраний актива, в котором участвовали бригады ударные, комсомольские, фронтовые, ко мне подошли в перерыве принаряженные девушки, и я не сразу узнал старых своих знакомых.

— А ваша бригада тоже ведь фронтовая?

— Была фронтовой.

— Нет, Аня, не согласен. Предстоит паводок, нужен хороший бетон, от вас зависит качество работы всех бригад. Ваш фронт еще впереди.

Работали девушки хорошо. Во время празднования тридцатилетия Октября увидел их среди демонстрантов, крикнул в микрофон: «Привет бригаде Ани Лошкаревой!» Оглянулись, заулыбались...

А вскоре мне стало известно, что Аня тяжело больна. Сказалось голодное военное детство — у нее открылся туберкулез. Конечно, мы сделали все, чтобы Аня поправилась, предложили ей другую работу, но она наотрез отказалась: «Не могу без стройки и без девчат».

За восстановление Днепрогэса Анна Лошкарева получила орден Ленина. А несколько лет спустя, в Молдавии, наши пути снова пересеклись: она выздоровела и вместе с мужем строила Дубоссарскую ГЭС. Убежден: исцелили ее не только лекарства и южные санатории. Спаса Аня сама себя тем, что сохранила бодрость, не бросила работу, не замкнулась в себе, жила полноценной жизнью. Мне рассказали недавно: Анна Степановна вырастила четырех здоровых ребят и работает комендантом рабочего общежития. Думаю, это хороший наставник для молодежи.

ИЗ КНИГИ «ЦЕЛИНА»

В старых словарях вы найдете слово «целина», но не найдете слова «целинник». Оно родилось в 50-е годы, точно так же как в годы коллективизации появилось слово «колхозник». Само понятие «целина» утратило тогда свое чисто земледельческое значение, оно стало термином общественным, ибо за ним стояли высокая гражданственность и глубокий советский патриотизм. Целинник — фигура историческая, определившая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени.

Как-то, приехав в один из кустанайских совхозов, где стоял лишь единственный готовый домик, а люди жили еще в палатках и землянках, я узнал, что лучшую комнату в этом доме отдали молодым супругам, у которых родился мальчик. По этому поводу торжествовали все, а счастливый отец сказал мне:

— Хотя мы только что приехали сюда, но можете теперь считать нас коренными целинниками.

— Нет, — возразил я. — Коренной целинник пока у вас на целое хозяйство всего один — вот этот мальчишка, который родился. А вам еще предстоит стать коренными жителями здешних мест. Думаю, это произойдет не сразу. Будет нелегко.

Вспоминаю давние беседы в Целиноградской области, в том же Атбасарском районе, — весной и осенью. Совсем по-разному звучали они. Первой целинной весной приходилось слышать жалобы руководителей, что далеко не все

приезжие собираются остаться у них. Директор совхоза «Мариновский» А. В. Заудалов говорил: — Народ-то, с одной стороны, разношерстный, а с другой, наподобие войска — сплошь молодые ребята. Сегодня они тут, завтра их в другое место потянет.

— Да, проблема... — согласился я. — Молодым свойственна романтика. Пройдет год-два, и часть молодежи начнет уезжать. Вы же видите: большинство желает жить только в палатках. Им, если угодно, побольше трудностей подавай, чтоб было что одолевать. Построив все, что требуется на первый случай, ребята сделают свое дело, заскучают и полетят в другие места.

— А нам-то что делать?
— Думать о том, как закрепить кадры. Я вижу два пути. Надо позвать сюда девушек. Доярки, сеяльщицы, телефонистки, повара, врачи, учителя — мало ли для них работы сейчас и появится завтра в новых местах? Приглашайте девушек, и многие пары останутся здесь навсегда. Ну, а второй путь — приглашайте людей семейных, но уж заранее создавайте для них нормальные условия жизни. Вот так и заселим эту землю.

Если на то пошло, речь у нас шла о планировании человеческого счастья. Каждому нужен дом, очаг, нужна любовь, нужны дети. Государство, общество не могут найти парню, как говорили в старину, суженую, но должны стремиться сделать так, чтобы не было в стране чисто «мужских» районов или «женских» городов. И если демографические проблемы решаются грамотно, то молодые люди найдут друг друга и будут счастливы. Они и должны быть счастливы, потому что без этого невозможно благоденствие страны.

Вскоре именно Атбасарский район стал инициатором приглашения девушек на целину. Вернувшись в Алма-Ату, я 17 июля 1954 года с удовлетворением прочел в «Правде» обращение молодых целинниц совхоза «Мариновский» Раисы Емельяновой, Александры Замчий, Елены Клешни, Валентины Непочатовой, Полины Пашковой и Людмилы Семенович к девушкам и женщинам страны с призывом ехать на целину. Призыв нашел широчайший отклик. Приехав осенью на уборку в Атбасар, я вновь встретился с Заудаловым. Был он одновременно и радостен, и до крайности озабочен. Спрашиваю:

— Стряслось что-нибудь?

— Да ведь помилуйте, Леонид Ильич! Я теперь будто и не директор, а главный почтальон... Совхоз получил тысячи писем от девушек. И все готовы в дорогу, все хотят ехать именно к нам! Надо как-то отрегулировать дело. Есть же много других совхозов. А то ведь что получается: ярмарка невест, а не хозяйство!

Хлопот с «девичьим десантом» действительно было немало. Зато жизнь на целине менялась буквально на глазах. Она все быстрее превращалась из походной, «армейской» в нормальную, благоустроенную. И сегодня куда бы я ни приехал на целину, всюду встречаю работников, родившихся здесь. Жизнь в этих краях пустила глубокие, крепкие корни...

...Могут спросить: но если люди шли в степь, вооруженные могучей техникой, чувствуя за собой поддержку всей страны, всего народа, если уже тогда их воспевали в песнях и они, как говорится, с первого шага начинали пожинать плоды своей завидной славы, то не завышена ли оценка всего, что стоит за словом «целинник»? Нет, не завышена. Эти люди действительно совершили подвиг.

Героическое начало проявляется по-разному. Один и тот же человек может, рискуя жизнью, броситься в горящий дом, но окажется неспособным изо дня в день выполнять какую-либо монотонную работу. Есть героизм момента. Есть героизм тяжелых периодов в жизни всего народа — примером может служить война. И есть героизм будней, когда сознательно и добровольно люди обрекают себя на тяготы, зная, что в другом месте их могло и не быть. Считаю, что люди целины показали себя героями. Они выдержали все трудности быта первой поры и годами терпеливо и стойко обживали эту совсем не ласковую землю.

ИЗ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЯ»

Ф

евраль семнадцатого года докатился до Каменского раскатами отдаленного грома. Самодержавие рухнуло. Однако война продолжалась, очереди за хлебом не уменьшились, на земле по-прежнему сидели помещики, заводами по-прежнему владели фабриканты. И у нас «Верхняя колония» все так же свысока, хоть уже не без страха, взирала на «Нижнюю». Хозяева остались хозяевами, рабочие — рабочими.

Совсем по-иному запомнились, я бы сказал, навеки врезались в мою память великие дни Октября.

Заводской гудок заревел вдруг в неурочный час. Время как бы раскололось, переломилось надвое, начало свой новый отсчет. Это было совсем необычно для нас, и мы вслед за отцами кинулись к заводу. Едва ли не весь город бежал туда, безграничное людское море бушевало на площади. Видны были солдатские папахи раненых, вернувшихся с фронта, кое-где мелькали женские платки, но больше всего было рабочих-металлургов. И мне запомнилось ощущение всеобщего подъема, настоящего торжества.

Начался митинг, на котором выступил М. И. Арсеничев, первый руководитель каменских большевиков. Он работал у нас в котельном цехе, рано втянулся в революционную борьбу, печатал и распространял листовки, потом, когда за ним установили слежку, уехал в Петроград, прошел славный путь подполья, не избежал и сибирской ссылки, был среди тех, кто встречал В. И. Ленина на Финляндском вокзале, слышал его знаменитую речь, кончавшуюся призывом: «Да здравствует социалистическая революция!»

Тогда на митинге он говорил о великой победе пролетариата, рассказывал о II Всероссийском съезде Советов, объявил о том, что образовано первое в мире рабоче-крестьянское правительство, а во главе его стоит Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Народ пришел в движение, раздались крики: «Ура!» И еще я помню, с каким замиранием сердца, задрвав голову, смотрел на красное полотнище, реявшее на фоне осеннего серого неба.

Каждое поколение, хочется добавить, получает в наследство от предшествующих поколений то, что было ими завоевано, добыто, построено, сделано, и идет дальше, продолжает свой путь — уже на новой высоте, на новой ступени исторического развития. Молодым кажется порой, что все главное осталось позади. Позади революция, позади бои гражданской войны, годы социалистического переустройства гигантской страны, позади героика Великой Отечественной войны... Так думают юноши и девушки, но наступает их время, эстафета от дедов и отцов переходит к ним в руки, и тогда выясняется, что и на их долю выпадают немалые испытания и величественные дела.

Меня сегодня согревает мысль, что у поколений революционных борцов, строителей первых пятилеток, воинов Отечественной войны выросла достойная смена. Задачи немислимых прежде масштабов мы можем поручать комсомолу, всем молодым людям Советской страны и видим, что им присуще благородное чувство личной ответственности за все, происходящее на нашей земле, что во всякое начинание они вносят свой романтический порыв и, я бы сказал, молодую окрыленность. Молодежь растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина, верной идеалам Октября.

Итоги конкурса одного стихотворения

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Уже четыре года на страницах «Смены» проходит конкурс одного стихотворения «Пою мое Отечество». В нем принимают участие рабочие, колхозники, служащие, студенты, живущие в разных городах и селах страны. С момента объявления конкурса редакция получила более четырех тысяч писем. Характерно, что многие произведения, присылаемые непрофессиональными авторами, отличаются высоким накалом гражданственности, искренность чувств, совершенство поэтической формы. И не случайно, что именно на опубликованные стихи участников конкурса приходит много читательских откликов.

В последнее время особенно разнообразна была география поэтической почты. Активными нашими корреспондентами были начинающие поэты из союзных республик, рабочие ударных комсомольских строек, в том числе БАМа, КамАЗа, Нечерноземья и др.

Нам приятно сообщить, что в этом году победителями конкурса «Пою мое Отечество» стали **Леонид ПОПОВ** и **Николай ОБОЛОНСКИЙ**.

Леонид ПОПОВ родился в поселке Вохма Костромской области в 1947 году. После средней школы служил в Советской Армии. Окончил Московский геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе, получил специальность инженера-геолога. И, конечно же, профессия наложила печать на его поэзию — скупую на выражение чувств, несколько приземленную и одновременно эмоциональную и образную.

Николай ОБОЛОНСКИЙ родился в 1946 году на Кубани, в хуторе Красный Кут, в семье колхозников. После службы в рядах Советской Армии окончил нефтяной техникум, пять лет проработал в Казахстане буровиком. Потом приобрел несколько специальностей — слесаря, плотника. Последняя особенно пришлась по душе — свидетельством тому многие стихи о своей работе.

Сердечно поздравляем наших победителей, ждем от них новых поэтических удач. В этом номере мы печатаем стихи **Николая ОБОЛОНСКОГО**. Стихи **Леонида ПОПОВА** читайте в № 1 за 1982 год.

Во многих читательских письмах высказывалась просьба сделать конкурс «Пою мое Отечество» постоянно действующим. Идя навстречу пожеланиям наших читателей, мы продлеваем конкурс. В этом году он пройдет под знаком двух знаменательных событий в жизни нашего народа — XIX съезда ВЛКСМ и 60-летия образования СССР. Ждем стихотворений, рассказывающих о славных делах комсомола, воспевающих дружбу народов всех наших братских республик, любовь к Отечеству.

Условия прежние: в конкурсе могут принять участие все пишущие стихи (не члены Союза писателей СССР), указав фамилию, имя, отчество, возраст, профессию, домашний адрес; лучшие стихи публикуются, победители конкурса, итоги которого будут подведены в конце 1982 года, награждаются дипломами и премией «Смены»; присылать следует только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Ждем ваших стихов.

РЕЗЕРВЫ ШКОЛА-ПТУ-ЗАВ

Почему разговор о резервах экономики мы связываем не только с заводом, но и школой и профтехучилищем? Современное производство требует высококвалифицированного, знающего, увлеченного своим делом работника. Эти качества не возникают сами по себе, они в огромной степени зависят от того, насколько осознан и обоснован был выбор профессии, полноценна подготовка молодого человека к труду.

К очередному, XIX съезду ВЛКСМ комсомол приходит, обогащенный опытом подготовки трудовых резервов. Этот опыт прежде всего в развитии уже известных форм работы по профессиональной ориентации и трудовому воспитанию юного поколения. По инициативе комсомольских организаций школьные классы, группы ПТУ и заводские бригады заключают трехсторонние договоры о сотрудничестве. В чем смысл таких договоров? В раннем и широком приобщении учеников к рабочим профессиям, в более тесной и эффективной связи школьных классов, групп и бригад. Более подробно об этом — в предлагаемой читателям подборке материалов.

СМЕНА

Работа
как дело жизни

Валерий ИОНОВ,
первый секретарь
Подольского горкома ВЛКСМ

училища № 27, лауреата премии Ленинского комсомола.

Связи завода и училища всегда были самыми тесными. Именно бывшему директору завода, Герою Социалистического Труда А. А. Долгому принадлежат слова, ставшие потом столь популярными: «Училище — наш цех номер один». Но до какого-то времени завод и училище занимались работой по профориентации в общем-то отдельно друг от друга. Случались совместные мероприятия, но системного характера они не носили. Но результаты этих мероприятий и заставили задуматься над необходимостью системы.

Жизнь убедительно доказывала: предприятию теперь нужны не просто молодые люди, пришедшие на завод

Начну с впечатлений, которыми поделился учащийся ГПТУ-27, будущий электросварщик Геннадий Берулава после первого посещения подшефного класса школы № 8:

— А знаете, как это, оказывается, трудно — переубедить в чем-то шестиклассников? Такие уже самостоятельные. Обо всем свое мнение имеют. Я ему свое — он мне свое. Но и идеалисты, конечно! Жизни еще не знают. Но ничего, познакомятся с наши-

НЕ ГЛЯНЕЦ Р

ми ребятами, побывают у нас в мастерских, на заводе, своими руками кое-что пощупают, своими глазами увидят — и к восьмому классу многое поймут.

Когда я в школе учился, у нас в классе сначала идеалистов тоже хватало. А потом многие в ПТУ пошли — кто в наше, кто в 45-е на автослесарей учиться. Ведь над нами три года шефствовала группа слесарей. Я, например, заявление в училище вместе с ребятами подал, когда еще занятия в школе шли. И родители тогда были против...

Наверняка Геннадий не думал о том, что стал сам непосредственным участником важнейшего дела — подготовки молодого пополнения рабочего класса, трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся общеобразовательных школ. Так оно у нас официально в документах называется.

Содружество «Класс — группа — бригада» возникло и окрепло усилиями двух замечательных коллективов — Подольского машиностроительного завода имени Орджоникидзе и его базового

после школы и ничего здесь еще не умеющие. Нужны молодые рабочие, уже в достаточной степени овладевшие нужной предприятию специальностью. Знающие заводскую жизнь, ее специфику. Вот исходя из чего нужно было строить работу по профориентации. Именно такие рабочие приходили на предприятие уже многие годы из подшефного ПТУ. Значит, забота о молодом пополнении должна стать прежде всего работой на свое профтехучилище.

В свою очередь, училище ясно видело, что недостаточно знакомить школьников, свой ближайший резерв, только с самим училищем. Потому что такое знакомство с училищем не будет полным. Потому что училище — часть завода. А завод — это огромный мир, в котором живут и те, кто пришел в ПТУ, но который совершенно не знают ученики школ. А значит, они не знают и перспектив, что открывает заводская жизнь: возможностей повышения профессионального мастерства, продолжения образования, участия в многообразной

ЧТО ПРИВЛЕКАЕТ И ЧТО ОТТАЛКИВАЕТ?

В моей бывшей школе (над ней другой завод шефствовал) формально существовала тесная связь с предприятием. Помню, к нам в класс приходили рабочие, для нас учителя организовывали экскурсии по цехам. А что мы узнали нового, о чем разговаривали, что видели интересного — почти ничего не помню, хотя лет прошло не так много. Видимо, кому-то нужно было провести «мероприятие» для галочки, а вот как оно прошло — этим не интересовались.

А вот другой пример. Когда я учился в ТУ-30, то договоров групп с бригадами не было, а связи оказались крепкими. Я свою производственную практику проходил только в одной бригаде — Николая Петровича Александрова, — к нему пришел и на постоянную

работу. Мне тогда до армии всего четыре месяца оставалось...

Часто говорят, что бывает проблема у многих новичков — не успевают они привыкнуть к коллективу перед службой. Передо мной такая проблема не стояла, так как уже за время учебы стал своим человеком в бригаде. Как жили, так и живем душа в душу.

Обычно выпускникам училища присваивают третий разряд, а тут Николай Петрович по своей инициативе добился, чтобы мне сразу четвертый дали. А как провожали в армию! Бригада устроила праздничный ужин; потом мы долго ходили по вечерней Москве, разговаривали. И совсем меня растрогали товарищи, когда преподнесли на прощание часы с дарствен-

ной надписью. Захочешь время проверить — сразу бригаду вспомнишь. Могли бы не вернуться к старым друзьям? Кстати, все ребята моего выпуска, отслужив, снова на «Станколите» собрались. Кроме одного — он в институт поступил. Содружество только тогда настоящее, когда не просто на бумаге, а в сердцах людей.

...А в последнее время молодежи на заводе меньше становится. У нас летом ребята из подшефной школы практику в модельном цехе проходят. Им даже разряды присваивают. Но вот в этом году из всех десятиклассников лишь двое решили поступить на завод... Может показаться, что я противоречу сам себе — то все хорошо, то совсем плохо. Это не так. Какой заботой ни окружи человека в бригаде, ему

нужно как минимум создать нормальные условия труда. Если их нет — не всякий выдержит.

Когда класс или группа приходят в бригаду и рабочие показывают, какие у них прекрасные станки, чистота и порядок, просторные современные цеха, — это одно дело. Завод, построенный и оборудованный по последнему слову техники, привлекает молодежь. Нам, рабочим старых московских заводов, которых немало в городе, гораздо сложнее. «Станколит» втрое перекрыл свою проектную мощность при неизменных площадях. Расширяться нам некуда — завод «зажат» со всех сторон. Сейчас обстановка в основных, литейных цехах такая, что не привлечь, а лишь оттолкнуть может старшеклассника. Тесно сверх меры, жарко, шумно, пыльно. Многие ли согласятся работать здесь, если неподалеку есть новые заводы с прекрасными условиями в цехах?

Завод давно занимается реконструк-

ЭЖОНОММИИ

ОД

«Открывать пионерам и школьникам, учащимся ПТУ романтику трудового подвига, вызвать стремление встать в ряды рабочего класса, колхозного крестьянства — значит заложить основы воспитания новых Стахановых и Гиталовых, Ангелиных и Малининых, Гагановых и Пуховых».

Из Отчетного доклада XVIII съезду ВЛКСМ

культурной жизни предприятия и других. То есть не знают самых необходимых вещей.

Что же нужно было сделать, чтобы, решая, куда идти после восьмого класса, школьник точно знал, и что ему даст ПТУ и что его ждет потом на предприятии? Имел четкое представление о будущей работе, зарплате, жилье, отдыхе? Чтобы не было ненужных иллюзий, но и представление его чтобы основывалось не на чьих-то случайных словах. На собственном опыте училище убедило: именно это, верное знание, а не уговоры, назойливая реклама, нравов учения, что так не любят молодые, приносит лучшие результаты.

Содружества, связи «бригада — группа», «группа — класс» тогда уже суще-

работе, разработанном комитетом ВЛКСМ завода, в совместных конкретных планах будущих мероприятий постарались учесть все. Принималась во внимание специальность — бригада слесарей завода шефствовала обязательно над группой, обучавшейся именно этой специальности. Токари — над токарями, сварщики — над сварщиками. Учитывался возраст. За группами I курса закреплялись шестые классы, II курса — седьмые, а III — восьмые. Таким образом, учащиеся ПТУ оказывались втянутыми в шефскую работу на все время пребывания в училище. А когда школьники, заканчивая восьмой класс, решали, куда идти дальше, за плечами у них было уже три года тесных контактов с заводом и ПТУ.

Наполнить грамотно разработанные формы таким содержанием могли только люди. Энтузиасты и заводилы, щедрые душой и сердцем. И наша удача, что такие люди нашлись.

Естественно, в первую очередь то, как сложатся отношения между коллективами классов, групп и бригад — и сложатся ли они вообще! — в первую очередь зависело от рабочих. От самых опытных, самых уважаемых, самых сильных. Но и самых занятых, самых ограниченных во времени. Заводские бригады Аристова, Беляева, Воробьева, Перегудова — вот люди, которые вдохнули жизнь в новое дело. Они ограничивали себя в отдыхе, в развлечениях, шли к ребятам не только в дни, предусмотренные планами совместных ме-

любие. Они знают, что в бригаде уважают прежде всего за знание, за мастерство. И быть в работе отстающим никто сейчас уже не хочет.

А как рвутся теперь будущие сварщики участвовать в конкурсах профессионального мастерства! Ведь подготовленные бригадами к конкурсу Юрий Жижченко, Саша Самсонов, будучи учащимися III курса ПТУ, победили в конкурсе, который проводило среди молодых рабочих Министерство энергетического машиностроения.

Примеру завода имени Орджоникидзе, ГПТУ-27 и их подшефных школ последовали и другие: Климовский машиностроительный завод имени Доенина, трест «Мособлстрой № 1», колхоз «Новый путь» и их базовые училища и подшефные школы.

Разумеется, эти предприятия прежде всего использовали опыт начинателей движения. Но в ходе дела искали и свои индивидуальные методы шефской работы. Так, в тресте «Мособлстрой № 1» в ней активное участие принимает штаб «Комсомольского прожектора» при ко-

ЕКЛАМЫ, А ВЕРНОЕ ЗНАНИЕ

ствовали. Решили продлить каждую цепочку, соединив их в одну. Горком комсомола через заводской комитет ВЛКСМ этот опыт поддержал.

Именно неформальное общение молодых рабочих и учащихся приносило наилучшие результаты. Почему?

Уже знакомый нам Геннадий Берулава, подытоживая свои рассуждения о ребятах подшефного класса, сказал: — Ничего, нам они поверят.

И действительно: молодые доверяют друг другу больше. Рассказы сверстников, их опыт убеждают ребят лучше, чем призывы и объяснения. Правда, для этого нужно, чтобы было о чем рассказать. Если хотите, и похвастаться, щегольнуть при случае.

Первые «Договоры трех», заключенные между комсомольско-молодежными бригадами завода имени Орджоникидзе, группами ГПТУ-27 и классами четырех подшефных школ, были тщательно продуманы и отработаны. В них, а также в положении о совместной

Сейчас трудно охватить все предусмотренные и разработанные формы совместной работы, содержание взаимных обязательств бригад, групп и классов. Здесь и материальная помощь в оснащении учебных кабинетов и оформлении наглядной агитации, и знакомство учащихся с передовыми методами труда, совместные спортивные и культурные мероприятия, совместные субботники и воскресники, встречи с ветеранами завода, посещение производственных цехов, организация полноценной производственной практики: школьников — в мастерских училища, пэтушников — в коллективах шефствующих бригад...

Но сразу стало ясно, что сами по себе договоры, планы, положения успеха не гарантируют. Они только форма. А самое главное — нужно было добиться неформальных связей, отношений всех «договорившихся сторон». То есть чтобы сутью этой формы стало свободное, взаимообогащающее, не заключенное в узкие рамки общение, совместные дела, радости, близкие взгляды на жизнь.

роприятий, а когда видели, что это нужно, когда их ждали, просили о помощи.

Какими были первые результаты? Уже через год в училище из подшефных школ поступило на 9,5 процента школьников больше, чем в предыдущем. Число их увеличивалось и каждый последующий год. В самом училище повысилась успеваемость, выросло число юношей и девушек, награжденных значком «За отличную учебу». Выросло число участников смотров технического творчества. Более тесные контакты с бригадами заставляли ребят серьезнее и ответственнее относиться к учебе. Преподаватели училища рассказывают, что многие ребята по собственной инициативе стали обращаться к ним с просьбой пересдать экзамен по той или иной производственной дисциплине — теперь они знают, как она будет им нужна в работе. И хотя инструкции в общем-то не разрешают такие пересдачи, ребятам часто идут навстречу. Ведь у них уже появилось свое рабочее само-

митете ВЛКСМ треста. Он регулярно проводит рейды, проверяя, как проходит практика учащихся ПТУ-45 на строительных площадках.

Когда движение вышло за рамки одного предприятия, горком комсомола разработал положение о городском смотре совместной работы. Итоги смотра подводятся ежегодно к 1 Мая.

Но смысл смотра не просто в том, чтобы заметить и отметить достигнутое. Одновременно нащупываются слабые места в работе, идут поиски возможностей выправить положение. Например, было замечено, что не во всех союзах «бригада — группа — класс» дела идут успешно потому, что бригадиры и другие рабочие не обладают педагогической жилкой, способностью чувствовать настроение ребят, понимать их стремления так, как это умеет Николай Иванович Аристов с завода имени Орджоникидзе. Но Аристовых немного, значит ли это, что надо свертывать работу? Нет. Это значит, что нужно помогать таким коллективам, направлять их.

шей. Есть проект, расчеты. Но дело почему-то идет медленно. Я не знаю, по каким причинам, и не могу вдаваться в технические тонкости. Мне хорошо известно лишь одно: как бы ни было сложно, надо сделать так, чтобы человек на любом заводе мог трудиться в хороших условиях. Без них трудно рассчитывать, что старшеклассники с удовольствием пойдут в училище, цеха. Конечно, реконструкция займет не один год. Но каждое старое предприятие должно сегодня иметь четкую перспективу на будущее. Это имеет прямое отношение и к профориентации подростков: на что мы можем их ориентировать? Пусть «старые стены» остаются, но жизнь в них пусть будет новой.

Хусаин САДРИЕВ,
сборщик форм
московского
завода «Станколит»

САМОЛЕТ ХОРОШО, НО...

Знаете, кем я мечтала стать, когда училась в школе? Сначала летчицей. Потом мне понравилась профессия учителя. Потом — врача.

Я не буду ни летчицей, ни врачом, ни учителем, но ничуть не тужу об этом. Потому что нашла себе дело, о котором теперь точно знаю — мое. Я буду ветеринарным фельдшером. Как же все это произошло, почему?

В восьмом классе в марте месяце у нас в поселке Школьном проходил слет восьмиклассников. Нам показали профтехучилище № 2, хорошо оборудованные кабинеты, лаборатории, учебное хозяйство. Рассказали интересно и увлекательно о профессиях, которым в нем обучают. В тот день на ферме учебного хозяйства заболел недавно родившийся теленок. Я

смотрела, как бережно ухаживал за ним фельдшер, и так жалко было это бессловесное существо, которое страдало, но чем я могла помочь ему? Все впечатления от знакомства с училищем, с его хозяйством вылились в твердое решение поступить сюда учиться.

Об этом решении я еще ни разу не пожалела. За годы учения, во время производственной практики в совхозе моя профессия стала мне еще дороже. Жду не дождусь времени, когда начну работать самостоятельно.

Галина ИВАНЧЕНКО,
учащаяся СГПТУ-2,
Прокопьевский район,
Кемеровская обл.

Цель всей нашей работы с молодежью проста — чтобы молодые люди приходили на производство не гостями, не временными людьми, а квалифицированными, знающими мастерами, нашедшими на предприятии свое рабочее место в жизни.

Цель проста, а достичь ее непросто. Особенно если действовать разобщенно, наугад, только на свой страх и риск. Движение «Предприятие — ПТУ — Школа» как раз и позволяет объединить усилия. Приводит к знанию проблем и трудностей других, к взаимному пониманию. Делает не соперниками школу и училище, не соседями предприятие и ПТУ, но всех их — партнерами. Они начинают сотрудничать. Учатся сотрудничать.

А о том, как движение помогает юношам и девушкам не ошибиться в главном выборе, который бывает в жизни — в выборе работы, — уже говорилось.

Владимир ГРЕБНЕВ,
сталевар Челябинского
металлургического завода,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Началось все с того, что комсомольско-молодежная бригада из сортопрокатного цеха, группа из ГПТУ-37 и класс в подшефной школе № 33 заключили между собой договор о сотрудничестве. Может быть, итог их трехлетней совместной работы и не поразит воображения — восемь школьников из того класса теперь учатся в ГПТУ, а группа в полном составе пришла на завод, — но для нас он очень важен. Важен тем, что эксперимент доказал свою жизнеспособность в принципе: можно (и нужно) организовать целенаправленное движение молодых ребят по цепочке «класс — группа — бригада». Собственно, скажут мне, так оно и должно быть: училище берет молодое пополнение из школ, а затем выпускники приходят на производство. Но как часто так бывает в жизни? Мастера и преподаватели ПТУ спешат в школу (где, кстати, их не всегда принимают как дорогих гостей) накануне очередного приема с одной целью — «навербовать» побольше учеников. С распределением выпускников на завод тоже немало проблем: одни из них попадают совсем не туда, где проходили практику, другие трудно приживаются в коллективе, третьи после распределения вообще исчезают куда-то. Я, конечно, беру крайние случаи, но ведь за каждым таким случаем — чья-то человеческая судьба... Когда я в старших классах учился — а это не так уж давно было, — еще и разговоры о том не велось, чтобы школа, училище и завод какие-то договоры между собой заключали. В ГПТУ-37 я поступил, как и

многие, не имея ни малейшего представления о профессии металлурга. Поступил по единственной причине: как раз тогда одиннадцатилетку ввели, не хотелось лишней год за партой провести. Мне, скажем, повезло — пусть и случайно, а свое дело нашел. Как сложилась судьба моих товарищей? В нашей группе в училище было четырнадцать человек. На заводе сейчас работают трое. Остальные разбежались кто куда...

Да, наш завод испытывает нехватку рабочих рук, и надо всячески привлекать молодежь. Но дело не только в количестве; нам также требуется и хорошее качество, если можно так выразиться, поступающих на завод.

Мне часто приходилось работать с новичками, и я знаю, насколько неоднороден их состав. Говорю не о знаниях или умениях — разумеется, после ГПТУ парень и теорию знает, может рассказать, какие химические реакции происходят в печи, у него и кругозор широк, так как в училище знакомят с доменным, мартеновским, конвертерным производством. А если чего не знает или не умеет, так ведь и научить, показать можно. Куда трудней «обучить» отношению к работе. Один так и «прилипает» к подручному сталевара, сразу включается в дело. Другой сядет и болтает, пока не заметишь и не заставишь работать.

Я не хочу винить училище, что оно плохо воспитывает ребят: не все в силах мастеров. Знаю, и сейчас в училище нередко поступают случайно, без особых раздумий. Иного привлекают льготы, которые дает училище, — хорошая профессия, аттестат о среднем образовании, рабочий стаж. Бывает и так, что учеба еще идет неплохо, учится человек с интересом, а самостоятельная работа приносит разочарование.

Так вот, основная цель трехстороннего договора в том, чтобы ребята в ГПТУ — а после на завод — поступали осознанно. Или так же осознанно убедились, что данная специальность не их дело. Мы не ставим задачу, чтобы все

поголовно шли в сталевары. Но мы должны знать, что на тех, кто придет, мы сможем положиться. Поэтому известные в последнее время формы сотрудничества «класс — группа» и «группа — бригада» удовлетворяли нас не полностью: в каждой из них отсутствовало важное звено. Группа не могла дать школьникам полное представление о заводе, а бригада не могла влиять на выбор ими профессии.

Когда Иван Никитович Панфиловский, мастер ГПТУ-37, предложил мне заключить с его группой, а также с шестым классом в подшефной школе договор — такой, какой уже был у сортопрокатчиков, — я его понял с полуслова: надо самим идти к ребятам, а не ждать, пока они придут к нам.

Не скажу, что все было легко и просто, особенно поначалу. С группой, с училищем связь у меня и прежде была. А вот с шестиклассниками возникла проблема общения. Опыта работы с детьми я же не имею... Как с ними разговаривать? Как увлечь? Как, наконец, подружиться? Не один и не два раза приходил в класс, пока не налажился неформальный контакт. Начались взаимные отчеты бригады перед классом и класса перед бригадой; выпустили совместный «Устный журнал» о рабочем человеке; на субботниках сообща поработали...

Еще такое опасение у меня возникало: я-то рассказываю школьникам в основном о том интересном, что есть в моей профессии, но ведь передо мной дети металлургов, и неизвестно, что там они дома от родителей о той же профессии слышат. Значит, одни мои слова без знакомства с заводом мало что дадут.

Экскурсии по заводу — дело распространенное, сейчас для школьников везде их устраивают. Но у нас поставили это несколько иначе. Известно, что в «горячие» цеха подросткам вход запрещен. Так и у нас сталеплавильное производство было для них закрыто. Но как же показать школьникам металлургический завод, не показывая самого глав-

ного на нем? Этот запрет вообще ставил под сомнение договор бригады с классом: работу сталеваров класс видеть не мог. Поэтому мы, во-первых, добились у администрации и завкома завода снятия некоторых ограничений при том непрерывном условии, что с группой школьников безотлучно будут находиться сразу трое взрослых: мастер, классный руководитель и бригадир. Во-вторых, разработали шесть маршрутов по заводу и ставим целью, чтобы каждый класс прошел по всем шести. В-третьих, стараемся, чтобы школьники не просто ходили, а по мере сил участвовали в работе бригад. Да и шестиклассники тоже. Каким образом?

Когда наша бригада завоевала право в день открытия XXVI съезда партии провести почетную плавку — вахту победителей предсъездовского соревнования, — то металлолом для нее собрали наши подшефные из ГПТУ и школы. У печи мы были все вместе — бригада, группа, класс. Хочу сказать, что, конечно же, бригада, группа и класс не могут и не должны замыкаться только на общении между собой. Наше сотрудничество — это часть общезаводской работы по трудовому воспитанию подростков. С «моей» группой занимаются во время практики и другие бригады цеха; а когда выпускники будут защищать дипломы, то их придется слушать знатные рабочие завода. Школьники помогают не только моей бригаде, а всему цеху, если нужны люди на уборку овощей в подшефном совхозе или на благоустройстве нашего района...

Сейчас над классами и группами шефствует больше двадцати бригад. Их работа приносит свои плоды — намного улучшилось комплектование базовых училищ и металлургического техникума. Теперь, когда это движение расширилось, яснее выявилась общая проблема для бригадиров: как правило, в работе с учениками заняты один-два человека из бригады. Мало, конечно. Один бригадир не в силах отдавать много времени детям. Но как привлечь других? Пока я

ДОГОВОР ТРЕХ

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ ПЕРЕДАЕТСЯ БЕСЦЕННОЕ БОГАТСТВО — РАБОЧИЙ ОПЫТ. МНОЖЕСТВО УЧЕНИКОВ БЫЛО У ВАСИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЗНУЗДАЕВА ЗА ТРИЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ РАБОТЫ НА ЗИЛе. СЕГОДНЯ ОН СТАРШИЙ МАСТЕР ГОЛОВНОГО КУЗНЕЧНОГО ЦЕХА, НАСТАВНИК МОЛОДЫХ, НЕДАВНИХ ШКОЛЬНИКОВ И УЧЕНИКОВ ПТУ.

этого не знаю. Слаб и обмен опытом шефской работы между бригадами: мы плохо осведомлены, как, например, она ведется в других цехах.

Помогать нам призваны заводской и цеховые советы по профориентации, особенно цеховые, как наиболее близкие к бригадире. Однако члены совета имеют производственные обязанности, так что шефство не стоит у них на первом плане. И здесь невольно вспоминается проверенный опыт Магнитогорского металлургического комбината, где по предложению известного доменщика Шатилина введена должность заместителя начальника цеха по работе с молодежью (см. «Смена» № 10 за 1978 г., статья «Есть такая должность...» — Ред.). На нее назначаются ветераны, вышедшие на пенсию, но не захотевшие порывать связь с заводом. Уверен, и в Челябинске нашлось бы немало заслуженных металлургов, которые с удовольствием поработали бы с молодежью. Такие люди могут стать неоценимыми советниками, помощниками бригадиров, принявших под свою опеку группу и класс.

II. ГРУППА

Иван ПАНФИЛОВСКИЙ,
Герой Социалистического
Труда,
мастер производственного
обучения ГПТУ-37

Мне думается, на каком-то этапе у школьников произошло снижение интереса к труду. Да и откуда мог взяться этот интерес, если работа школы оценивалась по количеству выпускников, поступивших в вуз, а для училища старались отобрать самых трудных подростков? Так был искусственно создан психологический барьер в сознании детей, их родителей, педагогов по отношению к ПТУ... Этот барьер мы и пытаемся сейчас преодолеть. Идея трехстороннего союза — по существу, первый шаг к планомерной работе по трудовому воспитанию и профессиональной ориентации.

Мы учли прошлый опыт профориентации в школах, которая часто была формальной и ограничивалась общими сведениями о профессиях, не касаясь проблем производственной адаптации выпускников школ. Мы решили, что наша работа будет представлять собой длительное сопровождение ребят по ступеням — школа — ГПТУ — производство. В чем необычность такого метода? Если раньше сроки профориентации в школах приходились на 9—10-е классы, то теперь они сместились вниз, до 6—8-х классов. Профориентация и трудовое воспитание в этом возрасте вполне возможны, если учесть стремление подростка считаться взрослым, его интерес к серьезным делам. Соревнование с группой, бригадой рабочих — именно такое, по нашему мнению, серьезное дело.

Почему мы предложили подключиться к договору Владимиру Гребневу? Не столь давний выпускник нашего ГПТУ, Владимир теперь лауреат высшей премии комсомола, член райкома партии, депутат горсовета; его портрет и биография помещены в музее трудовой славы училища — все это производит сильное впечатление на сегодняшних учеников. Так сказать, живой пример перед глазами. Приняли в расчет и то, что Гребнев и сам молод, а потому должен с пониманием относиться к молодежи.

Выбор бригадира не формальное дело, с кем попало договор не заключен. Когда моя группа работает на практике с Гребневым, я спокоен. Но бывает и по-другому. Знаю сталевара, который практиканту ничего не покажет и не расскажет, даст метлу в руки, и все. Один мой ученик вообще отказался с ним работать. А чтобы школьников к

такому бригадире привести — об этом и думать нечего.

Сам я двадцать пять лет проработал сталеваром, и становиться мастером в училище, если говорить откровенно, мне было непросто. Мой переход определили два момента. Первый: мне самому дало путевку в рабочую жизнь именно наше ГПТУ. Второй: училище очень нуждалось в опытных рабочих.

С самого начала столкнулся с таким положением, что группа, которую я принял, не имела во время практики постоянной связи не только с определенной бригадой, она была разбросана по трем цехам. И что же получалось? Мастер весь день метался по этим цехам, по своим подопечным и, конечно же, нигде не мог организовать ни нормального обучения, ни нормального контроля. Ни один бригадир не нес вместе с мастером моральную ответственность за подготовку будущих рабочих.

Хотя и трудно было, но я свел практикантов в один цех. Теперь они все у меня на виду; налажен учебный процесс, установлена дисциплина. А договор с Гребневым повысил ответственность бригады за правильно организованную практику группы. С другой стороны, это имеет прямое отношение и к шефству моих учеников над классом: только хорошо подготовленная группа способна по-настоящему заинтересовать школьников.

В классе хорошо знают, когда наша группа занимает первое место в соревновании: в таких случаях мы берем билеты в кино и приглашаем своих подшефных. В театр вместе ходим. Может быть, вот такое неформальное общение с моими учениками больше расскажет школьникам о жизни училища, чем длинные лекции и агитация взрослых.

Дружба со школой заинтересовала наших учеников в том смысле, что они теперь сами готовят себе смену. Это ли не серьезное дело для молодого человека? Разумеется, если бы договор с классом имела одна наша группа, мы немного смогли бы добиться. Но такие договоры имеют сейчас одиннадцать групп. После первых встреч сразу же началась практическая работа. Например, многие наши ученики ведут в школах различные технические кружки: то есть знания, полученные в училище, сразу передаются младшим товарищам.

Потом узнали мы такие тревожные цифры: в прошлом году училище приняло 360 человек, хотя желающих поступить было намного больше. Всех бы мы и не смогли взять, но дело не в этом. Многих абитуриентов забраковала медкомиссия. У них не было каких-то серьезных заболеваний, но к будущим металлургам требования очень высокие. Здесь не годятся, допустим, близорукие. Мы убедились и в том, что школьники мало двигаются, мало занимаются спортом...

Чем может помочь им училище? В договорах групп и классов есть пункт о совместных спортивных мероприятиях. Мы начали проводить соревнования по плаванию, стрельбе, другим видам спорта. Взялись и за то, что в договорах не записано: ученики ГПТУ ведут в школах спортивные секции — волейбольную, баскетбольную. Спорт — это серьезное дело в подготовке будущих рабочих.

Подрастая, школьники включают в настоящую, серьезную работу. В прошлом году стройотряд «Смена» нашего училища впервые взял с собой на строительство животноводческого комплекса нескольких выпускников восьмого класса. Летом школьники на равных работали с нашими парнями, а осенью все поступили в училище.

Как видите, в отношениях со школой чувствуется определенный сдвиг к лучшему: школа уже не испытывает неприязни к ГПТУ. Конечно, не сразу к нам побегут лучшие ученики. Но если мы сумеем правильно воспитать одно поколение — со следующим нам будет намного легче.

Наверное, в нашем содружестве надо

идти уже не вширь, а вглубь, искать новые формы совместной работы. В трехстороннем договоре есть конкретные пункты: сбор металлолома для цеха; работа на субботниках; посещение театров, кино; спорт; подробное знакомство с заводом и ГПТУ; работа без брака и повышение успеваемости... Но уже пора думать о том, как больше конкретизировать договор, иметь четкий план работы по отдельным разделам: «класс и группа», «бригада и класс», «группа и бригада».

Какие трудности возникают перед мастером группы? Первая — колоссальное количество различной «писанины»: дневник педагогического наблюдения; журнал производственной практики; план воспитательной работы на месяц, год, три года и многое-многое другое. Не говоря уже о том, что надо готовиться к каждому уроку. Если заниматься каждой бумагой, надо совсем забросить ребят. Уверен, надо пересмотреть количество заполняемых мастером бумаг и освободить часть его времени для действительно нужной, живой работы с подростками.

III. КЛАСС

Ева КАЦОВА,
классный руководитель
8-го класса «А»
школы № 66

Шло обычное родительское собрание с обычным разговором об успеваемости в классе. Но в этот раз я решила попробовать изменить привычное течение разговора и несколько расширить его. Ведь мы работаем в конечном счете не ради оценок в дневниках детей, а для того, чтобы помочь им обрести себя в жизни. Справляемся ли мы с этой задачей? Наши дети знают многое, в том числе и о разных профессиях, но ведь надо еще формировать и направлять детское восприятие. Показать им реальную, «не книжную» трудовую жизнь — ту, что ждет их впереди. Поэтому и предложила родителям, поскольку большинство из них металлурги, ближе познакомиться их детей именно с этой профессией. На том же собрании решили, что классу непременно надо встретиться с Иваном Никитовичем Панфиловским.

...Что нас поразило в училище, так это его техническая оснащенность. По правде говоря, многое из того, что имеет сегодня ГПТУ (одних видеоматрифононов пять штук!), школе пока и не снилось... Из первых впечатлений запомнилось еще одно — внешний вид учеников Панфиловского: все подтянутые, в строгой форме, при галстуках. И выглядят более взрослыми, чем их ровесники в школе. (Уже после одной такой встречи «пугать» детей училищем было бы нелепо.) Иван Никитович и предложил: «Вы, ребята, видели в музее портрет Гребнева? Давайте и его подключим к нашему договору. Вы закончите восьмой класс, а моя группа уйдет на завод, и я буду набирать новую»...

Договор подписали на торжественной линейке в присутствии всей группы, класса, мастера, бригадира. А спустя немного времени на базе училища проходил первый Всесоюзный конкурс краповиков металлургических предприятий. Мы были участниками открытия конкурса, были и на полигоне, где шли соревнования, выступили с приветствием на заключительном слете молодых рабочих.

Потом Панфиловский пригласил нас в мартеновский цех. Но это не было обыч-

ной экскурсией. Она началась с началом рабочей смены. В восемь часов утра в мартене нас встретила группа. Четыре часа мы жили атмосферой завода, видели весь процесс, — от загрузки печи до разливки стали. Ну, а группа в тот день особенно старалась, ведь работала на глазах у своих подшефных, как тут ударить в грязь лицом? Без суеты, четко, размеренно. Мои ребята вместе со сталеварами брали пробы металла — еще теплую сталь подержали в своих руках...

В классе у нас появился стенд, посвященный жизни бригады. Все последние новости, газетная информация о делах бригады — все находит свое отражение на этом стенде.

Как наше содружество влияет на школьников? Я это заметила по их сочинениям. Они теперь не просто пишут общие фразы: «Мне нравится профессия сталевара», — а рассказывают о тонкостях этой профессии. Но мы не хотим принуждать ребят к выбору одной определенной специальности; мы просто расширяем их кругозор. Трудно, конечно, пока говорить, что из ребят получится. Но меня радует такой факт: ученик говорит, что хочет быть врачом, и тут же добавляет: чтобы лечить рабочих завода.

У ребят все откладывается в сознании. Должна сказать, что если поначалу у меня и появлялись сомнения в пользу содружества — дескать, это вроде игры, — то они быстро прошли. Теперь я уверена, что мои дети в трудную минуту всегда придут на помощь товарищу; у меня нет проблем дежурства по классу, не бывает, чтобы кто-то не выполнил задание.

Во взаимоотношениях школы и ГПТУ особых трудностей нет, потому что мы сами их не создаем, стремимся идти друг другу навстречу. Школа должна шагать в ногу с жизнью, с потребностями общества.

В содружестве важно также не только воспитание трудовых навыков. Этого мало. Воспитывается уважение к заводу, гордость за его людей. Ребята прибегают ко мне и сообщают: «А в газете сегодня снова пишут о нашем цехе». Слова «наш завод», «наш цех», «наша бригада» новые в лексиконе школьников.

Если в классе случается неприятность, я говорю: «А если завтра придут наши шефы, что мы им скажем?»

К сожалению, нет рекомендаций, как лучше вести такое содружество. Может, мы что-то и недорабатываем... Ищем в нем самих себя, а это очень нелегко. Теорему можно выучить и по учебнику. Куда сложнее воспитать добрую душу, честного человека.

Я понимаю, что приказом нельзя внедрить такое трехстороннее содружество. У нас оно пошло от внутренней потребности. Ведь каких людей мы воспитываем, то и получим в будущем, такое общество. А для этого надо, чтобы дети не только в учительском «котле» варились...

Вторым этапом содружества будет... воспитание родителей. Есть еще семьи, где не думают о будущем своих детей: дескать, школа позаботится. Для начала предполагаю дать родителям анкету (нечто вроде домашнего задания) — кем и какими они хотят видеть своих детей? Вместе с Гребневым и Панфиловским выйдем на откровенный разговор с родителями.

ИТАК, ВЫ ПРОЧЛИ ПОДБОРКУ МАТЕРИАЛОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДЕЙСТВЕННОЙ ФОРМЕ РАБОТЫ С МОЛОДЫМИ. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПОЛЕЗНО БЫЛО БЫ ПРИМЕНИТЬ ТАКОЙ ОПЫТ У ВАС? КАК МОЖНО УГЛУБИТЬ, РАЗНООБРАЗИТЬ СВЯЗЬ КЛАССА, ГРУППЫ И БРИГАДЫ? КАКИЕ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ РЕЗЕРВЫ ЭКОНОМИКИ ВИДЯТСЯ В ЭТОМ ДЕЛЕ? ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ, СОВЕТОВ, ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

ПУБЛИЦИСТИКА

Мужество
и
человечность

Идущие впереди

Два слова, вынесенные А. Гавриловым в название книги, — это две ее главные темы: «Мужество и человечность» («Советская Россия», 1981 г.). На этих чертах, присущих ее героям — коммунистам, людям, всегда и везде идущим впереди, — автор сосредоточивает особое внимание.

Эта книга не литературоведческое исследование, хотя в ней много говорится о литературе. Прежде всего эта книга — о жизни, о ее героях. Основное ее достоинство — в публицистической заостренности.

Широкий и многообразный спектр проблем, затрагиваемых автором. Здесь вопросы истории и политики, экономики и социологии, идеологической работы партии на современном этапе.

Особое место в книге «Мужество и человечность» занимает разговор об имеющих огромное значение для практики коммунистического строительства трудах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева. Много и интересно рассказывает А. Гаврилов о коммунистах — героях книг Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», об их жизни и героических делах.

В книге «Мужество и человечность» рассматриваются десятки разных произведений советских писателей. Объединяет их то, что в них живут и действуют коммунисты — Ленин и его соратники, те, кто свершил революцию, и те, кто поднял народ на борьбу с иноземными захватчиками, кто восстанавливал разрушенное войной хозяйство, кто сегодня в первых рядах защитников мира на земле, в первых рядах строителей коммунистического общества. В лучших произведениях многонациональной советской литературы подлинны герои нашего времени не статичные идеальные фигуры. Это живые люди, которые могут иногда и заблуждаться и ошибаться, потому что, как известно, никогда не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, а они делают очень многое — строят, ищут, экспериментируют. За некоторые наши ошибки минувших лет, за отдельные, не изжитые и сегодня недостатки из всех сил пытаются уцепиться иные наши «доброжелатели», нудно твердящие о «социализме с человеческим лицом», рекомендуя немедленно «усовершенствовать» наш социализм. Но нам хорошо помнятся замечательные слова Ленина: «На каждую

сотню наших ошибок, о которых кричит на весь мир буржуазия и ее лакеи... приходится 10 000 великих и героических актов — тем более великих и героических, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими кричать о каждом своем успехе на весь мир...»

Динамизм политического, хозяйственного, социального и культурного развития нашей страны, как справедливо подчеркивается в книге А. Гаврилова, постоянно усложняет характер социальных задач, а следовательно, и некоторых противоречий нашего общества. «В решении этих задач, поставленных партией и государством, в столкновении с определенными противоречиями жизни и преодолении их и проявляется характер нашего современника». Сила и неизменная историческая правда коммунистов — и реальных людей, живших и живущих среди нас, и героев книг советских писателей — в прочной идейной убежденности, преданности делу коммунизма, беззаветной любви к Родине, высокой трудовой и политической активности. Именно такими, мужественными и человечными, предстают перед читателями и герои книги А. Гаврилова.

Виталий КАЗАКОВ

ПОЭЗИЯ

О родине слова

Читаешь эту небольшую книгу, и перед тобой оживают, наполняются добрым светом вроде бы и неприметные на первый взгляд вещи, пейзажи, самые разнообразные явления жизни. Человек и природа, их взаимодействие, влияние друг на друга — казалось бы, уже давно всем нам знакомая тема в книгах, но в этой по чуть уловимым штрихам вдруг начинаешь замечать новые истины, глубину человеческих переживаний и вечную, неодолимую страсть каждого из нас соприкоснуться с тем необъятным таинством природы, которое зовет познать свое совершенство и свои возможности, любить и беречь каждый листок, травинку, все живое. «Это радость особого рода! Но ведь многие знают не хотят, что и чувства, и ум, и природа на одном языке говорят».

Именно такие чувства вызывает новая книга стихов Владимира Моценко «Зеленая ночь» («Современник», 1981 г.). Но в книге не только природа. Здесь и глубокие лирико-философские раздумья автора о времени, любви, интересные мысли об истории и современности, их постоянной связи, о молодости, которая сегодня уже сама по себе, своей значимостью в нашей жизни исторична.

В последнее время с грустью можно отметить в поэзии некоторое жанровое обеднение. Так, если автор пишет поэмы, то ему уже не до «мелких» жанров, и наоборот. Книга «Зеленая ночь», как говорится, счастливая, хотя и не единственное исключение из наметившегося правила. В ней мы встретим и лирические циклы, и сюжетные стихи-

творения, и лирико-философскую историческую повесть в стихах, и вдруг неожиданно краткие, в четыре — восемь строк, миниатюры, как бы кристаллизующие мысли и чувства поэта.

Философски размышляет поэт о времени, в котором, пока ты молод, ты должен найти себя, успеть сделать главное и не сойти с рельсов жизненного пути. Жизнь человека коротка, и много надо успеть, не оставляя на потом: сегодняшней твоей день с трудностями, неожиданностями, но радостью самодостижения и радости для людей — он делает человека счастливым в настоящем и будущем.

Поэт задумывается о значении, влиянии своего слова. Социальная значимость поэзии, ее гражданская активность, ее человеческое начало — эти проблемы всегда волновали всех, кто любит литературу, великое искусство слова. «У слова родина одна. Одна, одна среди прочих родин. Но был в любые времена поэт подвиг всенароден».

В стихотворениях о красочном мире детства, любви, природы читателю книги Владимира Моценко открывается глубокое слияние истории и современности, гражданственности и исповедальной лиричности поэта.

Павел ГУСЕВ

СПОРТ

«Доблестью и трудом»

Знаменитый хоккейный наш тренер Анатолий Тарасов спросил меня однажды, когда мы вместе работали над книгой, каких игроков хотел бы я видеть в «своей» команде. Тех ли, кто горазд на многое, но все умеет делать на «четверку»? Или тех, кто по двум-трем хоккейным предметам имеет «пятерку», а по остальным — «двойки» и «тройки»? Вопрос был, разумеется, риторический. Ответ Тарасову не требовался. Он давно его знал. Он приглашал в ЦСКА, конечно же, только тех, кто заслуживал хотя бы одну-две «пятерки» — за нестандартную ли обводку, за мгновенную ли сообразительность, столь важную в горячей схватке у ворот соперника, за скоростные ли достоинства. Одним словом, приглашал в свою команду Тарасов спортсменом, обладающим ярко выраженными, своеобразными, «фамильными», как подчеркивал тренер, чертами. «От «двойки» к «тройке» и от «тройки» к «четверке» — путь неизмеримо короче, чем от «четверки» к «пятерке», — утверждал Тарасов. — При сегодняшнем развитии спортивной науки подготовка середнячков, подгоняемых под общую мерку, под единый стандарт, по силам тренеру даже самых скромных возможностей. А вот угадать самобытный талант...»

Я вспомнил эти размышления маститого тренера и педагога, вчитываясь в небольшую по объему книжку Владимира Коммунарова «Валерий Попенченко», изданную в библиотечке журнала «Пограничник». Имен-

но эта мысль — о бережном отношении к самобытному таланту — определяет главную линию разговора. Когда-то, в самом начале спортивного пути будущего олимпийского чемпиона, случился у Валерия разговор с тренером Григорием Филипповичем Кусикьянцем. Валерий, уязвленный последней неудачей, болезненно воспринимавший критику (а ругали его, и щедро, когда был он уже и чемпионом страны), предложил изменить собственную манеру бокса, и тренер тогда же решительно пресек все попытки Валерия отказаться от своего, «фамильного» почерка: «Ерунда. Тогда не будет тебя как боксера. В этом-то и сила твоя, что ты неудобен и непохож ни на кого. Если бы ты был как все, не о чем было бы говорить».

В книге прослеживается непростая судьба боксера, на долю которого выпало немало незаслуженных упреков и обидных сравнений. Несколько раз на разных страницах встречаются рассуждения о том, что самое главное в спорте (да и в спорте ли только!) — победа не столько над соперником, сколько над собой. В нашей спортивной журналистике мысль эта куда как не нова. Но в том-то и заключается, по моим представлениям, удача Владимира Коммунарова, что утверждения о первостепенной важности преодоления себя, собственных слабостей становятся тем выводом, к которому приходит читатель, к которому он подводится логикой материала.

О Валерии Попенченко написано немало. И сам он успел написать книгу «И вечно бой...», изданную в «Молодой гвардии». И я, не скрою, с некоторой осторожностью начал читать книгу В. Коммунарова. Однако должен признать, что в хорошо и подробно разработанную тему автор тем не менее сумел привнести новые факты. Коммунаров был близок к прославленному нашему чемпиону, они часто виделись, беседовали, переписывались (в книге приводятся письма Валерия автору), и потому книга дает возможность читателю лучше узнать Попенченко, глубже понять его характер.

Олег СПАССКИЙ

КРИТИКА

На пути к синтезу

Статьи Евгения Сидорова всегда интересно читать: в них неизменно осязимо живейшее участие критика в делах текущего литературного процесса, в них бьется мысль, высказанная ярко и полемически заостренно, в них глубокий аналитический подход, за которым угадывается большая эстетическая культура, сочетающаяся с легкостью и изяществом формы. Все эти качества делают сборник критических статей, портретов, «диалогов» Е. Сидорова «На пути к синтезу» (издательство «Современник») любопытным не только для специалистов-литературоведов, но и для широкого круга читателей.

Собранные вместе под одной обложкой, статьи представляют особый интерес тем, что поз-

воляют выявить «цепочку мыслей», ряд последовательно на протяжении лет отстаиваемых автором позиций, излюбленные темы и идеи, составляющие пафос его повседневной критической работы. И первая среди таких идей — то, что является объединяющим для всего сборника, его концептуальной стержневой основой. — это мысль о «необходимости нового художественного синтеза и в форме, и в содержании литературы и искусства зрелого социализма».

Об этом идет речь в первом, наиболее важном разделе сборника, содержащем статьи общегероического характера о «Герое и времени» («Развитие и обогащение социалистического идеала, его усложнение... требуют и от писателя усложнения всего художественного инструментария»), «О современном романе» («Опираясь на философию исторического оптимизма, наши писатели вступают в зону трагического, хорошо понимая, что именно в трагедии художественная правда способна достигнуть максимальной степени своей концентрации»).

Поиски путей «нового художественного синтеза» — главный предмет разговора о поэтической ситуации середины 70-х годов: «Красота, гармония, музыкальность — пустые слова, если они не вешают в себя трагизм и героизм нашего мира, правду современного человеческого существования... Некоторая рассудочность и «чистый» интеллектуализм себя изжили, а время нового лирического синтеза еще не наступило. Оно придет, когда наша поэзия, сделав следующие усилия, освоит формальные богатства, накопленные русским стихом XX века, и свободно выразит свое время в адекватных ему образах».

В нескольких статьях сборника «На пути к синтезу» анализируется творчество, индивидуальный художественный опыт современных прозаиков: В. Тендрякова, А. Афаньева, В. Распутина. А герои последнего раздела и приложения «диалогов» — вновь поэты и поэзия. Со страниц очень тонко, бережно написанных «Силуэтов» предстают перед читателями поэты, ныне живущие и уже ушедшие, чьи стихи, чей путь в поэзии сегодня привлекают к себе внимание: Л. Мартынов, А. Фатьянов, С. Дрофенко, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Д. Самойлов и другие.

Статьи третьего раздела книги выделяются, но не выпадают из общего концептуального контекста сборника. Под общим углом зрения рассуждается в них о сценической жизни двух чеховских пьес, об экранным воплощении Гамлета Г. Козинцевым и И. Смоктуновским, о судьбах некоторых художественных фильмов, снятых в разные годы, но одинаково ставших заметными явлениями нашего кино («Жил певчий дрозд», «Июльский дождь», «Подранки»). И разве не тоской по «новому художественному синтезу», не жаждой его продиктовано, к примеру, это наблюдение: «Не кажется ли вам, что современное искусство стало гораздо меньше потрясать людей? Оно, может быть, стало умнее, проблемнее, даже философичнее, но потрясать перестало. Момент эмоционального контакта сводится к минимуму. Хожу в театр, смотрю фильмы, но все реже ощущаю, как комок подступает к горлу. Дорого стоит это чувство...».

Разумеется, сборник статей Е. Сидорова ценен и тем, что дает представление не только о личных критических интересах и пристрастиях его автора. Он прежде всего отражает реальные черты литературно-художественной жизни 70-х годов, подмеченные человеком, в этой жизни не посторонним.

Игорь КОШЕЛЕВ

НЕ РЕЧКУ ПЕРЕЙТИ

Станислав РОМАНОВСКИЙ

РАССКАЗЫ

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

ЧУВСТВО

Одно из самых высоких—не иллюзорных, а истинных, мудрых и вечных чувств—чувство Родины.

Слабого оно наделит силой и подвигнет на свершение, и люди забудут, что он был слабым.

Сильного оно укрепит в мужестве и наделит нежностью.

У разуверившегося во всем—в мерцающем сознании его, в его лютом нежелании жить—оно зажжет светильник надежды, и человек прянет к жизни, как жаждущий к роднику.

Войны, беды—все схлынет и рассыплется в прах. И распрямятся шелковые травы моей Родины, станут светлыми ее реки и ключи, и подадут голоса певчие птицы ее лесов, лугов и ополий, купающихся в росе.

С отдаленной звезды видна моя Родина—вселенский простор в окружении соленых кипучих океанов, горных хребтов и равнин—равная среди равных держав на Земле, и нет ей равных в сердце моем, потому что она—моя мать.

С окатного среднерусского холма горит белая негасимая свеча Ивана Великого, светят красные граненные звезды моей Революции. И свет их ложится на души моих товарищей и на мою душу, освещая наши пути святым смыслом.

На огромной моей земле есть мое Прикамье, где волей случая или замысла я родился, вырос, окреп, и оно осталось на все времена купелью и колыбелью, пристанищем души моей.

Помню дымчатый день... Из зарубежной дали я приехал к себе на Каму, в осеннем дыму на том берегу различил нежнейшие белые вершины, храмы моего старинного города, зеленый плат кладбища за ними на Гаринской горе, упал в

польнь и разрыдался. Я плакал всласть и вдыхал горький запах родной земли. Раскинув руки, я обнимал ее и услышал над собой материнский голос:

— Ты чего, сынок?

Надо мной стояла крестьянка и спрашивала:

— Ты никак плачешь? Горе какое? Чего это у тебя в руке-то?

В горсти я показал ей комочек земли.

Она разминала тучную красно-коричневую землю в ладони моей и приговаривала:

— Хорошая земля! А чего же плачешь?

— От радости...

— Ай давно тут не был?

— Давно, мать.

— Чего же ты, дитятко?

Этот разговор и прикосновение к земле вернули мне силы. Я поднялся на ноги и поклонился старой женщине и с благодарностью вспоминаю этот день и час, когда дали просматривались насквозь и, как слезами радости, были подернуты прохладным предзимним дымом.

Я знаю прекрасное движение души, когда сердце дрогнет—счастливо и больно!—и мир станет ясным, обоймет тебя, и повеет в лицо забытым:

— Родное! Как ты там без меня?... Родимое...

Можно разувериться в друзьях и, как случайное слово, вычеркнуть их из книги жизни, но нельзя разувериться в Родине, потому что она не предаст.

Какие бы смерчи ни обрушивались на нее—Родина выживала. И пахарь—в который раз!—начинал на ней новую борозду. Потревоженная плугом земля дышала во всю грудь, готовясь выносить в лоне своем трудный хлеб наш.

И вставали хлеба в человеческий рост. По ним топтался ветер, завивал воронки и застывал во ржи, изваянный из воздуха. Рожь клонила колосья, светилась среди дня потаенной ранней сизо-серебряной сединой и просила людей:

— Не забывайте обо мне. Я—хлеб ваш насущный. Во мне—сила ваша. Нельзя без святых, люди!..

Земля пахла хлебом—широко, выстрададно, грустно, и с малых лет я познал, что причащение хлебом—это причащение Родины.

Бабушка выпевала внукам своим песни, сказки и присказки—заветное слово наше.

— Зернышки вы мои,—говорила она нам, маленьким.—Зернышки-ии... Хорошо будет. Хорошо!

Она смотрела на нас как будто издадека—из вчера или из-завтра? И мне хотелось спросить тогда:

— Бабушка, а что будет-то?

А сейчас я думаю: почему же и не спросил?

Я думаю о том, что это не только свойство человека—смотреть на скоротечное сегодня из далекого и как будто не столь скоротечного завтра, из такой немислимой дали, что и представить трудно, из какого-то справедливого и непреходящего времени.

Береза, не успев зазеленеть, золотится осенней прядью, хотя до осени дальше дальнего. В сторонке от клена табунаются кленочки, по колено мне, а листья их, как и у большого клена, огромны, взрослые и отлиты из сквозного золота. Девушка надевает венчальное платье, и на лице ее сокрыто материнское, а то и бабушкино озобоченное выражение—на юном лице, на бело-розовом, без единой морщины. Если я иду по неухоженной и вытопанной земле, то провижу ее в садах, цветах и белых селениях—прекрасную и свободную от нехваток, болезней и зла. И человек—взбалмошное дитя ее—с изумлением рассматривает орудия убийства, упрятанные под стекло. Ощущение будущего, что в крови у человека,—это приятие уверенной, несуетной, полезной работы с восходами, полднями и закатами.

И опять восходами!..

Мы глядим на себя из будущего, а живем в настоящем и ощущаем время как материал упругий, неподатливый и бегучий. Мы живем и в меру сил своих ладим жизнь по-своему, как велит нам Время, далекое, правое и непреходящее.

Прикосновение к будущему и есть высокое чувство Родины.

Родная, радательница, родимая!.. С чем я иду к тебе? Каким внешним словом отблагодарю тебя за то, что ты есть?

Благослови на труд, на новую борозду, на всходы, потому что нет у нас Родины без благословенного труда, и только с ним мы обретаем тебя.

По утрам Русь освещена росой, обильной, густой и зернистой, и пахнет роса остро, как снег при румянном морозе... Снег? Нет, в этом утреннем торжестве росы есть первородный запах молока, приятие жизни ребенком. И душа человека ненадолго становится детской, чтобы немного отдохнуть, прежде чем повзрослеть и ожесточиться. Роженица умывает ребенка в росе, и дитя растет, чтобы дать жизнь своему дитяти, чтобы род человеческий жил ради жизни, а не ради смерти, ибо пока живое умывается живой росой Родины, оно будет жить и принимать жизнь как благо.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Поздней весной, а то и ранним летом в низовьях Вишеры в поемных лугах зацветает черемуха.

Белый, венчальный, облачно-небесный цвет ее нисходит на камни, на землю, до трещин прокаленную морозами, и, достигнув цветенья, смотреть на которое непривычно и больно глазам, опадает без печали.

Белым туманом, белым лебедем черемуха вливает весна в мою Вишеру. Небо, и камни, и воды светлеют, и на недолгое недолышко в душе моей поселяется ожидание встречи.

С кем?

С любовью?

С той, что была, да прошла?

Или с той, что будет, да все равно пройдет, оборвется на радостном стоне и опадет белым цветом в черную, жирную, весеннюю землю?

Или останется?

Сейчас самое время зашелкать соловьям по черемушникам. Но из-за холодов соловьи сюда не прилетают, и девушка-метеоролог говорила мне:

— Я слышала с чужих слов, что соловьи очень красиво поют. Как они поют на самом деле, я не знаю. У нас кедровки в кедрах хорошо пощелкивают. А соловьев я все равно слушаю где-нибудь в Курской области...

Как хорошо, как славно, как светло на душе: черемуха цветет!

Она бушует здесь белым дурманящим кратким огнем, и, отцветая в низовьях, цвет ее неспешно поднимается в верховья и разбегается по гремучим верховым притокам.

Уральская цветет.

Об эту пору я люблю на лодке подниматься по Вишере—догонять цвет черемухи. Я еду так, чтобы не обогнать его и не отстать от него—вровень с ним еду. Я останавливаюсь в деревнях и поселках, встречаюсь с людьми, а весна сопровождает меня на всем пути. Белый цвет ложится на плечи, напоминает о юности, о том, что, если не моя, то чья-то черемуха еще не отцвела и отцветет не скоро.

Иногда я думаю о том, что, наверное, так же вольные птицы летят на север и нагоняют весну по каким-то своим очень простым и прекрасным приметам.

От скорости кедровым днищем, как крылом, хлопает моя лодка по воде, стучит и гремит по камешнику на перекатах, поднимает пену вместе с черемуховым цветом и песком, и, стараясь не потерять ходовую, я не выпускаю из виду небо, в котором ненамного быстрее меня плывут журавли.

По тому же пути плывут.

Пока куда не сворачивают.

А может, и не свернут?

Они пропадают из виду, а мое сердце до боли сжимает радость.

Я не один в этом мире.

Не один!

Я, пропавший Вишерой, смольем костров, солеными хариусами, осунувшийся и почерневший от ночевки под открытым небом, от лютого ветра, припадаю сердцем к природе и говорю ей:

— Я тебя не дам в обиду, милая!.. Я заслоню тебя... Я с тобой, слышишь? Ныне и присно и во веки веков...

А цвет черемух катится и катится впереди меня, и я нагоняю его у камня Писаного, с веселым грохотом выгоняю лодку на галечную отмель под ним—на жертвенное кострище и глушу мотор. Скалы камня приветливы, одушевлены и похожи на высокие волны, а сейчас в цветущей черемухе—на облака. В свое время Великий Ваятель с любовью вылепил их из каменного теста, в задумчивости стяхнул его с пальцев и занялся другими делами или пошел отдохнуть немного. Тесто застыло завитками, и видны пласти, идущие волнообразно, наискось или ровнехонько.

По шербоатой тропинке я поднимаюсь к камню. Из него, из тысячелетий глядят на меня нарисованные красной краской—цветом солнца, крови убитой на охоте жертвы и целебной ягоды рябины—медведи, хариусы, олень с солнцем между рогами. Они глядят на меня, а я гляжу на них. Взгляды наши дружелюбны, и мне кажется, что между нами не так-то много времени—несколько тысяч лет, несколько мгновений Вечности, не дольше. Вот они—эти мгновения. Я берусь за запястье и слушаю спокойные толчки крови: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Разве это много?

Жить да жить предстоит людям, и таких мгновений в их жизни будет бесконечье.

Я задерживаюсь взглядом на красной короне солнца в рогах оленя и поднимаюсь выше. Отовсюду пахнет черемухой. Она здесь только-только начинает цвести, и сыроватый запах ее похож на запах таящего снега, воды-снежицы и самой Вишеры.

Дали раздвигаются. Уральские угоры белыми, синими, зелеными табунами кобылиц пасутся вокруг, а внизу багровой чертой загорается и пригасает река Вишера. Будто пращур мой, охотник и литец, что тысячи лет назад жил в пещерах камня Писаного, провел эту черту охрой с жиром—древней краской цвета солнца, крови убитой на охоте жертвы и целебной ягоды рябины. Или я сам давно по своей жизни провел эту черту и все суетное оставил за ней, позади, а все истинное—впереди?

Я поднимаюсь выше и за камнем Писанным вхожу в Тихую Долину.

Это просторный лог, весь, как есть, убранный по весне золотыми купавками. Я мог бы и не угадать тот день, когда Тихая Долина в цвету, а вот угадал! Я закрываю глаза, подольше не открываю их, а потом открываю и вижу, как синий уральский воздух дрожит и переливается вокруг и цветут, не опадая, золотые купавки.

Почему-то они любят собираться именно здесь, и по всей Вишере да и по всему Прикамью нет такой сходки цветов, как в Тихой Долине у камня Писаного, когда еще снег не сошел.

Тихо как! И какой талый, колючий с холодку здесь воздух!

Я вижу отсюда мою лодку. Коричневым клинышком вдаётся она в багровую Вишеру, отдыхает и ждет, когда я надумаю ехать дальше. И сердце мое переполняется нежностью к этой лодке, которая сработана на совесть и по любой воде перевезет меня туда, куда я захочу. Вот посуху только не может и по воздуху, и мне кажется, что лодка немного совестится этого.

Ехать или погодить?

Тихая Долина убрана купавками, а черемуха только-только начинает цвести, и ее запах окутал скалы древнего камня.

Сегодня я разведу костер на галечной отмели, на жертвенном кострище и заночую у воды под частыми звездами.

А завтра будет видно.

Я собираю сушняк для костра, поглядываю на небо, на котором родился месяц, и думаю о том, что сверху, с немислимых высот, наверное, видно, как по Вишере, старая дочерна, спешит белый огонь цветущих черемух. Бежит огонь к самому истоку, к трем каньонам, где на перевале между двумя вершинами из подземного озера берется Вишера. Ветвась по верховьям, по натруженным жилам ручьев, бежит огонь, и тихо, без взрыва, догорает на скалистом гребне Пасирватмонингнел. А там уже без Вишеры, без провожатой, по распадкам, по лесным островам, по ручьям, по суходолам, перевалив Каменный Пояс, все цветет и, дымясь, опадает моя черемуха...

АЛМАЗЫ

На притоке Вишеры—реке Большой Колчим—работает драга—железный комбайн с пятиэтажным домом величиной.

Если комбайн в поле отрясает хлебные зерна от половы и соломы, то драга отрясает от земли алмазные зерна—иное из них не больше хлебного зернышка...

Добыча алмазов—дело суровое. После нее остается местность, перемолотая железом, как после войны. Некогда река Большая Колчим кипела от хариусов. Сейчас по искорененной земле точится ржавый ручеек, в котором и лягушки не живут.

Железным островом возвышается драга посреди мутного, как из густой браги, озера. На почтительном отдалении от железного острова сияют леса, зовут пройти по ним и надыхаться земляничным жаром.

На драге работают семьдесят человек, и среди них мастер-обкатчик Александра Михайловна Платунина, женщина двадцати семи лет, одинокая, властная и немногословная. В спецовке и резиновых сапогах она всегда в хлопотах, и шаги у нее по железному клепаному полу, по железным лестницам и переходам тяжелые и грохочущие, как у всех, кто работает вместе с ней. А работают с ней большей частью мужчины и слушаются ее беспрекословно, потому что лишнего распоряжения она не отдаст.

Александра Михайловна бывает при приеме алмазов. Они лежат в коробке из-под монпансье—разновеликие камушки—и светятся. Александра Михайловна подносит к ним ладонь, словно греет ее над белыми угольками, и ладонь становится нежнее.

— Руку не обожгите,—говорит охранник Елисей, моложавый мужчина на протезе. Ногу он потерял на войне тридцать пять лет назад, стесняется своей инвалидности и не любит говорить про войну, а любит говорить про свою жену Ларису.

— Нынче я встретил дедушку... как его?... Аристарха Ивановича! «Куда, Аристарх Иванович, бежишь сломя голову?» «Да в лес, по грибы». «А чего корзину не взял?» «А?» «Я говорю: чего корзину не взял?» «Да обеспамятел совсем: от жены бегу». «Что так?» «Ворчит!» «И давно ворчит?» «Давно. Почитай, лет пятьдесят». «Пятьдесят лет?!» «Я тебе говорю: пятьдесят». «А чего она

ворчит?» «Спроси ее. А твоя-то не ворчит?» «Эх, Аристарх Иванович! Аристарх Иванович! Моей ворчать некогда. Моя любит...» «Кого?» «Да меня. Кого еще?» «Тебя?» «Меня! Старого! Изношенного! За что только любит, не пойму». «Маленько, наверно, проворишь?» «Это-то есть...» Больше я ему ничего не стал рассказывать, чтобы человека не расстраивать. Жена—это, наверное, как лотерейный билет: один выигрыш на миллион случаев. Чаще-то не бывает... Мне командир взвода говорил: «Не женись, Елисей. Помяни мои слова: женатая жизнь—вредное производство». Я женился дважды. Второй раз под старость лет, и никакого вреда не вижу. Одна польза. Даже волосы сесть перестали. Вот сейчас стою около миллионов, а ведь не о них думаю. Пропали они пропадом! О Ларисе... Как бы с ней чего не случилось...

Люди вокруг него насмешливо улыбаются, все, кроме Александры Михайловны.

Она любит слушать Елисея, и сердце ее, пока она слушает, отдыхает и греется около чужой любви. И в то же время она улавливает в нем сокрытую потребность высказаться, которая бывает у людей немолодых и одиноких, поговорить с молодыми: они останутся жить, когда Елисея не будет, и увидят неведомое время, как далекие неведомые страны, а он это время не увидит.

Алмазы зарегистрированы, запечатаны в тальковую бумагу, закрыты в стальной сейф. Люди расходятся. Пора идти и Александре Михайловне. Она не спешит уходить и тихонько просит Елисея:

— Расскажите про Ларису...
— Про Лариску-то?—веселится он.—А ты ее разве ни разу не видела?
— Нет...
— Что это ты? Да она ко мне третьеводни приехала!
— Не в мою смену...
— Вот обидно-то!
— Что поделаешь?
— Да она завтра придет! Я вас и познакомлю. Она тебе понравится. Кра-асавица баба! То есть я красивее не встречал! Конечно, может быть, и есть где-нибудь покрасивее, ну, не хуже ее, во всяком случае, только я не встречал. Да и ты ей, возможно, понравишься. Про нее в двух словах. Александра Михайловна, не расскажешь. Бывает, ведь и я с ней мучаюсь.

— А разве никак нельзя не мучиться?—осторожно спрашивает женщина.
— Никак!—убежденно говорит Елисей.—Без мучения не обойтись. Иной раз думаю упрыгать от жены куда-нибудь в тайгу, как дедушка Аристарх Иванович. Да на одной ноге больно далеко-то не упрыгаешь. Что ты—куда без мученья!..

Говорит он обо всем этом с какой-то лихой веселостью, и если в его устах слово «мучение» заменить на слово «радость», ничего не изменится.

Лариса оказалась женщиной лет тридцати пяти с увядшим лицом, накрашенными губами и открытыми плечами в свежих комариных укусах; глаза ее блеснули немножко странным блеском. Елисей, когда знакомил их, сказал про Александру Михайловну:

— Наша матушка—начальница. Все по-хорошему про тебя спрашивала...
Лариса широко улыбнулась и воскликнула:
— Очаровашечка!
А Елисей спросил:
— Может, вам, Александра Михайловна, чего-нибудь привезти из города? Она все делает. Вы говорили: у вас облигации не проверены. Сколько?
— Четыре... Зачем вам беспокоиться?
— Какое беспокойство!—удивился Елисей.

Облигации Платунина носила при себе. Она передала их Елисейевой жене и вздохнула:

— Все равно они ничего не выиграют.
— Почему это? Обязательно выиграют, на машину хватит... на «Запорожец»,—заверил Елисей.
— Ой, «Запорожец» не надо!—попросила Платунина.—Я в него не влезу...
Все засмеялись, а Лариса сказала, прикрыв глаза веками:
— Очаровашечка!
И этим Александру Михайловну окончательно вогнала в краску.

— Вот так,—сказал Елисей, проводив Ларису, и счастливо потянулся.—Вот так и живем!

После некоторого молчания Александра Михайловна спросила застенчиво:

— Она меня тут каким-то словом назвала... Ласковым словом. А я его забыла. Вы не помните?

Елисей опять счастливо потянулся и ответил:
— Разговор у нее интересный. Культурный разговор! Другой раз я сам ничего не пойму. Отвез я ее на железной лодке.

Ну... поцеловались! А у самого на сердце неспокойно: как бы чего не случилось! Чуть не забыл! Не успел ей подарить...

Он ушел куда-то, вернулся грустный с охалкой желтых кувшинок, притулился на ступеньке железной лестницы и принялся плести венок. Венок вышел толстым, громоздким, и охранник, выругавшись, выбросил его в иллюминатор. После венок долго плавал в мутной воде около драги, пока не затонул.

Спустя месяц Елисей отозвал Александру Михайловну в сторонку, оглянулся, не подслушивает ли кто, и мрачно сказал:

— Выиграли.
— Кто?—спросила женщина.
— Облигации-то твои. Забыла, что ли?
— Ааа...
— Три облигации забирай: они не выиграли. А четвертую получи деньгами—триста рублей. Вот тебе ее номер. Вот тебе таблица выигрыша.
Он передал все это Платуниной и спросил совсем безразлично:
— Чего же не пляшешь, Александра Михайловна?
— Елисей,—шепотом попросила она,—возьмите половину...
— Ни за что.
— Елисей, вы мне говорили, что вам косынка моя нравится...
— Ну.
— Возьмите ее... Пожалуйста! И подарите жене...
— Вот этого совсем не надо делать!—в сердцах перебил ее охранник, скрипя протезом, вышел и хлопнул дверью.

Вечером, когда высыпали звезды, Александра Михайловна нашла его на нижней палубе. Привалившись к железному борту, охранник пел хрипловатым, непоставленным голосом:

...Как-то над Вишерою, да, над рекою
Тут стоит дерево
Да, кипарис-то! Что на том дереве сидят птицы.
Они песенки поют все унывно.

Словеса-те говорят все премудро.
«Что кому да у нас быть да в боярах?
Что кому да у нас быть да в воеводах?»

«У нас быть-побывать да во боярах.
У нас быть-побывать да в воеводах,
Да Елисею Иванычу Паршакову!
У него же стругонки легоньки.
У него же гребцы молодые.
Все нашосточки, да кленовые».
Они по три дня по морю бежали.
По четыре дня, да не едали.
Как ко городу да надъезжали.
Ко Архангельскому да подъезжали.
Все Надину душу да заручали.
«Ты Надя-душа, да берегись!
Ты, Васильевна, да опасайся!»
«Елисея-молодца я не боюсь.
Я во жены ему пригожуся...»

Пел он как будто без выражения и без мотива, но если прислушаться, мотив был—старинный, выразительный, ровный. Когда он кончил петь, Александра Михайловна спросила:

— Как они... гребцы-то... из Вишеры в Архангельск попали?
Спросила она не из любопытства, а чтобы не молчать и не чувствовать себя одинокой. Ей думалось, что Елисей обиделся на нее за что-то. За что?

— Из Вишеры в Архангельск?
— Да...
Охранник задумался, опустил голову.

А потом пробормотал:
— Это надо было Надежду Васильевну, жену мою первую спросить. Она все старинные песни знала...

Поднял голову и близко заглянул в лицо женщине. В глазах его стояли слезы.

— Зачем ты...—начал он спрашивать, но не смог: слезы помешали.

Отдышался и спросил отчетливо:
— Зачем ты, Михайловна, дала нам эти облигации? Зачем?

Платунина вспомнила, что облигации они у нее сами спросили, но не стала напоминать об этом Елисею. Видно, у него какое-то горе. Какое? Тут уж лучше помолчать.

— Я из-за твоих облигаций Лариску костью побил! За дело, конечно, побил. А лучше бы не было никаких облигаций. Пошла она их проверять, вернулась довольненька: «Ни одна не выиграла!» А после кассирша в сберкассе мне говорит: «Поздравляю с крупным выигрышем!» «С каким?» «Ничего не знаете?» «Ничего». «Говорить имею право: это не тайна вклада». «Дак говорите!» «А ругаться не будешь?» «Чего ругаться-то?» «Твоя жена на этой неделе триста рублей выиграла. Видать, подарок тебе готовит на день рождения...» Я тут, конечно, сказал одно слово: «Кобра!» А больше ничего говорить не стал. Пришел домой и все из Лариски вытряс. Я говорю: «Ты ведь воровка! Тебя судить надо». А она: «Ты дурак». Прогнал я ее из дому... И вся любовь.

Елисей замолчал. Драга дрожала всем своим металлическим существом—огромная, железная, многотажная, проклепанная тысячами заклепок, посреди озера, усыпанного звездами, и дрожь ее передавалась Александре Михайловне. Она сказала:

— Простите вы жену...
— Нет!
— Не в деньгах дело... Оступилась—исправится... Все забудется...
— Нет.
— Что уж вы так, Елисей Иванович? Разве ничего поправить нельзя?
— Ничего.
— Почему?
— Она к хахалю ушла.

Он как-то сжался, стал меньше, и Александре Михайловне захотелось погладить его по голове, приласкать, сказать, что она любит его и будет любить всю жизнь. Она передернула плечами и проговорила:

— Зябко.
— И я уйду,—сказал Елисей.—С драги уйду. Нечего мне тут дурака валять. Охранником можно пенсионера в семьдесят лет поставить... А я все-таки фронтовик, артиллерист, в технике разбираюсь! Надо мной люди смеются.

И прибавил хмуро:
— Про костью я выдумал. Не бил я им Лариску. Пальцем не тронул. Пострадать—пострадал...

Когда Елисей взял расчет, Александра Михайловна вместе со всеми пришла его провожать. Руки он ей не подал, скользнул по ней взглядом, и в глазах его женщина углядела прежнюю обиду:

— Зачем ты, Михайловна, дала нам эти облигации? Зачем?
На место Елисея пришла работать тихая девушка после десятилетки—не то Марина, не то Ирина. Оружия на Елисейевой должности не полагалось, надо было просто присутствовать при приеме алмазов и следить за порядком.

И девушка, от старательности полуоткрыв губы, смотрела на людей и на алмазы в жестяной коробке из-под монпансье.

Смотрела на них и Александра Михайловна. Они были разные. Крупный алмаз излучал ржаной свет. Другой, поменьше, отсвечивал зеленым огнем. Сневатый камушек напоминал о том, что небо в этом краю бывает лазурным, не таким, как нынешним летом. Большею частью они были прозрачные, как роса. И было во всех алмазах нечто невыразимо прекрасное, природное, уральское—от голубой реки Вишеры, от ее родниковой влаги. В вишерских алмазах жило много застенчивости, радости и светлыни, и Александра Михайловна подумала о том, что, проданные куда-либо, они помнят Вишеру. Белые ночи России светятся в этих алмазах, в какие бы чужезадальные пределы ни забросила их судьба.

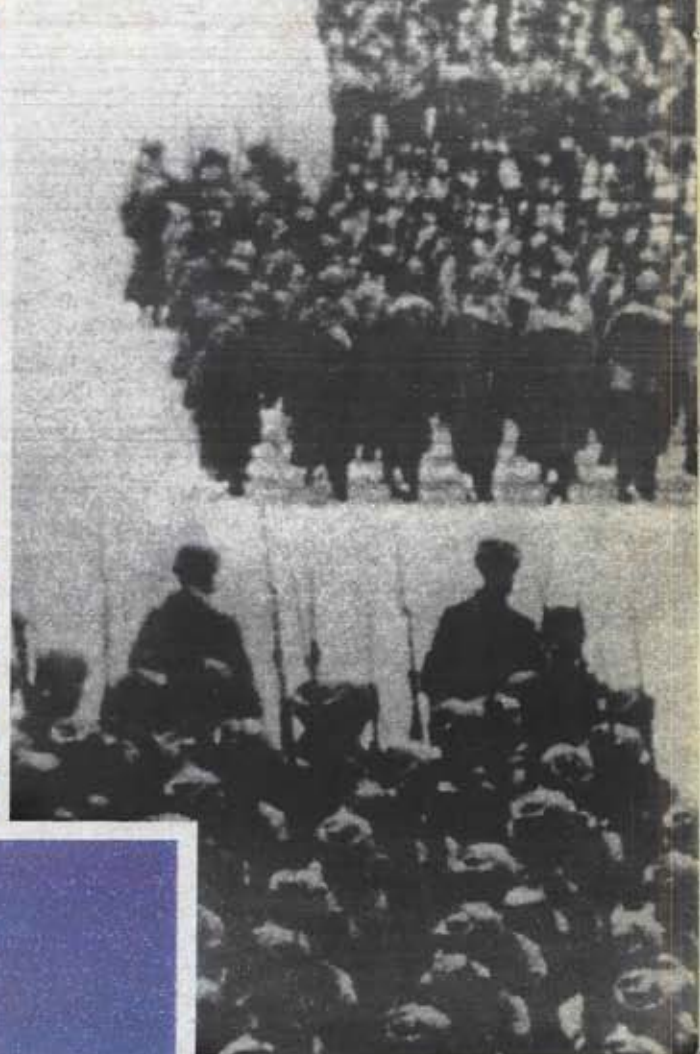
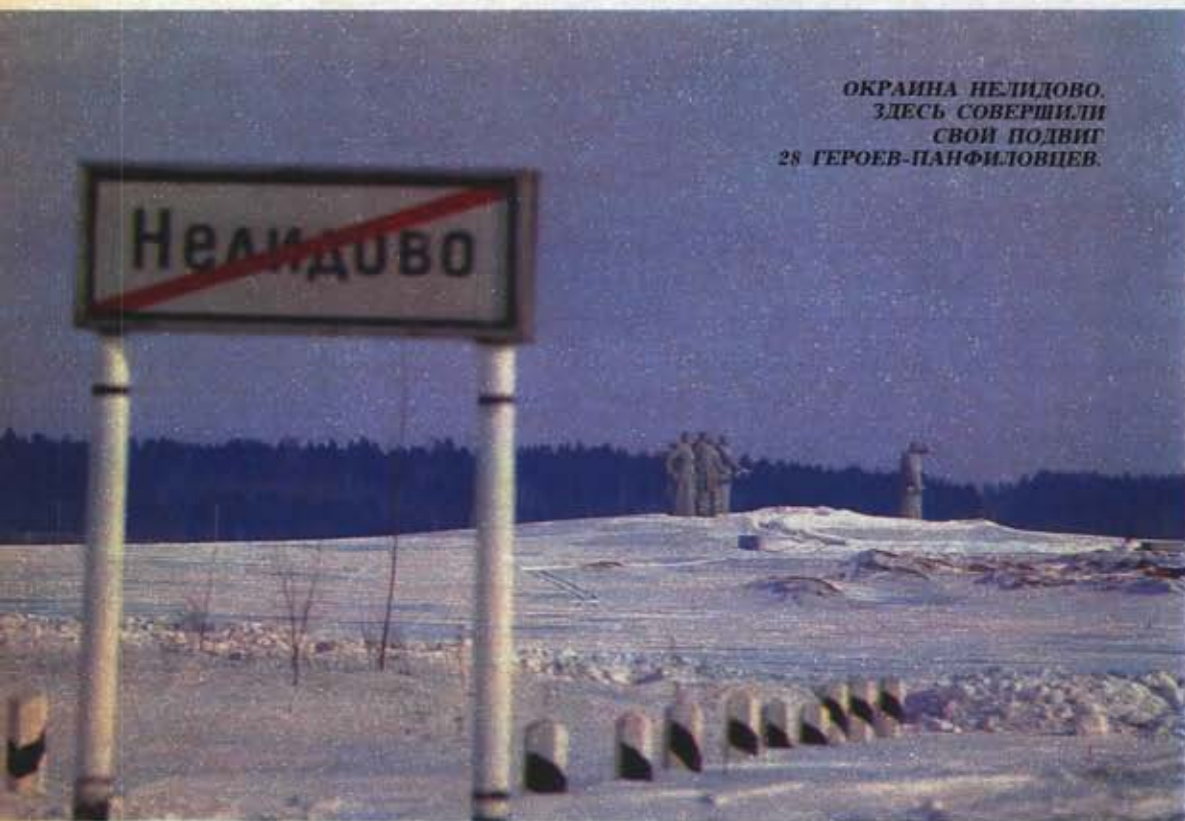
Александра Михайловна представила алмазное ожерелье на шее какой-нибудь богатой старухи, внезапно вспомнила Ларисино слово, и оно непроизвольно почти на крике вырвалось из ее уст:

— Очаровашечка!
— Это вы мне?—спросила охранница и покраснела.
— Да так...
Александра Михайловна вышла на нижнюю палубу. Гудела, содрогаясь, драга—железный остров посреди воды. И сейчас ближе к ночи вода эта не казалась мутной, грязной, в эмульсии. А была она поблескивающей и таинственной, и в ней одна за другой загорались звезды...

И ВРАГУ НИКОГДА НЕ ДАТЬ ЧТОБ СКОЛОНИЛАСЬ ТВОЯ Г

ОКРАИНА НЕЛИДОВО.
ЗДЕСЬ СОВЕРШИЛИ
СВОЙ ПОДВИГ
28 ГЕРОЕВ-ПАНФИЛОВЦЕВ.

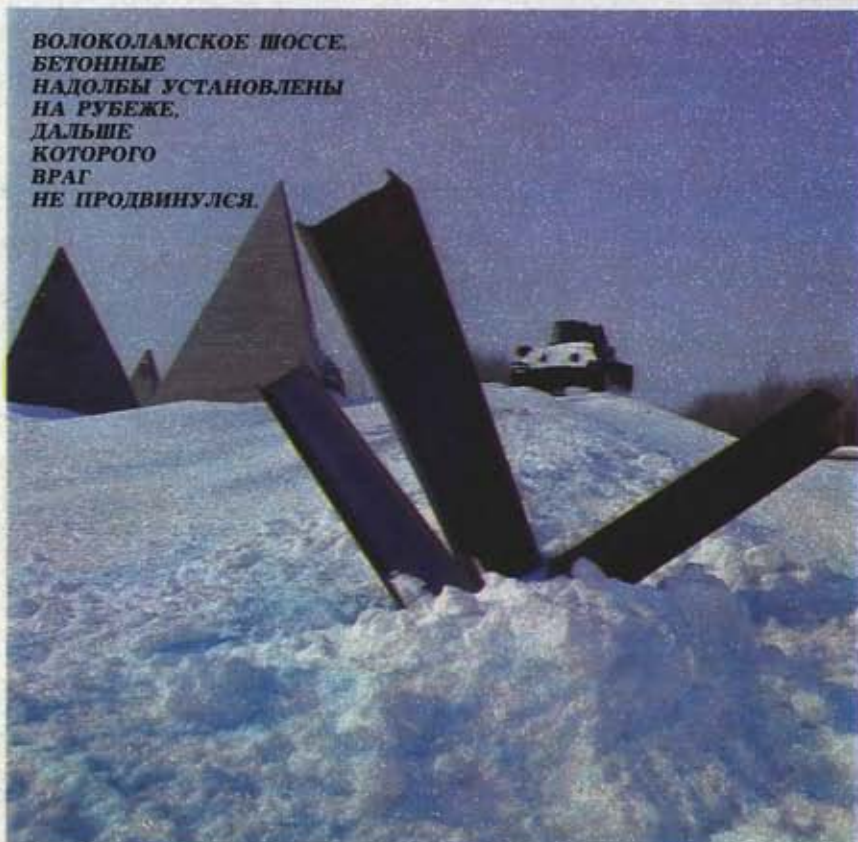
ЗАРЯ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Д. Д. ЛЕЛЮШЕНКО,
генерал армии,
дважды Герой
Советского Союза

Вероятно, и сейчас на Западе найдется немало историков, которые хотели бы извратить подлинное историческое значение победы, свершившейся на советско-германском фронте в конце 1941 и начале 1942 года. Но никакими неправдами не исказить истины. А истина в том, что именно в сражении под Москвой впервые было нанесено сокрушительное поражение германскому фашизму.

Мне довелось участвовать в битве за Москву, и я всегда буду этим гордиться. Это была тяжелая, кровавая битва. Враг сосредоточил на московском направлении 75 дивизий, в их числе 14 танковых и 8 моторизованных, огромное количество артиллерии и самолетов. Гитлеровское командование надеялось овладеть Москвой до наступления зимы и, рассчитывая на молниеносную победу, назвало операцию «Тайфун».

ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ.
БЕТОННЫЕ
НАДОЛБЫ УСТАНОВЛЕННЫ
НА РУБЕЖЕ,
ДАЛЬШЕ
КОТОРОГО
ВРАГ
НЕ ПРОДВИНУЛСЯ.

Величайшее мужество защитников столицы, стойкость нашего народа опрокинули все планы врага. Измотав немецко-фашистские войска на дальних подступах, советские воины стояли у порога главного города страны насмерть. Ленинская Коммунистическая партия, Советское правительство, весь наш народ прилагали огромные усилия, чтобы сапог захватчика не осквернил священной земли Москвы. На борьбу с врагом столица направила 16 дивизий народного ополчения — лучших своих сынов, сто тысяч коммунистов и четверть миллиона комсомольцев из Москвы и Подмосквья добровольно вступили в ряды бойцов, заслонивших собой столицу. Особое мужество в боях с захватчиками проявили дивизии народного ополчения, сформированные в Куйбышевском и Фрунзенском районах города, латышская и легендарная панфиловская дивизии, курсантские полки и бригады. Героизм среди защитников столицы был массовым явлением. И это понятно: враг покушался на святая святых, чем была, есть и будет для советских людей Москва.

Не вдаваясь в тонкости стратегического характера, в то же время нельзя не отметить, что исход подмосковной битвы был предрешен еще и потому, что массовый героизм советских солдат дополнялся

ИТЬСЯ, ОЛОВА...

7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА.
ПРАЗДНИЧНЫЙ ПАРАД
НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

умелым, передовым руководством войсками, исключая шаблонные решения стратегических задач.

Сковав действия противника по всему фронту, лишив его возможности оперативной перегруппировки войск, обескровив силы фашистов в ожесточенных боях, советские войска нанесли удар такой силы, что захватчики еще долго не могли после него опомниться. А ведь это было очень непросто — собрать и, главное, сохранить резервы в тяжелейший, критический для Москвы момент, сконцентрировать их на решающих направлениях, обеспечив тем самым превосходство над врагом на важнейших участках фронта. Нельзя не вспомнить сегодня и о героизме труженников нашего тыла. В сложнейшей обстановке, отказывая себе в самом необходимом, они сумели обеспечить фронт надежной боевой техникой, оружием, боеприпасами, продовольствием, одеждой.

В результате контрнаступления наших войск, которое началось 5 декабря 1941 года, враг был отброшен от Москвы, 60 дивизий противника были разгромлены. В ходе наступления наши войска освободили свыше 11 тысяч населенных пунктов. Только с 6 по 27 декабря немецко-фашистские войска потеряли 120 тысяч солдат и

офицеров. Велики были наши военные трофеи — около 4 тысяч орудий и минометов, свыше 1300 танков, 18 тысяч автомашин.

Но важнее было другое. «Историческая победа под Москвой», — отмечал Леонид Ильич Брежнев, — вдохновила советских людей на новые подвиги, укрепила их уверенность в том, что враг неминуемо будет разбит». Эти слова очень точно выражают смысл свершившегося. Именно под Москвой занялась заря нашей победы.

Очень важны были и политические последствия разгрома врага на полях Подмосковья. Народы Европы обрели веру в избавление от фашистского ига, они увидели в лице Советского Союза единственную реальную силу, способную спасти мир от коричневой чумы.

Нелегко был наш путь до столицы рейха — Берлина, миллионы жизней советских людей отняла еще война, но начался отсчет победных верст именно тогда, в декабре 1941 года, под Москвой. Массовый героизм советских воинов являл собой беспредельную преданность их своей Родине, народу и Коммунистической партии. Народы всего мира убедились в том, что Страну Советов, созданную великим Лениным, победить невозможно.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

40-Я КИЛОМЕТР
ЛЕНИНГРАДСКОГО ШОССЕ.
МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
НАД БРАТСКОЙ МОГИЛОЙ
ЗАЩИТНИКОВ СТОЛИЦЫ.

СТОЯЛИ НАСМ

Кавалер трех орденов Славы
Николай ЛЯНЦЕВ вспоминает
о подмосковной битве.

Война для Лянцева была долгой, хотя прошел он ее как бы на одном дыхании. Прошел, прополз, протрясся на «студебеккерах», ЗИСах, орудийных передках, на танковой броне и на прочей военной колесной и гусеничной технике от подмосковных перелесков до Кенигсберга. А там старшина развернулся на 180 градусов и поехал воевать с японцами на Дальний Восток. Долгой война была и потому, что провоевал Лянцев ее всю, считай, без передыха, хотя четыре раза был ранен, а контужен трижды. А где еще солдату дух перевести, если не в госпитале, так нет же, сбегал из медсанбатов сразу после перевязки, только один раз и вылежал неделю, но тут уж вина не его — ноги не слушались.

Долгой была война для Николая Васильевича еще тем, что не отболели по сию пору военные его раны, которые тогда в непрерывных боях и по молодости за раны он не считал. Которые по-настоящему вцепились в него уже спустя годы и не отпускают, тянут, изматывают болью, особенно в непогоду, к сырости. И вспоминаются мерзлые окопы, вязкая грязь проселков, вой и свист осколков, запах военных пепелищ и, конечно, друзья-товарищи, с которыми разделил по ровну всю ту войну, каждый ее час, от первого до последнего.

Высокий, прямой, сохранивший пружинистость походки, военную выправку, одетый всегда подчеркнуто строго; голос сильный, звонкий, лицо худощавое, еще молодое, хотя и подчеркнутые морщинами, и волосы седее некуда. В морщинах спрятались и старые шрамы, но один заметен — над бровью. Таким узнал я Лянцева. Смотрел на него и вспоминал слова одного из его командиров: «Лянцев не просто воевал, он воевал замечательно, яростно, умно. Был русским, советским солдатом в самом высоком смысле этого слова. И убитым мог быть десять раз, не меньше, ведь выпало ему испытаний столько, что и троим хватило бы с лишком. Такие, как он, Москву отстояли... Разыщите его обязательно, поговорите».

Разыскать оказалось не так просто. Сначала инженер Лянцев был в командировке. Затем Лянцев-дед ухаживал за заболевшей внучкой и дома не бывал, потом вроде бы договорились встретиться, да опять не вышло: Лянцев-ветеран уехал на встречу в одну из воинских частей. Я уж было пал духом, но тут позвонил он сам: приезжайте.

И вот сидим мы в его тесном рабочем кабинете, говорим о жизни вообще, потому что, я чувствую это, ему трудно начать о том, главном, ради чего я приехал. Наконец он говорит: «Поймите, я был просто солдатом, войну видел из своего окопа, передо мной был враг, и я должен был его бить, и все тут. Ну и бил, как умел. Вот и вся стратегия».

— Как вы стали солдатом, Николай Васильевич?

— Обыкновенно. Началась война, пришел в военкомат. Добровольцем. Все так поступали... И давайте сразу договоримся, не надо искать чего-то особенного, героического в поступках обыкновенных, само собой разумеющихся.

— А где вас застала война, при каких обстоятельствах?

— В Сухиничах. Я там родился и вырос. Но потом уехал учиться в Калугу, в ФЗУ. Приобрел специальности слесаря и кузнеца, поехал в Балаховку, там открывались шахты Подмосковного угольного бассейна. Мне, как и многим моим сверстникам, хотелось находиться в гуще жизни...

— Ведь это было накануне войны. В Европе она уже шла. В те годы многие комсомольцы стремились поехать в военные училища. Вы не задумывались о судьбе военного?

— Не всем же быть профессиональными военными. Кому-то надо и мирным делом заниматься. Взять моего отца. Он прошел первую мировую войну, кончил ее полным георгиевским кавалером. А тут революция. Отец вступил в Красную гвардию. Участвовал в штурме Зимнего, потом сражался с Врангелем в Крыму, возглавлял Сухиничский ОГПУ. А едва представилась возможность, снял форму, пошел мастером в желез-

нодорожные мастерские. Душа-то у него рабочая была, руки мирного дела требовали. И в Великую Отечественную он сначала в подполье партизанском остался, а когда Сухиничи освободили, пошел на фронт добивать фашистов. Когда война кончилась, отец опять на производство вернулся.

И я так тогда понимал: грянет гроза — первым в военный строй встану, я к тому времени уже стрелял неплохо, имел значок Ворошиловского стрелка, а пока мои руки нужнее в другом деле.

— Так и случилось, первым?

— Так-то так, да не совсем. Дней за десять до начала войны получил из дома письмо — приезжай, заболела мать. Приехал, мать уже поправляется. Уговорили меня сыграть в футбол за городскую сборную, я спортом увлекался и играл в футбол прилично. В той игре мне сломали ключицу. И вдруг война. Я как узнал, снял повязку и бегом в военкомат. Меня Иван Черюкин догнал, сосед. Мы с ним потом вместе почти всю войну и шли, золотой парень, геройский. И друг верный. Была у него страсть — голуби. Так он, когда мы уезжали, всех выпустил, жаль было, чуть не плакал.

Но первый раз меня в военкомате поперли, ключицу-то сломанную невооруженным глазом было видно. Я к отцу: «Помоги, батя, не могу сидеть, ждать, когда война кончится». Мы тогда считали, что она от силы месяц-два продлится. Отец говорит: «Иди к самому военному комиссару, он меня знает, передай мою личную просьбу — послать тебя в армию». Так и призвали, из уважения к отцу вроде. Но на фронт я не попал, повезли нас в тыл, в Ижевск. И стали мы курсантами Ижевского артиллерийско-минометного училища.

— Огорчились, наверное?

— Было, конечно. Думал, не успею повоевать, совестно как-то: там ребята кровь проливают, а мы в тылу тактику и теорию изучаем. Но скоро поняли: война будет долгой, хватит и на нашу долю, гитлеровцы хозяйничали на Украине, в Белоруссии, рвались к Москве. Когда услышал в очередной раз, что наши войска оставили Сухиничи, пошел к начальнику училища с рапортом, пошли-

те, мол, меня в действующую армию. Он не отругал, как делал обычно, когда к нему обращались с подобной просьбой, сказал, что пожелание учтет. И как бы про себя заметил: «Скоро будем драться все. Дальше отступать некуда». Вернулся в казарму, рассказал ребятам о разговоре с начальником училища...

— Это было уже осенью?

— Да. В октябре. Положение на фронте складывалось тяжелое, мы хоть и не знали многого, но по карте видели, куда метит Гитлер, перекальвали на ней флажки и чуть не плакали. Как-то один курсант пытался успокоить других: «Не беда, ребята, Кутузов Москву сдал, а что из этого вышло, помните?» Мы помнили, конечно, но с тем парнем долго никто не разговаривал. Нам казались его слова кошмарными... Через несколько дней объявили приказ по училищу: мы убываем на фронт. Не все, часть. Когда узнал, что тоже попал в число тех, кто едет драться, обрадовался.

На станции Чернушки к нам присоединились курсанты из Омска, Тюмени, Новосибирска. Мы стали 48-й отдельной курсантской бригадой. Мне присвоили звание сержанта и назначили командиром отделения. Погрузились в вагоны и поехали. К Москве, точнее, чуть дальше.

— Но через Москву проезжали. Помните ее, прифронтовую?

— Смутно. От станций далеко не отходили, а станции, они все одинаковы. Но то, что увидели, запомнилось. Аэропланы в небе, все затемнено, патрули, зенитки прямо на станциях, словом, прифронтовой город, и люди, которых видели, — суровые, затянутые в ремни, осунувшиеся. Я знал Москву другой — нарядной, голосистой, веселой. Подумалось тогда: увижу ли ее такой когда-нибудь... Мы притихли в своих вагонах, посерьезнели, вдруг физически ощутили — вот она, война, рядом.

В Солнечногорске, где бригада разгружалась, попали под бомбежку. «Юнкерсы» сбрасывали бомбы, за ними «мессеры» расстреливали на бреющем полете людей в спины. Впервые увидел смерть близко. Пострадали в основном женщины и дети, которые на станции

Владимир МИЛЮТЕНКО
корреспондент АПН в ФРГ.
Специально для «Смены»

БУМЕРАНГ „ТАЙФУНА“

— Из России? До сих пор гостей из вашей страны в нашем захолустье не бывало...

Хайнц Цверман на мгновение замолкает, словно не решается сказать что-то сокровенное.

— Я бы тоже очень хотел побывать у вас. В Москве... И еще — под Вязьмой. Ну, там, где я был солдатом, на тогдашнем Восточном фронте...

...Даже на крупномасштабной карте Федеративной Республики Германии нелегко отыскать маленький городишко Лохмюле, затерявшийся в густых лесных массивах земли Гессен. Из всех достопримечательностей в округе только маленький полупустынный вокзал да чем-то смахивающий с виду на постоялый двор отель-ресторан «Старая мельница».

Сегодняшний владелец этого «поместья» Хайнц Цверман с дотошностью экскурсовода рассказывает посетителям историю своей семьи, судьбу всех ветвей своего родового дерева, не скрывает и своих взглядов на сегодняшнюю ситуацию в стране. Он недоволен, что нынешнее правительство погрязло в

долгах, а политика Гельмута Шмидта в отношении мелких хозяев, убежден он, ведет к их разорению.

Одним словом, типичный консервативный немец из глубинки.

— Из России?

Этот вопрос он задал, услышав, как я по-русски обратился к своему спутнику. Интерес, как выяснилось, имел причину, для этого поколения немцев традиционную. «Был там, на Восточном фронте...»

— Из этого дома на войну уходили дважды, — рассказывает Цверман. — Отец в первую мировую, и я в 1940-м... 18-летним мальчишкой...

Вначале, как и сотням тысяч его сверстников, ослепленных безумными идеями фюрера о «расе господ», о необходимом для третьего рейха «жизненном пространстве», война казалась рядовому пехотным частям, приданных танковым соединениям, «панцергренадеру» Хайнцу Цверману легкой прогулкой.

К ногам гитлеровской армии ложились государства. «Пятая колонна» на улицах многих европейских столиц

устраивала войскам пышные встречи. Это чувство «побеждающей силы», как и неустанная геббельсовская демагогия, опьяняло юношеские умы. Весь период завоевания Европы ровесники Хайнца называли не иначе, как «возможностью прокатиться за марки щедрого дядюшки Адольфа».

Но вот грянул июнь 1941-го...

Стратегия гитлеровского вермахта уготовила Хайнцу Цверману роль пешки в реализации «плана Барбаросса». Пришлось предоставить другим любоваться красотами Парижа, а самому перебазироваться на Восток. Перед дальним походом получил возможность на денек-другой заглянуть домой. Дорогое с детства окружение стало неузнаваемым — на месте уютного ресторанчика расположился военный склад, а все комнаты отеля были забиты солдатами и офицерами охраны.

— Перед отпавкой отец обнял меня, — говорит Цверман, — и напутствовал так: «Послушай, сынок, мой совет тебе, совет бывалого солдата: в России зарывайся поглубже в землю и не высывайся. Это, может быть, твой един-

ственный шанс остаться в живых...» Смысл этих слов мне особенно стал понятен в те дни под Вязьмой...

Казалось, неодолимая стальная лавина катилась на Москву в группе «Центр». Вели ее искуснейшие генералы Гудериан, Хот, Хепнер. В штабных казематах по всем канонам немецкой военной науки прорабатывались детали операции «Тайфун», в которой главными козырями должны были стать «большие клещи», охватывающие советскую столицу с севера, и «малые клещи», которым было уготовано сомкнуться в центре расположения советских войск на вяземском направлении.

Девятнадцатилетний рядовой Хайнц Цверман окопался на берегу реки Угра вскоре после того, как генерал-полковник Хот записал в своем дневнике: «...Русский солдат борется не из страха, а из убеждения. Он против возвращения царского режима. Он против фашизма, уничтожающего достижения русской революции. Потери превосходят успех».

— Если мне когда-то доведется вновь добраться до Вязьмы, я обязательно отыщу свой первый и последний

Ерть!

ждали эвакуации. Я то утро никогда не забуду. Ладно, мы, подумал, люди военные, но детей-то за что, женщин! Поднял я одного лацана, а он мертвый. И такая во мне злость появилась, зубами фашистов готов был грызть, только бы скорее. Все мы в то утро как бы повзрослели, бомбежка посильнее любой агитации была.

— **Кстати, Николай Васильевич, ваша курсантская бригада состояла ведь полностью из комсомольцев. Как это произошло?**

— Из училищ отбирали в нее лучших. Причем учитывались не только показатели по военной подготовке, но и политическая образованность курсантов, их идейность, принадлежность к ВЛКСМ. Если в человеке сомневались — в бригаду не зачисляли. Скажу, забегая вперед, за все время боев ни один наш курсант не струсил, не отступил ни на шаг. На самом высоком уровне была поставлена в частях и партполитработа. В каких бы мы условиях ни находились — в дороге, в окопах, в поле, в бою, — агитаторы-политбойцы, политруки отыскивали возможность поговорить с личным составом, прочесть последнюю фронтную сводку, раздать свежие газеты.

— **Когда вы приняли первый бой, насколько вы оказались готовы к нему?**

— От Солнечногорска ускоренным маршем пошли в южном направлении, пересекли Волоколамское шоссе, заняли окопы и траншеи на самых ближних подступах к столице. Шли и слышали артиллерийскую канонаду, встречали московских ополченцев. В одной из деревень на наших глазах в полевом госпитале раздавали оружие легкораненым. По всему чувствовалось, что наступают решающие дни обороны Москвы, самые трудные.

Первый бой приняли 15 ноября. Волоколамское шоссе было справа от нас, перед нами — поле, дальше на пригорке деревушка, кажется, Козино, маленькая, обветшалая, сзади противотанковый ров, потом церковь, там разместились наш КП, артиллерийские позиции.

Накануне боя командир бригады полковник Куприянов заглянул к нам в окоп. Мы успели уже там обосноваться

по-хозяйски, распределили сектора обстрела, углубили дно окопов. Я доложил полковнику, что отделение готово сражаться до последней капли крови, умрем, но не отступим ни на шаг. Незадолго до этого мы дали такую клятву и теперь повторяли ее при каждом докладе вышестоящему командиру. Так было принято. Помню, Куприянов кивнул головой, поздоровался со всеми за руку, осмотрел наш окоп, наше оружие. Одежды и вооружены мы были хорошо: автоматы, десятизарядные винтовки, на каждого — по шесть бутылок с горючей смесью, по две гранаты, ватники, валенки, шерстяные подшлемники, перчатки.

Потом сказал:
— А все-таки, ребята, берегите себя, мы Родине нужны живые. А если доведется умереть, так умрите с честью. И помните: Москва начинается за вашим окопом, прошел его фашист — считай, он к Москве прорвался.

Бой начался с артобстрела. Час, не меньше, били фашисты по нашим позициям из всех калибров, бомбили с воздуха. И хоть были мы все народ необстреленный, молодой, не дрогнули, только к земле сильнее прижимались. Оглохшие, мы даже не сразу услышали, как пошли на нас танки, телом их почувствовали, по дрожи земли. А как дым осел, видим — идут, прямо на нас, четыре штуки, а за ними пехота, человек сто, не меньше. Ну, думаем, вот он настал, наш час, пока живые — будем биться.

Вспоминая потом тот первый бой, я понимал, что многого мы тогда еще не умели, настоящее боевое мастерство пришло позже, на второй, третий год войны. Тогда уж каждая кочка — тебе подруга, каждый пенек — товарищ, каждый шаг — со смыслом, каждая пуля — точно по цели. А под Москвой мы только начинали, потому и гибли многие из нас из-за пустячной ошибки. Но если говорить по большому счету, все-таки мы были готовы к бою, сердцем своим готовы, помыслами, ненавистью к врагу и любовью к Родине.

— **Николай Васильевич, все-таки о том бое расскажите поподробнее. Вы не можете не помнить его, ведь он был первым для вас и ваших товарищей.**

— Помню, конечно, хотя все детали сохранить спустя столько лет трудно. К тому же многое в бою делаешь бессознательно, по интуиции, и потом тебе самому кто-нибудь расскажет о том, как ты себя вел. Мне, например, рассказали, что после каждой удачной

автоматной очереди я кричал: «Взяли, гады, кукиш вам, а не Москву!»

Ну, да ладно. Так вот, мы подпустили гитлеровцев тогда поближе, метров на сто. И поскольку до танков нам гранатами было еще не достать, ударили по автоматчикам, стараясь отсечь их от машин. Те легли. Потом встали опять, мы снова встретили их дружным огнем. Помню, радовался, когда удавалось попасть по врагу. Сам пуль не замечал. А танки все ближе. Оглядываюсь вокруг — ребята замерли, у каждого в руке по бутылке с горючкой. Первым выпрыгнул из окопа Миша Серегин, наш, калужский, размахнулся, тут его пуля и срезала. Он все-таки сумел бросить бутылку, но она не долетела. Я кричу ребятам: «Подпустим ближе!» Тут опять их пехота полезла. Мы по ней из автоматов и гранатами. Вроде бы отбили атаку. Но танки уже у самого окопа. И почти в упор по нас из орудий саданули. Помню, в спину земляным комом ударило, голова закружилась. Протер глаза от песка — Иван Куликов рядом к стенке окопа привалился, напал его осколком... Кричу: «Ложись!» Упал и сам на дно окопа, танки над нами прошли. Но земля, уже схваченная морозом, выдержала, окоп не обвалился. Нашарил я под собой бутылку с горючей смесью, встал и танку вадонку бросил. Смотрю, дымом его заволокло, горит. А чуть дальше еще один дымит, тоже кто-то из наших поджег. Другие два разворачиваются, и обратно. Тут гитлеровские автоматчики вскочили и к нашему окопу побежали. А нас осталось пятеро, и двое из нас ранены. Я едва свой ППШ успел перезарядить и полез наверх, счастье мое, кто-то меня за сапог дернул. Опомился. Диск в ближайших фашистов разрядил — и за гранаты. Хорошо, что у нас несколько штук оставалось. Бросишь гранату — и голову к земле, чтобы от своего же осколка уберечься. Так вот и отбили. Повернули фашисты обратно и бегом к деревне. Мы потом перед нашими окопами около пятидесяти трупов ихних насчитали. Досталось и нам. Многие из курсантов погибли, потеряли мы и командира роты. Но бригада не дрогнула.

Два часа шел тот бой. А казалось — минуты. Сидим после него в окопе, в себя приходим. И странно нам, что уцелели. «Ну, — говорю, — ребята, жить нам теперь долго». Зря, наверное, сказал. Много наших курсантов погибло, война-то вон какая длинная оказалась.

Еще три раза в тот день они пытались прорваться на нашем участке. Но немец-

кие танки горели, а пехота не могла даже достигнуть наших окопов. Мы видели лица врагов, слышали их брань, но это только удваивало нашу ненависть. В последней атаке гитлеровцы, казалось, и сами поняли, что все их усилия в тот день бесполезны, они повернули обратно раньше, чем добежали до своих уже мертвых солдат.

— **Знали вы, что в тот день гитлеровское командование предприняло наступление по всему фронту, бросило в бой все свои резервы, стремясь прорваться к Москве любой ценой?**

— О масштабах немецкого наступления мы, конечно, знали тогда не могли. Хотя бой шел и справа и слева от нас. Чувствовалось по всему: враг не считается с потерями. Но и мы не ослабляли обороны. Держались. Наш фронт оставался прежним — та же деревушка, церковь, отрезок шоссе. На этих нескольких километрах дралась курсантская бригада, за них мы отвечали перед командованием, перед Москвой, перед всем советским народом.

Настоящее значение тех дней в сражении за Москву мы узнали потом. Но понимание важности каждого выигранного тогда нами боя — не отнимешь, было такое. У всех было — у артиллеристов, летчиков, танкистов, пехотинцев. Знали, что судьба Москвы решалась тогда у любого перелеска, на любом километре огромного фронта; каждый сбитый вражеский самолет, каждый убитый фашист близил час краха гитлеровского наступления на столицу. Тем и жили мы тогда.

— **В те дни тысячи советских солдат проявили чудеса героизма, на кого равнялись вы в ту пору?**

— На многих. Герои были рядом. Мы видели, как смело дралась в подмосковном небе наша пехота. Как таранили они врага на горящих самолетах. Видели, как продолжали стрелять по немецким танкам наши артиллеристы, хотя из всего расчета их осталось только двое, и те были ранены. Ну и, конечно, одними из первых узнали мы о подвиге 28 панфиловцев — прославленная 316-я дивизия дралась с нами по соседству. Да и среди курсантов было немало героев. Не обо всех тогда писали газеты, но мы-то видели, как бросались под танки наши ребята, жертвуя собой, чтобы остановить врага.

— **Было ли для вас неожиданно начавшееся в первых числах декабря наступление наших войск?**

— Нет, наступления мы ждали, готовились к нему. Я уже говорил, что мы

рубеж. В памяти до сих пор его особые приметы — пригорок, где я под моросящим дождем зарывался в землю, снеженная попаданием снаряда крона дуба...

Отыскивая наиболее точные и подходящие слова для описания своего состояния тех дней, он вспоминает:

— Это был крошечный ад. Мы накрывали волнами артиллерийского огня, утожили прицельным бомбометанием и минометными залпами. У многих из моих ровесников начало пробуждаться прозрение, рождавшее десятки ранее казавшихся преступными вопросов. Ради чего мы здесь? Зачем пришли в эту страну, принесся с собой столько страданий, пожаров, крови, смерти?

Слишком горьким стал казаться вкус желанной победы — распланированного с точностью до часа штурма Москвы.

— Через месяц после прибытия, — вспоминает Цверман, — мое подразделение было расформировано. В живых остались немногие. В приказе по этому поводу, наверное, было написано: «Ввиду понесенных потерь...» Многие, кому сулили железные кресты, получили взамен березовые на могилах, а другие, как и я, — русский осколок на память. И хотя врач сказал, что он сидит где-то в предплечье, у меня всегда такое чувство, будто он сидит глубоко в моем сердце...

Я интересуюсь, есть ли у Цвермана

фотографии тех далеких дней, о чем говорят уцелевшие под Москвой его однополчане.

— Где-то есть, но скажу вам откровенно: я сам неохотно смотрю на них, а другим показывать и совсем не хочу. Зачем вспоминать о позоре? А собираться с однополчанами мы собираемся раз в год, часто тут, в моем ресторанчике. Но никогда я не видел, чтобы мои Kameraden надевали форму или гитлеровские награды. Среди нас ни один не берет в руки даже охотничьего ружья. Хватит, настрелялись...

...Мы выходим в темноту. Цверман впереди размахивает шагаем и освещает путь фонариком.

— Личная жизнь у меня как-то не сложилась, многое было отнято, исковеркано, украдено этой безжалостной и страшной войной...

В корпункт в Кельне я приехал через два часа — ровно в десять. По третьей программе западногерманского телевидения показывали фильм о сражении под Москвой. Многосерийная карменовская эпопея «Великая Отечественная», несмотря на все преграды, пробилась на голубой экран ФРГ, вызывая сотни вопросов у тех, кто об этом периоде германской истории знает лишь по извращенным версиям школьных учебников.

Как и предыдущие телепередачи этой серии, фильм сопровождался комментарием. Это дополнение родилось после

обвинений правой прессы в «потворствовании советской пропаганде», «искорблении истории», «оскорблении чувств немецких солдат» и т. д. Ответственные за показ фильма разыскивали участников войны, журналистов, историков, роль которых сводилась к тому, чтобы воспрепятствовать страшной угрозе: не дай бог, что-то из правды о войне оседет в голове бюргера.

На этот раз в объективе телекамеры был Йоханн Адольф граф фон Кильмансегг. Живущий в Шварцвальде на пенсии генерал, бывший командующий войсками НАТО в Центральной Европе, в годы войны сам в чине майора танковых войск был участником операции «Тайфун».

— В этом фильме, — начал он неожиданно, — я не вижу несоответствий в оценке как хода, так и значения битвы под Москвой... Она была поворотным пунктом войны.

Указка в кадре поползла по тогдашней линии фронта, останавливаясь на секунду у кружков городов: Ржев, Гжатск, Ельня, Вязьма...

Весной этого года группа социологов Гамбурга показала в ряде массовых аудиторий фильм «Незабытая война» (под этим названием в ФРГ идет «Великая Отечественная») и затем опросила две тысячи человек. Результаты:

— половина опрошенных в возрасте от 30 до 55 лет не могли сказать, с

какого и по какое время третий рейх вел войну против Советского Союза;

— только каждый десятый назвал главным условием победы над Гитлером «яростное сопротивление советского народа» и «решающее превосходство СССР в военной области». Остальные по-прежнему верят в легенды о «генерале Зима» и списывают почти все на «роковые ошибки Гитлера» да на русские морозы;

— лишь шестая часть опрошенных из возрастной категории 30—55 лет знала, что советский народ в минувшей войне потерял 20 миллионов человек.

...Мой собеседник из Лохмюле не смотрел этот фильм карменовской кинопоэмы: из предложенных двадцати фильмов гессенское телевидение решило показать своим зрителям только пять.

Помню, когда мы прощались, он сказал:

— Как другие — не знаю. А я лично никогда не забуду трагедию войны. И я мечтаю встретиться на моем первом и последнем рубеже Восточного фронта своего одноклассника, который был там, по ту сторону Угры, мечтаю, что мы протянем руки друг другу. В моей стране много пишут, что мы уже перестали быть врагами СССР, но еще не стали друзьями. Стать надежным партнером, добрым соседом — разве это не благородная миссия? Я — за эту цель.

**ПОЗИЦИИ АРТИЛЛЕРИСТОВ
ЛЕГЕНДАРНОЙ 16-Й АРМИИ
НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ.**

**ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ ОСЕНЬ.
ТАКОЙ ЕЕ ВСТРЕТИЛА
МОСКВА.**

ОНИ НЕ ПРОЙДУТ!

**ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.
ЗИМА 1942 ГОДА.
ВОИНЫ КРАСНОЙ АРМИИ
АТАКУЮТ ПРОТИВНИКА.**

чувствовали, как враг выдыхается, к концу ноября атаки гитлеровцев прекратились. Мы же, напротив, ощущали у себя за спиной сосредоточение крупных сил. Да и командиры нам говорили: «Скоро дадим им перца, потерпите, ребята, еще малость».

5 декабря выдали нам сухой паек на 3 дня, боеприпасов вдоволь, предупредили: «Завтра в бой». Севернее нас наступление уже началось, мы его слышали по артиллерийской канонаде. Сидим в окопе, с которым уже вроде бы сроднились за двадцать-то с лишним дней, ждем, не спим. Волнение уснуть мешает. Неужели, думаем, настал на нашей улице праздник, погоним врага от Москвы до самого его логова! И каждому хочется до Берлина дойти, но понимаем: дойдут не все.

Утром у нас за спиной ударили гвардейские минометы и тяжелые орудия, и сразу польхнула и деревня перед нами, разлетелись в пух и прах вражеские землянки, что успели гитлеровцы понастроить. Мощный был огонь, точный. Пошли и мы в бой. Ворвались в деревню, а от нее одни печи остались, хорошо, что наших людей там не было, ушли в леса. Фашисты тоже удрали, не выдержали артналета. Только техника их разбитая догорала. Собрал я своих ребят, говорю: «Запомните, хлопцы, нашу первую освобожденную деревню, от нее отсчет начнем возвращенной русской земли».

Огненный вал тем временем дальше переместился, и мы за ним. А нашу бригаду уже другие части догоняют, свежие. Помню, один лейтенант обернулся, крикнул: «Теперь наш черед, ребята, вы свое сделали!» Потом узнали, что это наступали сибиряки. Но и нас в тыл никто отводить пока не собирался, бригада шла дальше, вперед. За три дня мы больше десятка деревень взяли с боями. А 10 декабря вошли в Истру — первый крупный город. Не забуду тот день: Истра горела, всюду валялись мертвые гитлеровцы. А посередине одной из улиц стояла пожилая русская женщина, кланялась нам и плакала. Дождалась, значит.

— Николай Васильевич, понятно, что обо всем не расскажешь. И все-таки: за что вас удостоили высших знаков солдатской доблести — ордена Славы трех степеней.

— Война была долгой. Попал я потом служить в артиллерийскую разведку, ходил за «языками» во вражеский тыл, участвовал в рукопашных схватках, всякое случалось, но никогда свою солдатскую ношу на других не переваливал... В сорок первом награждали орденами не густо, не до того было. Уже подо Ржевом получил я свою первую медаль «За отвагу» — за бои под Москвой и за первого «языка». Дали отпуск на 10 дней — небывалая по тем временам награда. Приехал я в Сухиничи, и оказалось, что дома меня уже отпели, показала мне мать похоронку, которую получила несколько месяцев назад. А меня тогда только ранило. Ощупывала меня мать, разглядывала, потом наконец признала. И так бывает.

«Славу» 3-й степени дали за спасение командира. Вытащил я его, раненого, из-под обстрела, хотя и сам был ранен. В тот же день вернулся в строй, принял участие в бою. Вторую «Славу» получил за бои под Катенау, это на подступах к Кенигсбергу, третий орден — уже на Дальнем Востоке, за штурм высоты Верблюд, это в последние недели войны, когда наша армия освобождала от японцев Маньчжурию. Страшный был тот бой, кровавый. Наша 144-я дивизия натолкнулась на яростное сопротивление самураев и вынуждена была остановиться. И никак к японским огневым точкам не подобрешься, каждый метр они сверху простреливают. Создали штурмовой отряд. И пошли. Сразу убило командира, пришлось принимать командование мне, старшине в ту пору. Каждый метр на той высоте, считай, кровью своей полили. Погибли в том штурме многие мои боевые друзья, которые всю

войну прошли, в десятках боев побывали, а сопку ту не преодолели. На руках у меня умер тогда Саша Дубов, самый мой близкий друг, светлая ему память. Зацепило и меня двумя осколками. Но высоту ту мы взяли.

— Ну, а самый памятный бой какой, Николай Васильевич?

— Самый? Да все они памятные. Бывает, название места забудешь, а бой не забывается. Каждый своей строкой сердце прошел. Но особенно часто вспоминаю тот, первый, в ноябре 1941-го, когда мы Москву заслоняли. Ну и под Витебском еще было дело. Брали мы тогда деревушку Сверчки и уже взяли ее, последних фашистов из дворов выбивали, врукопашную схватились. Ох, и жарко было. Скошил я двоих очередью, выскочил на улицу, тут и меня пуля ударила прямо в грудь. Да, видать, на излете была. Пробила шинель, гимнастерку, пробила и мой комсомольский билет, да застряла в груди неглубоко, до сердца не достала, выдохлась. Вот и считаю я, что билет мой комсомольский от смерти меня спас. Я его потом просушил от крови, почистил, но менять не стал, так с ним потом и не расставался.

— Удивительная история. Тот билет вам дороже любой награды должен быть... А как получилось, что вы, Николай Васильевич, в Москву после войны попали, ведь ваши-то родные так в Сухиничах и остались жить?

— Это другая удивительная история. В 1943 году передали в нашу часть письмо от одной москвички. На конверте вместо адресата было написано «Самому смелому». Уж почему решили мне его вручить, не знаю. Я ответил, завязалась у нас с той девушкой переписка. Она мне свое фото прислала цветное. Красавицей оказалась. Правда, когда мы Неман форсировали, испортил я фото, вымокло оно сильно. Ну, вот после демобилизации и поехал я к ней, дело-то молодое. Так и стал москвичом. Скоро полюбил город, каждый его уголок, каждую улицу.

— Но, наверное, дорога вам Москва не только прожитыми в ней годами. А тем еще, что сражались за нее, отбивали врага на ее пороге, разве не так?

— Так, конечно. Я иной раз пройду по улице, залобуюсь новым ли домом, старым ли особняком московским, и гордость в душе поднимается — и я это от врагов ведь защищал, и новую жизнь города и историю его. А бывает, расстроюсь. Увижу захлащенный двор или еще какой-нибудь беспорядок и думаю, как же можно такой город не беречь, такую красу мусором осквернять! Но это редко бывает, к чести москвичей, надо сказать — любят они свой город, берегут его. Да и как не беречь, ведь Москва это не просто центр нашей страны, столица ее, это святое прошлое Отчизны, гордость наша, наше богатство, наша любовь. И стоять ей всегда, и хорошеть, и расти, непокоренной, величавой, красивой.

Беседу вел специальный корреспондент «Смены» Владислав ЯНЕЛИС.

**ДОРОГАЯ МОЯ ЕТОЛМЦА,
ЗОЛОТАЯ МОЯ МОСКВА!**

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КОЕ-ЧТО О РАВНОПРАВИИ...

Молодая француженка Мари Ноелль Жайот из-за бедственного положения семьи была вынуждена бросить учебу в вузе и пойти на работу, чтобы помогать родителям. Она сменила несколько мест и везде как женщина зарабатывала гораздо меньше, чем мужчины, выполняющие ту же работу. В конце 1972 года она внезапно исчезла, и долго ее никто не видел и ничего не слышал о ней. Мари Ноелль в эти годы «превратилась» в молодого человека, носила мужскую одежду и причёску и имела даже документы мужчины: это были документы ее брата Мишеля. «Став» мужчиной, Мари обнаружила, что «сильному полу» гораздо легче устроиться

на работу, чем женщинам, и главное, — заработки намного выше. Так она и работала более восьми лет. И вот недавно потеряла документы (те, «мужские»), и, когда хотела завести новые, ее секрет раскрыли. Она снова стала тем, кем была: Мари Ноелль Жайот. Более того, она должна ответить перед судом. Прокурор города Виланс, однако, пока не знает, по какой статье должен предъявить ей обвинение и за что. Это знает сама Мари: «Я провинилась главным образом тем, что показала, как обстоят дела с равноправием женщин на практике...»

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

СМЕРТЬ КАСКАДЕРА

С тех пор, как в 1937 году в Сан-Франциско построили мост Голден Гейт («Золотые ворота»), 683 человека бросились с него в воду, чтобы покончить с собой. Все они погибли. Высота моста, равная 67 метрам, не оставляет никаких надежд на спасение. Тело человека достигает поверхности при скорости более ста километров в час. Вода в этом случае подобна бетону: она воспринимается как твердая масса.

Все это хорошо было известно Вольфгангу Керке, каскадеру из Гамбурга. Однако ему не давала покоя мысль совершить прыжок с рокового моста. Два года он потратил на отработку техники сохранения равновесия при свободном падении. Керке полагал, что, если будет прыгать с моста вниз ногами, обутый в ботсы со свинцовыми подошвами для поддержания строго вертикального положения, тело пронзит воду словно стрела. Однако под давлением сильного бокового ветра каска-

дер перевернулся вниз головой и, несмотря на отчаянные попытки вернуться в исходное положение, вошел в воду под углом 45 градусов. Поднятый на борт катера, он уже не подавал признаков жизни. Матери Керке передали в Гамбурге страшное наследство — фильм, запечатлевший борьбу ее сына со смертью.

В поисках работы Вольфганг Керке пересек океан и прибыл в страну «равных возможностей». Но никакой другой возможности, кроме как стать 684-й жертвой моста с идилическим названием «Золотые ворота», он не получил. Урна с прахом каскадера была перевезена в Гамбург и установлена в колумбарии скромного кладбища в Олдорфе. Он дублировал многих звезд экрана в самых рискованных эпизодах, однако кино- и телепродюсеры не сочли нужным истратить хотя бы несколько долларов на траурный венок...

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПТИЦА

Недавно в Аргентине был обнаружен скелет самой большой птицы, которая когда-либо обитала на земле. Речь идет о терраторнисе, длина которой составляла 3,5 метра, а вес равнялся 80 килограммам. Размах крыльев этого пернатого гиганта достигал 8 метров. Для сравнения можно привести размеры самой большой пти-

цы наших дней — андского кондора: вес — 17 килограммов, размах крыльев — 3 метра.

Ученые считают, что птицы, подобные аргентинскому птеродактилю, обитали на нашей планете 5—8 миллионов лет назад.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

СОКРОВИЩЕ САН ТЕОДОРО

Городок Сан-Манго-сул-Калоре с населением 1700 человек находится к северо-востоку от Неаполя, в зоне, подверженной землетрясениям. С незапамятных времен, если кому-нибудь здесь случалось обнаружить потерянные деньги, над ним подшучивали, что он нашел «сокровище Сан Теодоро». Существует легенда, согласно которой под церковью Сан Теодоро (святой считается покровителем города) были зарыты несметные богатства.

На протяжении веков десятки и сотни кладискателей пытались с кирками и лопатами в руках доказать правдивость легенды. Но сокровище оставалось ненайденным, и молодым все разговоры о кладе уже представлялись лишь фантазией...

Но вот пришла беда: городок вместе с другими населенными пунктами Южной Италии потрясло катастрофическое землетрясение. Когда пыль от разрушений улеглась, изумленные жители увиде-

ли... тяжелый железный сундук. Вспомнили легенду. Открыли сундук, дрожа от возбуждения. Нашли золото, драгоценные камни, монеты и старинные часы.

Никто не может объяснить, где было зарыто сокровище. Утверждают, что оно вообще не было зарыто — просто священники местной епархии в продолжение более чем шести веков передавали друг другу секрет его нахождения, время от времени — из соображений безопасности — меняя тайник.

Под усиленной охраной «сокровище Сан Теодоро» отправили в провинциальный центр Авеллино. Открытым остается вопрос: кому принадлежит оно? Большинство компетентных лиц считает, что жители Сан-Манго-сул-Калоре — подлинные владельцы сокровища. Найденные ценности предложено использовать для восстановления городка.

«ТАЙМ», США

ОСТОРОЖНО: НАРКОТИКИ!

На оживленных улочках, примыкающих к нью-йоркскому району Лауэр-Ист-Сайд, героин предлагается за просто, как мороженое или горячие сосиски: «Красная лента, зеленая пента! Лучше не найдете!» Красной лентой запечатаны пакетики героина иранского происхождения, зеленая означает, что наркотик из Пакистана. Урожай опиумного мака, как полагают, сегодня в двадцать раз выше, чем десять лет назад. Его переработкой в героин занимается в основном сирийская мафия, и, по оценке американских специалистов по борьбе с наркотиками, в ближайшие месяцы в США должно быть контрабандой доставлено примерно десять тонн чистого героина.

Американская полиция практически бессильна против растущего распространения «белой смерти»: продажа героина превратилась в своего рода искусство, причем искусство изощренное. Покупателя к перекупу приводит «связной», человек, который у себя наркотиков не держит. Покупатель вначале показывает «связному» след от предшествующей инъекции. Только после этого его выводят на продавца. Товар и деньги передаются через специальное отверстие в двери — никто друг друга не видит. Если и нагрянет вдруг полиция, то продавец всегда имеет время скрыться через один из запасных выходов. Дверь обычно прочно защищена, так что выломать ее не так-то просто, а когда это в конце концов происходит, то никого не удается застичнуть.

Еще недавно власти были убеждены, что потребление героина идет в стране на убыль: в начале семидесятых годов была ликвидирована так называемая «французская система снабжения», когда турецкой опиум, переработанный в Марселе, поставлялся в США, поставки же из Мексики и Юго-Восточной Азии тогда еще один укол. Еще один шаг к гибели...

уменьшились. Теперь ситуация значительно ухудшилась. Во время недавней облавы на Эддридж-стрит в Лауэр-Ист-Сайде установлено, что в течение всего одного часа было «обслужено» свыше 500 покупателей. По крайней мере половину из них составляли представители так называемых средних классов общества. Было арестовано 85 подозрительных лиц, но явные улики — лишь против десяти человек.

Вот цифры, которые говорят сами за себя: от последствий регулярного приема героина только в Нью-Йорке умерло 439 человек. За год. И все свидетельствует о том, что положение ухудшается.

«ЛАЙФ», США

«ЧУДЕСА» С ТЕЛЕЭКРАНА

Если американец утром в воскресенье включает свой телевизор, то обязательно увидит нечто «божественное». На одном канале ослепительно улыбается новая королева красоты — Мисс Америка-1981, заявляющая, что «Иисус освободил ее из когтей сатаны» и что «бог, несомненно, обожает Америку». На другом канале проводится дискуссия группа «христианских экономистов» и приходит к единому мнению, что «только Иисус Христос может остановить эскалацию инфляции». А вот популярная рок-группа распевает новейший шлягер: «На полях пришло жатва время», Иисус с нас снимает этот бремя». На четвертом канале выступает суперзвезда телеэпопеев преподобный Эрнест Энгил. Этот угитанный субъект в парике, с красной гвоздикой в петлице сладкоречиво повествует о своем «гарантированно безупречном чудесном методе исцелений», сущность которого состоит в изгнании больших и малых дьяволов, гнездящихся в разных органах человеческого тела: «Клянусь богородицей, я гарантирую подлинность моих чудес. Если желаете ознакомиться с делом поближе, то приглашаю вас в мой молитвенный дом в штате Огайо». Начинается передача из штата Огайо, которая продолжается четыре часа. Чудеса идут четко, как с конвейера: глухие слышат, хромые пляшут, слепые прозревают. Попутно происходит не менее чудесное излечение нескольких раковых больных. Никто уже не помнит, что десять лет назад от рака умерла жена самого Энгил, умерла именно тогда, когда он «исцелил» по телевизору других.

Телеэкранные чудеса оказывают на американцев свое магическое действие. Результат — чеки, которые телезрители посылают духовному пастырю-чудеснику. Не в накладе остаются и организующие эти передачи телекомпании.

«ЦО ВАС ЗАЙМАЮТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Пушка Архимеда

Греческий инженер И. Сакас подтвердил гипотезу, согласно которой Архимед будто бы сконструировал и построил первую в мире пушку. Изучая схематические наброски, сделанные рукой Леонардо да Винчи после описания штурма сицилийского города Сиракузы, он обнаружил заметку о том, что римские боевые корабли обстреливались с берега из неизвестного оружия. Упоминалось также, что этим неизвестным римлянам оружием были пушки, сделанные из ствола дерева и стрелившие каменными ядрами весом в 100 килограммов каждое.

Сакас изготовил точную копию древней пушки, способной выбрасывать одно каменное ядро в минуту на расстоянии 6 стадий (600 метров).

«НВИ», ГДР

БЕДСТВИЕ В ЗАЛИВЕ

Сиаковский залив еще 10 лет назад был «рыбным Эльдорадо» и давал самые богатые уловы на всем Тихом океане. Времена изобилия, однако, безвозвратно прошли, и когда-то кишящий рыбами залив ныне напоминает мертвое море. Чем это вызвано?

В первой фазе катастрофы в Сиаковском заливе роковую роль играло хищническое отношение человека к морю. В семидесятых годах тайландские рыбаки брали огромные уловы, однако часто за счет использования сетей с мелкими ячейками, которые захватывали и рыбью молодь. Так постепенно истощались запасы рыбы, она начала существенно медленнее размножаться. Это, однако, не все. Рыбаки уже не довольствовались традиционными формами лова в коралловых рифах прибрежных вод. Они использовали динамитные заряды и в результате почти полностью уничтожили морскую фауну. Свой вклад в истребление рыбы в Сиаковском заливе внесла и индустриализация в районах, прилегающих к заливу. Строились заводы, а, чтобы сэкономить, «забывали» об очистных сооружениях для сточных вод, содержащих ядовитые соединения. Загрязнение моря, которое к концу минувшего десятилетия достигло огромных размеров, привело к тому, что в Сиаковском заливе сегодня могут жить только рыбы, не представляющие ценности для питания.

«АКАХАТА», ЯПОНИЯ

СОБАЧЬЯ СВАДЬБА

Выражение «собачья свадьба» обычно употребляется в переносном смысле, но недавно в американском городе Глендейл произошло событие, которое... Короче говоря, в одной из церквей города состоялась самая настоящая брачная церемония, которую по всем канонам религии провел преподобный отец Питер, повенчавший двух собачек. Во время своей краткой речи он заявил: «Нигде не сказано, что религия отрицает браки между животными».

Отец Питер поставил собак не перед алтарем, а на сам алтарь, и они получили «божественное благословение». Придерживаемые своими умиленными до слез хозяевами, собаки выслушали соответствующие наставления духовного пастыря, пожелавшего им вечной любви и верности.

Как и положено, бракосочетание совершилось в присутствии свидетеля — овчарки Бело. После этого молодожены и гости отпраздновали это событие торжественным обедом. В комментариях прессы было упомянуто, что отец Питер не принадлежит ни к протестантской, ни к католической религии, а является представителем какой-то религиозной секты. Вероятно, это упоминание было сделано, чтобы не шокировать верующих жителей страны «неограниченных возможностей».

«ПОГЛЕД», БОЛГАРИЯ

Почему англичане покидают Англию?

Массовая безработица, низкая зарплата, понижающийся уровень жизни, «духовная безысходность» — такова социальная картина нынешней Великобритании. Все это заставляет многих англичан покидать родину и искать счастья на чужбине. Кто же уезжает? В первую очередь интеллектуальная элита страны — врачи, инженеры, ученые, творческие работники.

По официальным данным службы переписи населения, в 1980

«Народный мэр» — написано на транспаранте. Марш против социальной несправедливости, за человеческие и гражданские права...

году страну покинули 230 тысяч человек — на 55 тысяч больше, чем в предыдущем. Это самое серьезное годовое увеличение эмиграции после 1974 года. Ожидается, что в 1981 году число эмигрантов окажется еще выше.

«ОБСЕРВЕР»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ГОРОД НА ДНЕ ОЗЕРА

В легендах индейцев аймара, живущих на берегах озера Титикака, часто упоминается город, который якобы находится на дне озера. Многочисленные погружения, среди которых было и организованное Жаком-Ивом Кусто, не дали, однако, никаких подтверждений легенды. Но вот один местный житель привел боливийского археолога Хуго Вазро к скале, которая выступала над поверхностью. При более внимательном рассмотрении скала оказалась... верхушкой погруженного в воду строения. Недавно

группа боливийских кинематографистов представила документальный фильм, который подтверждает существование легендарного города в озере: ясно различаются руины, заросшие водорослями, очень похожие на развалины строений в Тиахуанака, большой крепости инков, находящейся по соседству с озером. Исследование города под водой должно пролить свет на тайну его возникновения и причины затопления.

«СКЫНТЕЯ», РУМЫНИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Детский сад, о котором рассказывается в этом материале, не совсем обычный. В городе Кирове он пока единственный. Пока...

В вышедшем после XXVI съезда партии постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» предусматривается всемерное развитие сети детских садов и яслей. В нем соответствующим министерствам и ведомствам поручается предусмотреть в проектах планов наиболее полное удовлетворение потребностей в постоянных и сезонных дошкольных учреждениях.

История «Русалочки» — конкретное подтверждение всеобщей заботы о самых юных гражданах нашей страны.

ствуют на сегодняшний день 22 типовых проекта детских комбинатов. Однако, когда дело доходит до выбора конкретного, перед вами разложат... два, ну, три от силы. Остальные не обеспечиваются материалами, не выпускают их заводы, и все тут. Экономически, мол, не выгодно. Елену Валентиновну это не остановило. Потому что на детях, как она считала, не экономят.

щени будет работать очень тесно. В кабинете можно будет устроить к тому же методическую библиотеку и разместить учебные пособия...

Возможно, таким образом рассуждала Елена Валентиновна. Не подумайте, что все это походило на детский рисунок: что еще пририсовать и закрасить, пока есть место на листке? По опыту знала Наркевич, чего стоят подобные отступления от типового про-

ДЕТСКИЙ ВЗРОСЛЫЙ ВЗ

Владимир
БУЛЫЧЕВ.
Фото
Сергея ВЕТРОВА.

Специальные
корреспонденты
«Смены»

В музыкальном зале кировского детского комбината № 170 «Русалочка» ребята пели песню «Солнечный круг». Поют ее и любят, наверное, все дети, но, согласитесь, звучит она по-разному в южное июльское безоблачное и, скажем, в долгую полярную ночь. Тогда над Кировом дождило. И потому припев песенки казался трогательным детским заклинанием: «Пусть всегда будет солнце!»

Быть может, в такой же не по сезону прохладный день четыре года назад городские власти, посоветовавшись о том, как бы самым маленьким кировчанам вернуть, пускай отчасти, летние радости, постановили строить отныне детские садики только с плавательными бассейнами. Поначалу иные червочур рачительные хозяева пожимали плечами: непосполнительная, мол, роскошь, ведь мест в детских комбинатах и так не хватает. И немало прошло времени, прежде чем все поняли: во-первых, бассейны нужны, чтобы дети росли здоровыми и веселыми, а во-вторых, строить их можно, не сокращая общего количества мест в детских комбинатах.

Простая арифметика. Кировское электромашиностроительное объединение имени Лепсе, о чьем садике и пойдет у нас разговор, в девятой пятилетке за счет строительства и реконструкции получило 400 дополнительных мест в детских комбинатах, а в десятой — 990.

Что касается детского комбината № 170, то он особый, пока единственный в городе. И бассейн здесь побольше, чем в других садах, и зимний сад есть — с рыбами в аквариумах и птичьим щебетанием, и мебель в группах отличается необычной, веселой раскраской, и природные уголки сделаны с выдумкой — одним словом, на всем тут лежит печать творчества и любви создателя.

В музыкальном зале все еще звучит песенка про солнце. А в спортивном — занятия подходят к концу, и замыкающий шеренгу тонконогий ма-

ИГРОВЫЕ КОМНАТЫ ОБОРУДОВАНЫ МЕБЕЛЬЮ, ВЫПОЛНЕННОЙ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЭСКИЗАМ.

льш в шортах марширует с забавным старанием, едва не касаясь коленями подбородка. А трехлетняя девочка, остановленная методистом Софьей Семеновной Салтыковой, на вопрос, почему она такая сердитая, отвечает, что она не сердитая вовсе, а серьезная. Потому что у их группы будет сейчас «атематика».

Пока идут в садике занятия своим чередом, пока барахтается восторженно в бассейне средняя группа, давайте попробуем проделать процедуру, обратную той, что совершили в свое время создатели «Русалочки»: вернем проект, который был взят за основу, в его первоначальное состояние. Тогда, во-первых, придется вычеркнуть бассейн, поскольку первоначально проект его не предусматривал. Во-вторых, убирается один из залов, либо музыкальный, либо физкультурный. В-третьих, придется упразднить зимний сад. И нам станет ясно: те, в чьи руки попал типовый проект будущей «Русалочки», шли не по пути добавления «лишнего», а скорее восстанавливали недостающее.

Полноценный проект нынешней «Русалочки» появился два года назад. В воображении Елены Валентиновны Наркевич, инспектора детских учреждений объединения имени Лепсе. Она понимала, что нужен эксперимент, что это не так просто — убедить хозяйственников в его необходимости. Но любой эксперимент со временем может стать нормой. Если он оправдан.

«Русалочки» в плане строительства на 1980 год не было. Очередь детсадовских детишек снова начала прогнозируемо расти. Можно было, наверное, уплотниться как-нибудь, потесниться, реконструироваться, наконец. Но руководство объединения приняло не самое простое в этой ситуации решение — строить.

Встала проблема выбора проекта. Известно, что в нашей стране суще-

Инспектор детских учреждений первой склоняется над проектом и вносит в него необходимые и желательные с точки зрения дошкольного воспитания коррективы. Отдел технического проектирования и руководство объединения садятся за расчеты и увязывают желаемое с возможным, после чего предложения по корректировке отправляются в «Кировгипрогорсельстрой».

Теперь и строители лепсенского УКСа всегда знают, что они строят. В кабинете Елены Валентиновны нередко раздаются такие звонки с объекта: — Вам окно не там делают. В соответствии с проектом вроде, но надо бы левее. Приезжайте.

И она едет и заставляет перенести окно. Она остро переживает каждый, пусть самый незначительный брак. И если в ее силах предотвратить его то Наркевич сделает это. Впрочем, брак при строительстве детских учреждений при объединении — редкость. Лепсенцы знают: строят для себя, для своих детей.

И еще одна важная деталь. Заведующая детским комбинатом тоже прекрасно знает, где ей предстоит работать. И за ней сохраняется право вносить в строительство свои поправки. Потому что назначается она по сложившейся в объединении традиции не за месяц или два до сдачи объекта, а с первым ковшом грунта под фундамент.

Итак, садится Елена Валентиновна за проект, — благо, дело привычное. Так... Бассейн привяжет проектный институт. Это обеспечено распоряжением горисполкома. Бассейн будет связан с основным корпусом переходом двухметровой ширины. А что если переход сделать все же шестиметровым по ширине и устроить в нем большой зимний сад с аквариумами, пальмами, птицами и прочей живностью в клетках... Но одноэтажный переход между двухэтажными зданиями смотрится плохо. Может быть, над ним и разместить комнату для занятий трудом (ее нет в проекте вообще, а труд есть в программе) и методкабинет, поскольку в предусмотренном поме-

екта. Стоят они больших материальных средств и больших нервов. Но знала она и то, что окупятся со временем те и другие затраты многократно.

Я рискую раскрыть «семейную» тайну института «Кировгипрогорсельстрой» и объединения, но скажу все же, что поначалу Госстрой РСФСР действительно не утвердил столь сильных изменений в проекте. Согласие пришло лишь спустя много времени. Когда строительство — с учетом изменений — шло уже полным ходом. Рисковали институт и предприятие попасть в немилость высших инстанций? Безусловно. Но умолчать о факте этом не хотелось бы, потому что в нем за поверхностным неподчинением, нарушениями финансовой дисциплины кроется та доля риска людей, уверенных в своей правоте, которая необходима в любом новом деле.

ЕСТЬ В «РУСАЛОЧКЕ» МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛАСС.

Однако мы ушли вперед. Проект готов. Начальник УКСа И. Фрегер, человек решительный и на слова не щедрый, сказал: «Будем строить». И выделил на объект не один — три подъемных крана. И распорядился, чтобы завтра на оперативке были в его кабинете те-то и те-то. И новая заведующая комбинатом тоже.

...Нина Михайловна Горлова думала порой о том, что в ее положении есть что-то забавное: она заведовала детским садом, которого еще и в помине не было. Заведовала, иными словами, местом, где он будет, усердно и добросовестно, потому что проводила на стройплощадке по двенадцать часов в сутки.

Строить Горловой прежде не доводилось. Работала она долгое время воспитателем и, подобно Елене Валенти-

ГЛЯД НА

новне, инспектором детских учреждений одного из кировских заводов. Но в душе давно ждала Нина Михайловна дела такого, чтобы самой быть хозяйкой и ощущать плоды своих стараний. Поэтому на предложение Наркевич согласилась сразу. Они решили: будем строить самый лучший садик. Тесен мир, и об этом желании — строить садик непременно лучший — скоро прослышали бывшие коллеги Нины Михайловны, другие детсадовские работники. И, что скрывать, ходили поначалу в городе недобрые разговоры о том, что хочет, мол, выделиться человек, вперед вырваться, себя показать. Об одном мы, злословия вот так, порой забываем. Если бы каждый хотел выделиться на своем месте, вырваться вперед, если бы каждый строил «самый лучший на свете садик», та же «Русалочка» не была бы в городе единственной.

Когда стены комбината уже были почти воздвигнуты и заведующая с методистом готовились к баталиям за интерьер, в это время состоялась в Кировской области, в городе Кирово-Чепецке, научно-практическая конференция по проблемам дошкольного

**ЗИМНИЙ САД —
ЭТО ЕЩЕ ОДНА РАДОСТЬ
ОБЩЕНИЯ
С ПРИРОДОЙ.**

воспитания. Выступила на ней и Татьяна Ивановна Осокина, автор брошюр и книжек по физическому воспитанию детей. Она рассказала о том, какие изменения готовят ученые в программе, первоклашкам, например, предстоит в скором будущем сдавать по нормам ГТО канат, кольца и перекладину и что следует как-то к этому готовить дошкольников.

После конференции и родилась идея оборудовать спортивный зал так, чтобы, когда жизнь потребует изменений, они не застали «Русалочку» врасплох. И появились в садике канат, кольца и перекладина. Штрих маленький, но для нас важный. В нем справедливое убеждение администрации «Русалочки»: чтобы идти в ногу со временем, надо его порой и опережать.

Есть в Кировской области комбинат, который обеспечивает все детские дошкольные учреждения мебелью. Походите по садикам-новостройкам: везде одинаковые фанерованные шкафчики, крепящиеся намертво к скамейкам. Неужели это все, на что способна фантазия их создателей? На предприятие едет Горлова и просит, во-первых, не крепить шкафы к скамейкам, чтобы можно было часть из них повесить на стену и вообще варьировать их расположение в разных группах; а во-вторых, не фанеровать шкафы, поскольку они быстро блекнут от

воды, с тем чтобы объединение (такая возможность есть) покрасило их влагостойчивой краской в самые разные, праздничные цвета. После долгих разговоров и после визита на комбинат заместителя генерального директора объединения согласие все же было получено.

Еще одна проблема. На том же комбинате шкафы для раздевания делаются одного размера, и рассчитаны они на маленьких детей. Это значит, что повешенные пальтишки, рейтузы старших ребят достают до обуви, которую дети не всегда успевают помыть. Шкафы в конце концов для старших групп изготовило объединение. Кстати, известно, что многие предприятия сами полностью обставляют свои ясли и садик. Но делают они это не от хорошей в общем-то жизни. Предприятия, повторюсь, призванные по своему профилю обеспечивать детишек мебелью, не удовлетворяют спрос на нее.

...День сдачи объекта вспоминается отдельными яркими штрихами: все

Олимпиада «Смены» — 31 406 участников

волновались, а Горлова особенно. Пришли рабочие — чуть не все из тех, кто участвовал в строительстве. Стояли в стороне, переговаривались. Сдавался их садик, оценивался их труд. Нина Михайловна с гордостью провела комиссию по группам, залам, в бассейн. Кто-то поинтересовался:

— Позвольте, эта женщина — строитель?

— Нет, заведующая.

— Так почему же она будто бы сдает, а не принимает?

Нине Михайловне не приходилось прежде ни сдавать, ни принимать. Она просто гордилась своим садиком — плодом стольких общих стараний, общего творчества и труда.

Когда ее спросили, как оценивает она работу строителей, Нина Михайловна ответила:

— Высшими баллами.

Рабочие заплодировали.

Объект был принят государственной комиссией с оценкой «отлично». «Русалочка», впрочем, пока еще не окрепшая так, а безмянная, как всякий новорожденный, готовилась принять маленьких хозяев в свои стены.

Стены, от северных ветров оберегающие, радующие краской глаз, — это много, но не все. Предвижу: кто-то разовьет мысль дальше и скажет, что вообще стены сами по себе, красивые ступеньки, чеканка и ковры на полу еще не определяют успеха в воспитании. Не раз и не два задавал я себе вопрос: насколько поможет каждое усилие, каждое из приобретений, каждый метр дополнительной площади улучшить сам процесс воспитания, ведь в конечном счете во имя него и ломаются копыта — перекаиваются чертежи, обиваются чьи-то пороги? И приходил к выводу: все долгие хлопоты вокруг «Русалочки» разумны, они — проявление заботы о детях: залы, бассейн, отвоєванные комнаты стали или станут непременно союзниками воспитателей.

Мне рассказали, как Нина Михайловна откадалась от цветного телевизора, какие приобретают многие детские комбинаты. Каждое приобретение должно быть разумно — так считает заведующая. А на «экономленные» деньги есть у нее свои виды. С давних пор, еще с воспитательских времен, мечтает она иметь кинокамеру и проектор в садике, чтобы снимать детишек для истории. Или же ловить скрытой камерой интересные, иногда и конфликтные ситуации, чтобы после показывать их на родительских собраниях с комментарием педагогов.

Вообще планов у руководства «Русалочки» много. Софья Семеновна, чей «конек» — физвоспитание, мечтает заниматься им со старшими ребятами по экспериментальной программе.

Мне думается, что желание построить самый лучший садик следует понимать шире. Строятся здесь не только стены — строится жизнь в них, отличаются которую поиск, творчество, эксперимент.

Кстати, в других Кировских детских комбинатах плавают лишь старшие садовские группы, а в «Русалочке» сейчас уже приучают к воде двухгодовалых, собираются пустить в воду и самых-самых малышей. Но это в будущем. Надо прежде списаться с Москвой, посоветоваться со специалистами.

Вспоминается отзыв одного из гостей «Русалочки»: «Это садик будущего». Действительно, в Кирове такой детский комбинат пока один. В стране же их уже сейчас немало. И недалеко то время, когда тесные садки в первых этажах жилых домов, без своих участков и игровых площадок, будут закрыты за ненадобностью, когда современные методики дошкольного воспитания перестанут спотыкаться о несовершенные проекты. Так что поправим восторженного гостя: это садик недалекого будущего.

Поздравляя читателей нашего шахматного отдела с Новым годом, мы подводим итоги традиционного заочного соревнования поклонников древней и мудрой игры — 23-й шахматной олимпиады «Смены».

Задания олимпиады были непростыми. Соискателям награды пришлось разбирать и оценивать любопытные позиции из шахматной практики, решать этюды и задачи, отвечать на вопросы викторины, комментировать гроссмейстерский поединок. Но самое, пожалуй, главное то, что все участники стали популяризаторами шахматного искусства, организуя классификационные турниры новичков на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах, в учреждениях и воинских частях, в вузах и техникумах, в профтехучилищах и школах. Так что полку любителей шахмат приросло! Обращимся к строгому языку цифр: судейская коллегия олимпиады назвала имена 8 победителей, 22 призеров и 234 дипломантов олимпиады. 11 820 читателей журнала получат впервые или повысят спортивные разряды. А всего в заочном соревновании приняло участие 31 406 человек, включая и тех, кто играл в турнирах начинающих шахматистов.

Редакция награждает всех лидеров олимпиады специальными дипломами, а победителей и призеров также сувенирными шахматами или фотографиями чемпиона мира Анатолия Карпова. Новым шахматистам-разрядникам и тем, кто повысил свою квалификацию, высланы соответствующие справки. Мы искренне поздравляем отличившихся товарищей с успехом и благодарим всех читателей, принявших участие в 23-й олимпиаде «Смены»!

А теперь представляем наших лауреатов.

С наиболее высоким результатом — 96 баллов из 100 возможных — финишировали **Анатолий ВОРОПАЕВ**, сварщик завода «Пролетарский молот» (Ростов-на-Дону), **Владимир ГАВРЮШКИН**, машинист электровоза комбината «Печенганиель» (Мурманская область), **Любен ДЖАМБАЗОВ**, сотрудник окружной библиотеки (Болгария, г. Шумен), **Константин КАРЕВ**, фрезеровщик завода химического машиностроения (Горьковская область, г. Дзержинск), **Ренат НУРЕТДИНОВ**, старший технолог нефтегазодобывающего управления (Башкирия, пос. Дюртюлки), **Петр ПОДЛИСНЫЙ**, врач кардиологического санатория «Северная Ривьера» (Ленинградская область, г. Зеленогорск), **Владимир ТЕРЕХОВ**, мастер турбинного цеха производственного объединения «Сибрэнерго» (Новосибирск), **Сергей ТРУБИЦЫН**, инженер-маркшейдер шахты «Тажная» (Пермская область, г. Гремлячинск).

Призеры 23-й олимпиады стали: **И. БОБРОВ**, учащийся профтехучилища № 13 из г. Краснокаменска Читинской области, **Р. БЕЗРОДНАЯ**, конструктор из г. Искитима Новосибирской области, **М. БОНДАРЕНКО**, механик из г. Находки Приморского края, **Э. БРОВЧЕНКО**, педагог-воспитатель школы № 916 из Москвы, **Ю. ПЕКС**, штукатур из Риги, **А. СЕРЕГИН**, редактор Главной редакции Западной Европы АПН из Москвы, **И. ШАРАБКО**, слесарь-вентиляционник из Новосибирска, **К. ШУРИЕВ**, бухгалтер совхоза из села Карабау Гурьевской области — у них по 94 балла; **Ф. АСТАФЬЕВ**, техник-строитель из г. Великие Луки, **Н. ВИКТОРОВА**, аспирантка энергетического института из Москвы, **В. ВОРОБЬЕВ**, машинист водогрейных котлов из г. Углергорска Сахалинской области, **И. ГЕТЮК**, студент медицинского института из г. Черновцы, **Г. ЖУК**, горнорабочий очистного

Анатолий ВОРОПАЕВ

Владимир ГАВРЮШКИН

Любен ДЖАМБАЗОВ

Константин КАРЕВ

Ренат НУРЕТДИНОВ

Петр ПОДЛИСНЫЙ

Владимир ТЕРЕХОВ

Сергей ТРУБИЦЫН

забоя из пос. Северного Ворошиловградской области, **В. КАШИЦЫН**, работник судоремонтного завода из Мурманска, **И. ЛУЗИН**, инженер-геодезист из Кирово-Чепецка, **М. МАКАРОВ**, электромеханик из пос. Ново-Семейкино Куйбышевской области, **М. РОГУТ**, руководитель службы по многолетним насаждениям и орошению из г. Фалешты Молдавии, **А. СОРОКОВОЙ**, машинист электровоза из Красного Лимана, **С. ХАМХОЕВ**, заведующий хозяйственным магазином из села Новый Редант Чечено-Ингушетии, **И. ШКАТУЛО**, студент института народного хозяйства из Минска, **С. ШАМСИДИНОВ**, инструктор по спорту колхоза «Искра» Бухарской области, **С. ШОРНИКОВ**, учащийся профтехучилища из деревни Ушлейка Инсарского района Мордовии.

Приводим краткие решения заданий минувшей олимпиады.

ПЕРВЫЙ ТУР — 1. Лс7 Кс7 2. Кg4x; 1... Cd4+ 2. Кр1 Ф:d6 3. Ф:d6 Кf2+ 4. Крg1 Ке4+ 5. Крh1 К:d6.

ВТОРОЙ ТУР — (мат дается в три хода) 1. Лh8 Крb7 2. g8 Кра7 3. Фb8x; 1... Крg6 2. Се8+ Крf5 3. Сh5 Ф:d2 4. Сg4+ Крg6 5. f5+ Крh6 6. Сf4+ Ф:f4 7. d1 b3 8. Cd1 cd 9. Крg8 d2 10. С:b3 d1Ф 11. С:d1 — мат.

ТРЕТИЙ ТУР — 1. Л:f4 Кр:f4 2. Фg5x (найденное опровержение 1... Сd7); (начинают и выигрывают белые) 1. Лg1+ Крh4 2. Лg7 Ла1+ 3. Крe2 Ла2+ 4. Крe3 Ла3+ 5. Крe4 Ла4+ 6. Крf5 Ла5+ 7. Крg6 Ла6+ 8. Крh7 Ла6+ 9. Крg8 Ла8+ 10. Крf7 Лf8+ 11. Крe6 Ла8+ 12. Крd5 Лd8- 13. Крe4 Ла8+ 14. Крd3 Лd8+ 15. Крe3 Ла8+ 16. Крf2±.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР — 1. Лe7 d3 2. Лb5 Л:c5 3. с4x; (нерешаемость устраняется добавлением черной пешки на поле «h2») 1... bc 2. Сb5 Сg3 3. Л:g3+ Крh4 4. Лg4+ Крh5 5. Сe2 h1Ф 6. Кр2±.

ПЯТЫЙ ТУР — 1. Кf4 Крf3 2. Фd3+ Фе3 3. Фе2x; 1... Лс5+ 2. Лf5 h6+ 3. Крg4 Ла4+ 4. Лf4 h5+ 5. Крg3 Лс3+ 6. Лf3 h4+ 7. Крg2 Ла2+ 8. Лf2 h3+ 9. Крf1 h2 10. Л:h2 Лf3+ 11. Крg1 Лg3+ 12. Крh1±.

ШЕСТОЙ ТУР — нерешаемость 1... С:e7 2. С:c4 Сf6+ 3. Кра3 С:c4+ 4. Крb4 Крd5 5. Лd1+ Сd4 6. Л:d4+ Кр:d4 — мат.

СЕДЬМОЙ ТУР — 1. Лb7 С:b7 2. Сd8 Лd8 3. Кf7 Лd5 4. Фf3x; 1... Ла2+ 2. Кра2 Фа5+ 3. Крb1 Сf1±; нерешаемость.

ВОСЬМОЙ ТУР — 1. Се5 Кb6 2. Кс3+ Крc5 3. e4 Ке4 4. Ке4x; 1. Крe2 Крc3 2. С:f4 Лd5 3. Сd4 d1Ф+ 4. Кр:d1 Л:d4+ 5. Крe2±; 1... g2 2. С:g2 fg 3. d8 Фг1 4. Фd2+ Крb3 5. Фd1+ Ф:d1 — мат.

ДЕВЯТЫЙ ТУР — 1. Крe1 Крe3 2. Ф:e4x (эту изящную миниатюру, которая, судя по читательским откликам, произвела наибольшее

впечатление, вы видите на диаграмме);

1. Сb2 Лb1 2. Лb4 Се5 3. Л:b7 Сg8 4. Лb5 С:b2 5. Лb8+ Кof7 6. Лf1+ 7. Крg2 Лb1 8. Крf3 Чh7 9. Лb7+ Крg8 10. Лb8+ Крf7 11. Лb7+=; 1... Ла1 2. Ке5 Ла4 3. Крf3 Ла3+ 4. Крf4 Ла4+ 5. Крg3 Ла3+ 6. Крh4 Лg3+ 7. Крg5 Лh5+ 8. Крf4 Лf5+ 9. Крe4 Лf4+ 10. Крd3 Лd4+ 11. Крc3±; 1... Кf4 2. d6 К:d3 3. d7 g2 4. d8Ф g1Ф 5. Крe4 Кc5+ 6. Крe5 Фh2±.

ДЕСЯТЫЙ ТУР — 1. g7 Ла6+ 2. Крe7 Лg6 3. Крf8 a2 4. Ла7 Лf6+ 5. Крe7 Лg6 6. Крf7 Крh6 7. g8Ф±; (король черных на поле «e5») 1. Лe1 Крf6 2. e5+ Кр:e5 3. e4 Крf6 4. e5+ Кр:e5 5. e4 Крf6 6. e5x; 1. Лe3 С:c3 2. Крe4 Сb3 3. Лf3 Крg5 4. Лf4 Л:f4x 1. Фb1 С:e7 2. g8Ф+ Сg5 3. Фd3 cd 4. Л:d3 Кр:f5x; 1. Крd5 Лe1 2. c1Л Лf1 3. Лc5 Лf2 4. e1Л+ Лf1 5. Лe5 Лd1x; (при белой пешке на поле «b2») 1... b3+ 2. Крb1 a2+ 3. Кра1 С:b2+ 4. Кр:b2 c3+ 5. Кра1 g1Ф+ 6. Сb1+ Фg4 7. Ф:g4+ Кра3 8. С:a2 c2 9. Фа4+ Кра4 10. С:b3+ Кр:b3 — мат; (при белой пешке на поле «h5») 1... Ла8 2. Кb8 Крf8 3. Крh8 e3 4. h7 Крf8 5. Кd7+ Крf7 6. Кb8 Крf8 7. Кd7+ Крe7 8. Кb8 e2 9. Крg8 e1Ф 10. h8Ф Фg1+ 11. Фg7+ Ф:g7+ 12. Кр:g7 e5 13. Ка6 e4 14. Кс7 Лс8 15. Ка6 Ла8 16. Кс7±.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

1. Сурдокамера 8. Фурманов 9. Антонина 10. Рабас 11. «Орбита» 13. Ассоль 14. Ванга 16. Агат 18. Эдип 19. Аналогия 20. Доктрина 21. Вернисаж 22. Кожанер 25. Балл 26. Форэ 27. «Воина» 28. Жюльер 30. Анатас 32. Смотри 34. Динамика 35. Астрал 36. Конструкция.

По вертикали:

1. Старт 2. Дуэр 3. Комбинат 4. Маас 5. Анонс 6. Геррагча 7. Аделаида 12. Астрофизика 13. Архитектура 14. Валиханов 15. Антонова 17. Театрал 18. Эпиграф 21. Владимир 23. «Вурдалак» 24. Байкунур 29. Ремек 31. Нория 32. Сакс 33. «Раек».

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБИНСКОГО

ПАВЕЛ БАЖОВ (1948 г.).

ЛИКВИДАЦИЯ
НЕГРАМОТНОСТИ (1934 г.).

ДЕВУШКА-ОХОТНИК (1938 г.).

ФОТО-ОБЪЕКТИВНО

СНИМКИ ИВАНА ШУБИНА

Мы часто говорим: «пожелтевшие фотографии», — желая подчеркнуть их историческую ценность. Но эти снимки, присланные в редакцию старейшим фотожурналистом Урала Иваном Александровичем Шубиным, внешне приметы времени не тронули. Держа в руках профессионально отпечатанные, отличающиеся глянцем плотные прямоугольники, не сразу верится, что щелчок затвора фотоаппарата, остановивший мгновение, был сделан несколько десятилетий назад. Но не спешите. Всмотритесь пристальнее в каждый снимок — и вы непременно перенесетесь в

атмосферу тридцатых и сороковых годов, в ту атмосферу, которую молодые наши читатели знают лишь по рассказам отцов и дедов.

Первый снимок Ивана Шубина был опубликован в газете «Уральский рабочий» почти полвека тому назад. С тех пор Иван Александрович не расстается с фотоаппаратом.

Журналистика — семейная профессия Шубиных. Отец Ивана Александровича, известный уральский публицист, заведовал в свое время отделом литературы «Крестьянской газеты», издававшейся в

Свердловске. В той же газете работал тогда друг Шубина-старшего знаменитый уральский сказочник Павел Бажов. Часто Павел Петрович беседовал о литературе, о журналистике со своим юным коллегой — заместителем редактора и художником стенгазеты «Школьное перо» Ваней Шубиным. И когда подал Иван заявление с просьбой принять его в комсомол, рекомендацию ему дал сам П. Бажов. Много воды утекло с той поры, но и по сей день Иван Александрович прилагает все силы, чтобы оправдать столь дорогое для него доверие.

Основным журналистским «оружием» Шубина-младшего стал фотоаппарат. С ним он бывал на строительстве легендарной Магнитки, путешествовал вместе с геологами, встречал рассветы с земледельцами, выслеживал зверя рядом с охотниками... С автоматом и фотоаппаратом прошел он четыре фронтовых года.

Сегодня фототека Ивана Шубина — уникальная летопись истории Урала, истории нашей Родины. Мы предлагаем вниманию читателей лишь четыре снимка из собрания Ивана Александровича Шубина, но думается, что и эта малая частица не оставит никого равнодушным.

ПРОЩАНИЕ (1942 г.).

пением затаенным. «Скрипнула дверь» — здесь движение механическое, а «задрожала рука» — живой человеческий порыв. Это нужно петь трепетно, но без суеты. Здесь движение внутреннее, а не внешнее. Понятно? И далее, вторая стихотворная строчка — «там, в поднебесье, летят облака». В этом месте нужно усилить динамику. Звуки должны разрастаться, как облака. Она в сравнении с первой контрастна. По смыслу стихотворения перед нами протекают две жизни: одна реальная, земная, а другая воображаемая, где-то далеко от земных тревог, высоко-высоко в небе, где пробегают освещенные луной облака...

Хор повторяет.

— Теперь лучше, — единодушно отмечают Минин и Свиридов.

Снова уточняются нюансы, едва ощутимые оттенки. Кажется, уже все и так хорошо. Но вот — штрих, полуштрих, едва заметное изменение, акцент. И как, оказывается, все меняется, более и более приближаясь к совершенству идеала!..

Творческие споры между композитором и дирижером ко времени этой последней репетиции улеглись. Все чаще и чаще из четырнадцатого ряда раздаются восклицания:

— Замечательно! Прекрасно!

Певцы успокаиваются. В каждого вселяется уверенность, что делает он все, как надо. А такая уверенность ох как нужна перед концертом!..

Георгий Васильевич из темноты партера усталой походкой направляется к освещенной сцене. Охрипшим от напряжения голосом говорит:

ВЫСТУПЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО КАМЕРНОГО ХОРА ПОД УПРАВЛЕНИЕМ НАРОДНОГО АРТИСТА РСФСР. ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА МИНИНА УЖЕ ДАВНО СТАЛИ ЯВЛЕНИЯМИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СТОЛИЦЫ.

Фото Валерия БАРЫШНИКОВА

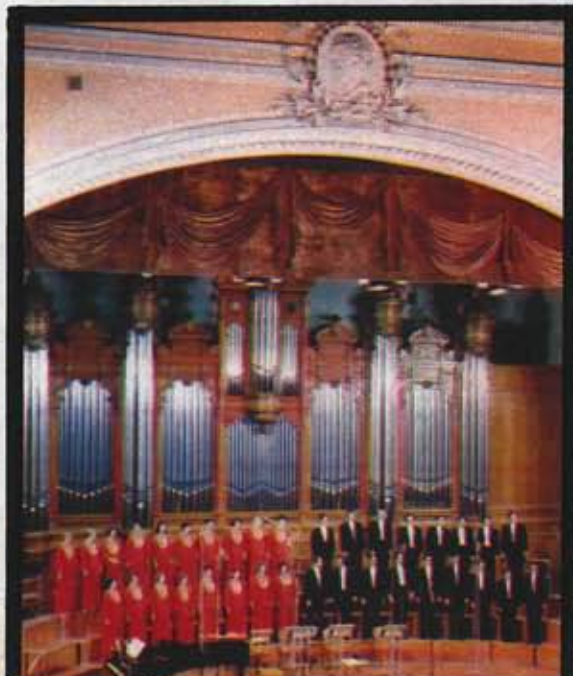
ШРЕКРАСНОЕ ДОЛЖ

Людмила БАРЫКИНА

В Московском камерном хоре шли напряженные репетиции. На третьей генеральной певцы, приложив к ушам ладони наподобие раковины, чтобы лучше слышать себя, не оглушаясь от соседа, еще и еще раз повторяли самые сложные части новой свиридовской кантаты. Они очень устали, слух был предельно утомлен, поэтому и прибегали к помощи ладоней. Но нужно было продолжать работу, до концерта оставалось совсем мало времени.

Автор кантаты композитор Георгий Свиридов, художественный руководитель и главный дирижер хора Владимир Минин и его помощник Владимир Семенов слушают из зала. Время от времени кто-нибудь из них то подходит к сцене, чтобы дать очередное указание, то останавливается в центре партера, проверяет дикцию, силу звучания, штрихи, краски.

— Стойте, стойте! — восклицает Георгий Васильевич. — В первой фразе — «скрипнула дверь, задрожала рука» — нужно чередовать трепетное пение с

— Спасибо вам, друзья. Теперь все чудесно... Извините, что был иногда резок. Спасибо еще раз и... ни пуха ни пера! — Он улыбается, довольный.

В ответ раздается нестройное:

— К черту, к черту!

Завтра день концерта... Об этом извещала большая афиша, по обычаю заранее вывешенная на правом крыле Московской консерватории. Она уже несколько дней привлекала любителей хоровой музыки. Выступления Московского камерного хора под управлением народного артиста РСФСР, профессора Владимира Минина в последнее время стали значительными явлениями в музыкальной жизни столицы.

Объявленная программа концерта, трудная и интересная, включала произведения К. Дебюсси и М. Равеля, кантату Г. Свиридова «Ночные облака», сочинения С. Танеева и семь хоров из «Литургии Иоанна Златоуста» С. Рахманинова и сделала бы честь любому старейшему, осененному традициями и опытом академическому хору. Для молодого, растущего коллектива, каким является Московский камерный, такое выступление — смелая заявка о себе и в определенном смысле творческая дерзость. Ведь певцам «мальыми силами», камерным составом

предстояло показать сложнейший концерт Сергея Рахманинова в лучшем зале страны, который не раз слышал «Литургию» в исполнении больших хоров. И еще почетная, но не менее ответственная задача — впервые познакомить слушателей с сочинением Георгия Свиридова на стихи Александра Блока «Ночные облака».

То, что Георгий Васильевич поручил премьеру Московскому камерному, факт знаменательный. Свиридов все свои хоровые произведения пишет для определенных исполнителей. Мало того, композитор признался, что сочинение новой своей кантаты начал под сильным впечатлением от исполнения «мининцами» рахманиновской «Литургии». Георгий Васильевич точно знал, что поручит свое новое творение Московскому камерному.

«Скрипка да дверь, задрожала рука», — звучала первая фраза. Все замерли, жадно вслушиваясь в тревожный мотив. Слушали, боясь громко вздохнуть даже в больших паузах, даже в перерывах между частями кантаты. И не сразу очнулись, когда раздался финальный удар большого барабана в «Балаганчике»...

Так состоялось рождение новой свиридовской кантаты. Своим тревожным, мятущимся настроением она по-новому осветила все, что уже создано композитором на стихи А. Блока, как бы соединила его «Петербургские песни» и «Песни безвременья».

К концу дня, когда заканчивались занятия и затихали звуки и шумы, коридоры и классы Гнесинского института становились непривычно гулкими и просторными. Но это нисколько не портило особого, приподнятого настроения, с которым приходили сюда по вечерам студенты и бывшие выпускники. Работали одержимо. Вся организация строилась на добровольных началах — Минин принимал всех желающих, даже без предварительного прослушивания. Вскоре ему удалось создать коллектив единомышленников, в котором царил поистине вдохновенная творческая атмосфера. Есть такое слово — студийность, оно, пожалуй, точнее всего определяет обстановку этих занятий.

Сам Владимир Николаевич к тому времени уже являлся признанным мастером. За его плечами была работа в Государственном хоре СССР, потом руководство Молдавской хоровой капеллой «Дойна», заведование кафедрой хорового дирижирования в Новосибирской консерватории, руководство Ленинградской хоровой капеллой имени Глинки. И наконец, ректорство в институте имени Гнесиных. И вот — самостоятельный хор. Владимир Николаевич рассказывал, что большую часть своей самостоятельной профессиональной жизни вынашивал план создания современного русского камерного хора. Впервые представление о том, каким должен быть такой хор, стали складываться после встречи в 1957 году с выдающимся советским композитором Георгием Васильевичем Свиридовым. «Именно он, — вспоминал Минин, — своим творчеством и своими высказываниями натолкнул меня на новое, более глубокое понимание задач хорового исполнительства, на роль и значение этого искусства в жизни общества. Работа с большими хорами не приносила полного удовлетворения. Для воплощения своих идей нужны были новые певцы, с другими творческими принципами. Я мечтал достичь такого уровня художественного исполнительства, когда создавалось бы ощущение складывания песни при слушателе, ощущение непосредственности и свежести хорового пения».

НО БЫТЬ ВЕЩАЧВО

Мне казалось, что воплотить эту идею позволит созданный мною камерный хор. Даст возможность тонкого выписывания деталей, передачи сложнейших душевных переживаний человека. Собравшаяся в самостоятельный хор увлеченная молодежь, ее энтузиазм, горение, отзывчивость, бескорыстная самоотдача в нашей общей работе — все это было залогом будущих художественных достижений».

Владимир Николаевич оправдал и доверие и безоглядную преданность молодых людей. Он дал им главное — возможность полного выявления творческих способностей, индивидуальных склонностей каждого. На первый взгляд это покажется необычным, ведь хоровое искусство, как известно, не персонафицировано. Но вспомним слова Минина о том, что ему нужны были новые певцы. И воспитание их шло по строго продуманным, давно выстраданным и выношенным принципам: музыка, слово, образ в произведении одинаково значимы; красивое пение само по себе не самоцель — звук должен нести смысловой заряд, а оттенки звучания служат более полному раскрытию содержания.

«Репетировали вечерами. В пятницу садились в поезд и в субботу — воскресенье давали концерты в

области. Выступали часто на импровизированных сценах, постоянно расширяя репертуар, который сначала состоял в основном из русских народных песен и произведений советских композиторов».

Начали осуществлять новые принципы в фольклорных произведениях, в обработках русских народных песен.

Именно в русской песне с ее напевностью, глубиной, задушевностью и добротой, с грустью и задорной улыбкой удавалось наиболее рельефно показать новые приемы выразительности хорового пения.

Без знания законов и форм народного творчества нет подлинного национального коллектива. Сколько увлекательного материала для творчества дает хотя бы знакомство с интонационным богатством русской песни, в частности крестьянской песни. По словам Н. Гоголя, прекрасного знатока песни, в ней все — «верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий народа».

Те, кто слушал в исполнении Московского камерного задорную «Таню-Танюшу» в обработке Калистратова, неторопливо-повествовательную «У ключика», красочную Рубинскую «Ярмарку», могут убедиться, как замечательно поняли певцы самую суть принципов Минина.

Хор рос и развивался, усложнялся и пополнялся его репертуар. Сейчас основу составляют произведения советских композиторов, русская и западноевропейская классика. Но задачи остались все те же — выявление внутреннего глубинного смысла исполняемого произведения; богатство современных ассоциаций; правда чувства; высочайшая исполнительская требовательность.

Сейчас нам доступна и близка красота и человечность древних творений, их стремление к доброте и справедливости. Творцы песнопений были выходцами из народа и вносили в свои творения черты родной и близкой им народной песни. Там, где текст давал хоть малейшую возможность для передачи непосредственных человеческих чувств, они всегда находили волнующий и искренний язык. Именно эту вечно живую сторону их творений подчеркивают певцы Московского камерного. Вот почему интерпретация старинной музыки так эмоциональна и так свежо действует на слушателей. Надо сказать, что «мининцы» — одни из лучших исполнителей русской старинной музыки. Вслед за выдающимися достижениями Юрлова, который первый пробил дорогу к древним музыкальным памятникам, Московский камерный продолжает возвращать к жизни прекрасные находки наших музыковедов. А Владимир Николаевич Минин поддерживает постоянные связи со специалистами в области старины.

В наше время принято говорить об открытиях на стыке наук. Наверно, правомерно ждать открытий и на стыке различных искусств.

Московский камерный познакомил современников с произведениями неизвестных авторов XVI века, выдающихся композиторов XVII—XVIII веков, с вершинами хоровой музыки XIX века — сочинениями для хора С. Танеева и С. Рахманинова. Володя Урман — бессменный хормейстер Московского камерного хора с самого его основания. Пришел в коллектив, будучи дипломированным факультета хорового дирижирования института имени

Гнесиных, и, как говорит сам Володя, ходил на занятия к Минину, как в школу.

Его сразу же привлекло новое отношение художественного руководителя к хоровой эстетике. Владимир Николаевич учил достигать художественной выразительности разными способами — от традиционных вокальных до приемов, свойственных оркестру. Это было необычно и интересно.

— Поначалу у нас не было хормейстера, — рассказывает Володя Урман, — в каждой группе хора был старший, который проводил отдельные занятия. Я, например, отвечал за группу теноров. Но вскоре Минин назначил меня хормейстером. Признаюсь, я был ничем не лучше других хористов и ошибался не реже, в общем, не отличался ничем особенным... Не мог представить, как посмотрят ребята на меня в новом качестве. Вудут ли считаться с моим мнением?..

Володя Урман напрасно волновался; ребята скоро оценили и его умение в разных ситуациях оставаться самим собой и прекрасное качество — всем интересоваться (будь то вернисаж, новая книга или интересная встреча) и приобщать к своим интересам других. И надо сказать, все приобщались охотно, потому что каждый участник кол-

лектива Московского камерного — личность незаурядная и интересная.

Если искусство не меняет течения внутренней жизни, значит, оно не просто бесполезно, но даже вредно. Это очень жесткое требование к творчеству и творцу исповедует каждый в хоре.

Невозможно не поддаться обаянию увлекательной атмосферы человеческого общения, царящей в Московском камерном, а познакомившись с каждым артистом поближе, невозможно не попытаться рассказать о нем другим.

Тамара Пилипчук недавно снова пришла в хор, закончив институт имени Гнесиных. Она из музыкальной семьи. С десяти до двадцати лет пела в ансамбле у И. Дунаевского, даже солировала, например, в кантате Д. Кабалевского «О родной земле».

Типичная, «гладкая», определенная с детства стезя, которая, как все ожидают, закономерно приведет в хор. Так думала я, когда продолжила:

— Вы поступили в институт и пришли к Минину.

Но тут Тамара, смутившись, возразила:

— Нет, совсем не так... В ансамбле у Дунаевского я занималась с очень хорошим хормейстером Усовой. Хотя она все время подталкивала меня к мысли серьезно заняться вокалом, я не решалась.

— Почему?

— Останавливал пример сестры. Она мечтала стать певицей, но ее певческая судьба сложилась неудачно. Она очень переживала...

— И сестра вас отговорила?

— Нет. Она считала, что мне обязательно надо попробовать, и сама привела меня к Минину в хор...

Сейчас Тамара окончила институт, отделение хорового дирижирования и снова поет в родном коллективе.

— Работа приносит огромное удовлетворение, — говорит она, — несмотря на напряженнейший ритм репетиций и выступлений и порой тяжелых усилий над собой. Удовлетворение от совместных творческих удач окрыляет.

В семье у Татьяны Кирсановой нет музыкантов. О профессиональном пении она никогда не думала. Правда, на студенческих вечерах и самостоятельных выступлениях ей говорили, что есть голос, и это приятно волновало, но Таня пела больше для себя. Серьезно занималась математикой еще со школьной скамьи, решив связать свою судьбу с точными науками. Успешно закончила мехмат МГУ, работала в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. Увлечение пением не бросала, стала заниматься для души в народной певческой школе ЦДРИ, по-прежнему считая, что профессионала из нее не получится. Но руководительница школы настаивала на серьезном вокальном образовании, говорила, что есть данные. Вероятно, окончательное решение было для Татьяны не простым. Сдержанная и немногословная, она сказала мне лишь, что не жалеет... Сейчас она учится на последнем курсе вокального факультета института имени Гнесиных. На мой вопрос, почему пришла именно в «мининский» хор — ответила, как всегда, скупое. Во-первых, в хоре сознательное отношение к мастерству — ясно, какого результата добиваться... Во-вторых, сразу «делается» музыка, нет грубых, черновых проб, подготовительный период сведен до минимума и выпадает в основном на самостоятельные занятия. И наконец, в хоре огромная перспек-

тива для творческого роста каждого участника, а значит, предпосылки для развития талантов всех.

Вот таких разных людей сплотил в прекрасный коллектив и сделал единомышленниками Владимир Минин.

Хотелось бы закончить рассказ о Московском камерном одним небольшим эпизодом, о котором мне рассказали певцы, возвратившись из гастрольной поездки на БАМ.

— Приехали мы на один из пунктов строительства дороги. Сразу было видно, что рабочие едва успели обосноваться. Многие из нас заметно приуныли — среди неналаженного быта до нас ли этим людям? Да и что петь? И вдруг кто-то из наших воскликнул: «Смотрите — цветы! Какая прелесть!» Мы дружно повернули головы — у одного из вагончиков увидели в аккуратном ящике цветы, потом у другого, у третьего. Невольно все заулыбались. Чувствуют здесь красоту. Пели мы в тот день особенно много; и народные песни и классику, слушатели оказались на редкость отзывчивыми.

Это всего лишь маленький штрих из биографии коллектива, но как много говорит он и о характере Московского камерного хора и о характере нашего времени.

Пожалуй, в восприятии сегодняшней культуры ничто другое не имеет среди подростков и юношей столь сильного воздействия, как современная популярная музыка. Именно в ней молодые слушатели стремятся найти выражение своих чувств и проблем, услышать отзвук своего собственного мира. Среди них есть и такие «фанатики», которые готовы слушать любимые музыкальные записи всегда и всюду: готовясь к занятиям, гуляя по улицам, общаясь с друзьями. Как пишет в редакцию один из читателей «Смены», назвавшийся *Славой К.* из Горького, ему «записи любимых ансамблей заменяют и друзей и близких. Только с ними я чувствую себя самими собой, они мне дают то, что я не нахожу среди окружения... раскованность чувств. Может быть, это и плохо, что я провожу со своим магнитофоном больше времени, чем со сверстниками, предпочитаю сидеть один на один со своими любимыми мелодиями, но ничто на меня не действует так сильно и захватывающе, как дисковые мелодии».

Особый ритм и строй, звучание инструментов, вероятно, больше всего отвечают будничному настрою иных молодых людей, и думаю, что более всего их привлекает необычная окраска мелодий. Я часто замечал, что электроинструменты имеют какую-то особую притягательность для молодых. А гитара, участвующая почти во всех современных ансамблях, прочно вошла в быт молодежи, она сопровождает вечеринки, прогулки и в городе и в деревне, заменяя когда-то популярную гармонию. Даже необученные, неумелые пальцы пытаются извлечь из нее знакомые мелодии и ритмы.

Многочисленные письма, пришедшие в «Смену», в клуб «Музыка с тобой», говорят о важности и сложности проблем, связанных с музыкальной культурой. Судя по этим письмам, интерес к популярной музыке охватил столь широкий и разнообразный круг людей, что возникает неизбежная потребность суждений об ансамблях и исполнителях. Но в письмах поразительно то, что среди их авторов почти не встретилось любителей тех ВИА, которые стоят гораздо ниже среднего уровня. Полупустые залы на их выступлениях уже не раз доказывали непопулярность этих доморожденных ансамблей.

Геннадий ГЛАДКОВ,
композитор

ВКУС И ВКУСОВЩИНА

Подводим итоги читательской дискуссии — «Дисковая» болезнь?»

Но они все-таки продолжают существовать. Почему так происходит — это уже другая проблема.

Среди читателей «Смены» есть страстные приверженцы и не менее страстные отрицатели таких ансамблей, как «Смоки», «Бони М»... Ну, прежде всего надо сказать, что эти группы, на мой взгляд, не заслужили того повышенного внимания, которое выпало на их долю. Это отнюдь не выдающиеся музыканты, хотя вполне профессиональные. Под их музыку хорошо танцевать. И, пожалуй, не больше.

Вижу еще одну причину такого ажиотажа вокруг дисков зарубежных ансамблей типа «Смоки» или «Дип Пепл». Он в немалой степени вызван реакцией молодежи на серость и безликость знакомых им многочисленных ВИА. Их живучесть, постоянное присутствие на сцене и в эфире может создать впечатление, что это все, что есть в современной популярной музыке. Сошлюсь здесь на читательское мнение: «Большими тиражами выпускаются диски ансамблей-близнецов, которые и сами-то, наверное, не отличают свою музыку от чужой. А что это за музыка? О текстах я уже не говорю. Свое отношение ко всем этим «полющим» выражу языком одной из песен: «Где ты? Мне теперь все равно. Ты ко мне не подходи — и я к тебе не подойду». Почему же весь этот музыкальный мусор буквально засорил эфир и эстраду, а музыканты, которые ищут (и находят) свои пути в искусстве, подчас лишаются аудитории? И не по своей вине. Очень бы хотелось услышать ответ компетентных людей», — пишет Александр Заречный из Грозного.

У нас, к сожалению, нередко выпускают на профессиональную сцену ансамбли, музыкально явно не одаренные. Они поглощают и средства и время, которые могли бы быть отданы гораздо более достойным музыкантам. «Мне кажется», — справедливо замечает Александр Гончаров из Гомеля, — что у нас чересчур много вокально-инструментальных ансамблей. Названия всех не упомяну. Многие похожи друг на друга. Удачливым подражателям «Песняров» уже подражают многие. Надо, чтобы каждый ансамбль имел свое лицо. А если не получается — пусть в соревновании с талантливыми ищут своего выхода в эфир. Ансамбль должен воспитывать у зрителя высокую музыкальную культуру, развивать любовь к музыке. Хорошей музыке. И такую музыку должна пропагандировать фирма «Мелодия», не забывая и о классической, как и русской, зарубежной».

А ведь существуют, как я считаю, такие наши талантливые ансамбли и группы, как «Ариэль», «Арсенал», «Зодиак», и др.

Их не спутаешь, у каждого есть свой голос, и они не только исполнители — рожают музыку и сами. Их сила в своеобразии. И это не должно пугать тех, от кого зависит их творческая судьба, дорога к широкой публике. Ведь в музыке, как и в искусстве, ценно то, что выражает личность художника, его отношение к миру, выраженное с наибольшим мастерством и полнотой.

То, что разговор в большинстве писем ведется вокруг лишь пяти-шести групп и ансамблей, свидетельствует, по-видимому, о недостатках в работе по этой теме. Вот что сообщает Сергей Корнеев из Читы: «Уважаемая редакция, пишет вам ведущий одной из немногих читинских дискотек. Совсем случайно ко мне в руки попал один из номеров вашего журнала, и там меня заинтересовала рубрика «Откровенный разговор», в которой многочисленные читатели высказывают свое мнение о «дисковой болезни»».

В своей работе я сталкиваюсь с определенными трудностями. Мало, слишком мало информации, серьезной и углубленной литературы о многих популярных ансамблях. Каких только журналов не побывало у меня на столе, пока я по крупицам собирал нужный мне материал. А книги О. Феофанова, о которых писала «Смена» в № 15, — это действительно только толчок к настоящему пониманию музыки, но отнюдь не больше. Что же делать? Если бы смог, сам бы начал писать». Действительно, если даже подходить с высоким критерием отбора, то можно найти гораздо больше отечественных и зарубежных музыкантов, с творчеством которых стоило бы знакомить слушателей чаще и подробнее. А не «галопом по Европам», как пишет один из читателей. Молодежи нужна информация, объективная и разнообразная, чтобы разобраться в сложном и противоречивом явлении — современной популярной музыке. Хорошо, что появились теперь дискотеки, где можно услышать то, что трудно или невозможно достать. Но насколько профессионально там ведется работа, насколько интересна и информативна программа, кто об этом судит? Всегда ли те, кто имеет на это право? На волю волн или на волю непрофессиональных деятелей такое начинание бросать недопустимо.

Конечно, дискотеки — это не решение сложного вопроса формирования музыкального вкуса. Далеко не все обладают природным музыкальным чутьем, но и тем нужны определенные знания музыкальной культуры, чтобы они смогли верно судить о том, что происходит в современной музыке. Безусловно, необязательно уметь рисовать, чтобы разбираться в живописи, и необязательно играть на музыкальном инструменте, чтобы понимать музыку. Но молодым нужно накопить определенный эстетический опыт, помогут и знания других искусств, чтобы отличить истинное и ложное в современном искусстве. Способность к верной оценке в искусстве, а в музыке с ее особым языком тем более не дается сама собой. Она должна воспитываться, но не навязыванием чужого мнения, не насильным вождением школьников в оперу или в консерваторию два раза в месяц. Нужна систематическая работа с молодежной аудиторией, которую бы вели профессиональные музыканты, интересующиеся современной популярной музыкой. Очень полезно было бы создать на телевидении постоянные музыкальные передачи для молодежи, знакомящие с нашими и зарубежными ансамблями, с интересными событиями, происходящими в современной эстрадной музыке. В этом смысле интересен опыт радиостанции «Юность».

Современная эстрадная музыка, завладевшая столь широкой молодежной аудиторией, стала важным общественным явлением. И это требует внимательного и умелого к ней отношения. Она оказывает не меньшее влияние на жизнь людей, чем так называемая «серьезная» музыка. Эстрадные мелодии и песни — это сиюминутная реакция на жизнь, непосредственная и яркая. От нее невозможно ждать той философской наполненности и мощной формы, как в серьезной музыке. Произведения поп- или рок-музыки быстро себя исчерпывают, устаревают, и редко кто будет возвращаться к тому, что нравилось несколько лет назад. А к любимым произведениям классической музыки мы возвращаемся постоянно. Но я не стал бы нападять на юных за то, что они пока предпочитают симфонической музыке вокально-инструментальные ансамбли. Это вполне нормально для их возраста. Ведь эта музыка выражает современную жизнь, говорит о любви, мире и дружбе тем языком, который им ближе и понятней. Придет время — ребятам станет недостаточно того, что дает им эстрадная музыка. И если окружающий культурный климат благотворен, то им откроется и Моцарт, и Рахманинов, и Чайковский... Но вот когда человеку идет уже на третий десяток, а для него не существует иной, кроме поп- или рок-музыки, — это уже явный признак его эстетического невежества. В этом возрасте уже должна влечь та глубина чувств и идей, которая доступна классической музыке. Если же этого не происходит, то, на мой взгляд, виноват в основном только он сам, потому что в нем самом должна быть тяга к знаниям, активный интерес к тому, что происходит в сегодняшней культурной жизни. «Душа должна трудиться».

В клуб «Музыка с тобой» пришло за этот год свыше тысячи писем. Их прислали люди самых разных вкусов и пристрастий: одних волновали эстрадные ансамбли и группы, других — классика или духовая музыка, фольклорное искусство. Но все письма объединяет одно — глубокая заинтересованность в развитии музыкальной культуры, воспитании верного восприятия столь разнообразного мира музыки. И мне кажется, что проблемы, затронутые читателями «Смены», достаточно важны и актуальны, чтобы ждать их разрешения от тех, от кого зависит судьба музыкальной культуры.

КАРСКИЙ ПРОРЫВ

ПОВЕСТЬ

Братья ВАЙНЕРЫ

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

На этот раз ненцу Ваське Герасимову в Архангельске повезло: за привезенные из тундры песцовые шкурки и четыре пыжика удалось ему добыть кусок ситца, большую штуку бязи, два фунта соли, маленько сахара и пятьдесят штук винтовочных патронов.

Винтовки, правда, у Васьки не было, но из боевых патронов он выковыривал пули, а порохом снаряжал свои ружейные заряды. Без пороха в тундре нельзя, пропадешь, пожалуй, совсем... А пули тоже пригодятся — их можно раскатать в дробь.

Он и занимался этим приятным для рук и сердца делом у маленького окошка заезжего двора бабки Анфимовой, у которой во время редких наездов в Архангельск всегда останавливался.

Бабка Анфимова, шустрая, хитрая, молчаливая, устраивала его немудреные коммерции, давала ночлег и пускала в большой старый сарай Васькиных собак — все за умеренную плату. Еще и подносила полбутылки огненной воды, которую сейчас ничем не сыщешь — всего-то за одного песца.

Васька снаряжал патроны, огненная вода тихо гудела в нем приятными голосами, и ненец напевал себе под нос песню близкого снега.

Потом поднял взгляд на окно и оцепенел: за мутно-переливчатым стеклом стоял Большой Тойон, Начальник, и, судя по шевелящимся губам, что-то говорил человеку, невидимому Ваське из-за обреза рамы.

У Васьки разом замерло сердце. Потому что в сердце вместо крови втек огромный страх, старый огромный страх, а спина задергалась, завизжала пронзительной болью от каждого из пятидесяти шомпольных ударов, полученных год назад.

Ах, как страшно кричал тогда у них в стойбище Начальник!

Расстрелять! Ра-асстреля-ать!
Расстрелять!!!

Солдаты убили в то утро из винтовок четырех Васькиных родичей. А всех остальных выпоролы шомполами. И Ваську.

Было невыносимо больно, только один раз в жизни Ваське было так больно — это когда его рвала рысь, но рыси он все равно не боялся и убил ее. А теперь сильнее боли был ужасный страх, потому что Васька еще никогда не видел, чтобы один человек убил другого просто так, ни за что.

Васька вообще не знал такой вины, за которую можно убить человека. Но родичей убили совсем ни за что! Ведь по закону тундры голодных и замерзших

людей всегда сначала надо накормить и обогреть. А уж потом спрашивать, кто они и откуда. Да если б в стойбище и сначала знали, что к ним пришли партизаны, которые воюют с властью Большого Тойона, их бы все равно накормили, отогрели и дали место в чумах. Закон тундры не Большой Начальник придумал. И не ему этот закон отменять.

Но когда кто-то рассказал в Архангельске, что стойбище подкармливает партизан, Начальник пришел с солдатами, убил четырех родичей, а всех остальных выпорол шомполами.

И Васька точно знал, что когда-нибудь Великий Дух, давший им закон, от которого они не отступили, очень сильно покарает Начальника за то, что он их убивал и порол. Они ведь только соблюдали закон.

Кончилась вскоре власть Большого Начальника, рассеялись белые солдаты по тундре, как волки весной, а сам Начальник — вот он, стоит за окном как ни в чем не бывало! Правда, не в своей красивой форме, а в солдатской шинели. И не кричит, как в стойбище, а шепчет вполголоса. Но вот он, как есть — живой, здоровый.

Может, Великий Дух не досмотрел за ним?

Сердце громко стукнуло, рванулось, вытолкнуло из себя вязкий страх и наполнилось снова горячей кровью, и боль из задницы перетекла в грудь. И стала ненавистью.

Васька приподнялся, прижал нос к давно не мытому стеклу: Начальник, нагнувшись, тихо объяснял что-то бабке Анфимовой.

Начальник знает бабку Анфимову?

Тогда, может быть, это она шепнула ему про партизан на стойбище? Ненцы при ней это обсуждали...

Васька вскочил, накинул на плечи малицу, схватил меховой треху и бросился к дверям. На дворе уже никого не было, лишь в проеме ворот мелькнула тень от высокой, сильной фигуры Большого Тойона.

И Васька, хоронясь вдоль стен и заборов, сторожко, неслышно пошел за ним.

Неотступно, как в лесу за зверем, след в след. Великому Духу тоже надо помогать. Он далеко, плохих людей еще много, за всеми он уследить не может.

Надо ему помочь...

Болдырев и два его помощника неторопливо ехали верхами по улице, разговоривали.

От старого лабазы раздался возглас:

— Э-ге-гей, Андрюшка-а-а! — И через улицу к Болдыреву не спеша направился ненец.

Болдырев натянул поводья, всмотрелся в молодого охотника и тоже радостно воскликнул:

— Васька! Герасимов! Откуда ты, братишка?

Остановил коня, спешился и сердечно обнял старинного приятеля, похлопывая его по плечам.

— Ты давно здесь, Василий?

Ненец широко улыбнулся:

— Пять дней, однако. Хозяюку помнишь мою?

— Ну, как же!

— Вот велела ситец купить. И еще материю на одеяла, и еще, и еще... Год хороший был — охота большая. А фактория закрылась. Белый купец убежал, следа не оставил, а красный купец заболел...

Болдырев сочувственно покивал головой:

— О-о, это плохо, никуда не годится!

Василий полез за трубкой.

— Как еще плохо!.. Старый купец Солоницын обмывал шибко, но никогда не болел, однако...

— Некогда было, — согласился Болдырев.

Ненец вздохнул, сказал вроде бы равнодушно:

— Сегодня видел его.

— Да, он здесь живет, в городе.

Васька раскурил трубочку, весело заметил:

— Нынче все люди ровные, однако, стали, правда. К купцу в дом большой офицер ходит, друзья, небось. Я видел. Будто два наших парня из стойбища. Раньше, говорят, Солоницын перед ним на пузе ползал... А теперь обнимает...

— С офицером, говоришь, друзья? — переспросил Болдырев заинтересованно. — Подожди, говори толком. С каким офицером?

— Ты его не знаешь, Андрюшка. Он уже после тебя приезжал. Ба-альшой был Тойон... Начальник... Четырех родичей моих убил.

— За что?!

— За то, что ваши жили в стойбище у нас... А теперь...

— Интересно, кто ж это такой? — вслух задумался Болдырев.

Узкие глаза Васьки полыхнули ненавистью, но ответил он спокойно:

— Фамилию забыл. Петр его зовут. Его благородия Петр... э-э... Зигимурович...

— Как ты сказал? Петр Сигизмундович, нет? Вспомни фамилию. Чаплицкий?

— Правильно, Андрюшка. Такая у него фамилия, — полукрыв глаза, невозмутимо сказал Васька. Хлопнув приятеля по плечу, Болдырев птицей взвился на коня и крикнул:

— Василий, ко мне обязательно зайди! Для хозяйки твоей подарок есть! — И, повернувшись к сотрудникам, скомандовал: — За мной, галопом!..

Всадники спешились перед калиткой дома Солоницына. Болдырев рывком отворил калитку, ведя коня в поводу.

Неизвестно откуда возник бородатый дворник. Болдырев отпихнул его и направился к дому, за ним — сотрудники.

Привязав коней к стойке крыльца, он легко взбежал по ступенькам. Подергал дверь — заперто. Громко, нетерпеливо постучал...

А в горнице были Солоницын и Чаплицкий.

Настороженно прислушались к стуку. Чаплицкий незаметно выглянул из-за занавески в окно. Увидел дворника, размахивавшего руками.

Контрразведчик выхватил пистолет, быстро поднялся по лесенке, ведущей на второй этаж, и подбежал к окошку.

Осторожно раскрыв его, увидел внизу трех лошадей...

Чекистов Чаплицкий не видел: они уже вошли в дом вместе с Болдыревым.

— Чека! — грозно сказал Болдырев. — Ну-с, гражданин купец Солоницын...

Солоницын, отворив дверь, испуганно попятился в «залу».

— Заходите, заходите, гости дорогие, — затараторил он. — Гражданин Болдырев, милости прошу...

А сам краешком глаза поглядывал на лестницу.

— Кто из посторонних имеется в доме? — спросил Болдырев, держа в руках револьвер и внимательно, очень придирчиво осматривая помещение.

Солоницын испуганно перекрестился на образа, сказал нарочито громко:

— Господи помилуй, господа помилуй! Да что вы, гражданин Болдырев, Андрей Васильевич! Никаких посторонних сроду не было и нету!..

— Сейчас дом обыщем, проверим! — предупредил Болдырев. — В случае чего — держись, купец...

— Да что вы, Андрей Васильевич! — еще громче завопил Солоницын. — Господом богом клянусь, пресвятой богородицей — нету никого... и быть не может!

Войдя в роль, он продолжал часто креститься и при этом выразительно — головою, глазами, подбородком — указывал Болдыреву на лестницу, на второй этаж.

И еще подмигивал так, что глаз утупал в мясистом мешке щеки.

— Стой на месте! — скомандовал ему Болдырев. Повернулся к чекистам: — Черемных, давай во двор, под окна, возьми в наблюдение! Перов — за мной!

И он решительно направился по лестнице на второй этаж.

Чаплицкий его дожидаться не стал. Он вылез через узкое оконце на карниз. Как раз в тот момент, когда Черемных, получив приказание Болдырева, вышел на крыльцо.

Мгновенно сориентировавшись, Чаплицкий прыгнул сверху прямо на спину одного из коней, сорвал повод с крыльца и, выстрелив через плечо в сторону двери, бросил вставшего было на дыбы коня к забору.

Черемных торопливо выхватил из кобуры наган, выстрелил, но в горячах промахнулся.

А Чаплицкий, разогнавшись, заставил коня совершить невероятный прыжок через довольно высокий забор.

И исчез.

Пока Черемных добежал до калитки и выскочил в переулок — в конце его он увидел лишь столб пыли.

Черемных помчался к коновязи, к нему присоединился Левин. Они быстро отвязали коней и бросились в погоню...

Болдырев, пнув от злости ногой по затейливой балясине крыльца, вернулся в дом.

С обыском Болдырев провозился часа два. В комнате, где жил Чаплицкий, был полный разор. На столе валялись оружие, патроны, документы.

Особое внимание Болдырева привлекли две схемы, исполненные от руки, но очень профессионально.

Одна схема указывала расположение водозапасных ботов и лихтера «Труд» на рейде Архангельского порта. Стрелками были нанесены морское течение и направление ветра.

На второй схеме был маршрут хлебного каравана. Болдырев подозвал Солоницына, испуганно съехившегося в углу.

— Это что? — Он показал на схемы.

Купец возвел руки к небу:

— Истинный Христос, не знаю, Андрей Васильевич.

Нешто моего ума это дело?

— А прятать у себя под крыльшком контрреволюционного гада — это твоего ума дело?

— Да ведь знаете ж вы его, голубчик, Андрей Васильевич, гражданин Болдырев... — чуть не плакал Солоницын. — Под пистолетом меня держал... Сколько он кровушки пролил! — ему меня прихлопнуть, что выморкаться!

Болдырев зловеще пообещал:

— Вот теперь трибунал тебе кровушки добавит...

Поставят тебя к стенке по всем правилам.

Солоницын скорее рассердился, чем испугался.

— Рассердись на блох — да и шубу в печь! — бросил он. — Нешто по уму это? Я ведь показывал тебе, где он, супостат бесовский!

Болдырев ехидно заметил:

— У тебя другого выхода не было. Ты мне лучше скажи, откуда у него эти карты?

Солоницын изобразил полнейшее недоумение:

— Да не знаю я! Что оно — мне отчитывался?

Болдырев мерно похлопывал ладонью по схемам.

— Подумай, подумай, Никодим Парменыч... Гляди,

учтут в трибунале чистосердечие твое.

— Обещаешь? — с надеждой спросил Солоницын.

Болдырев хитро улыбнулся:

— Словечко могу замолвить... Если перед народом

заслужишь, конечно...

— Заслужу, богом клянусь, заслужу! — Солоницын снова перекрестился на иконы в углу «залы». Помолчал, потом сокрушенно заметил: — Говорят люди, приметы не сбываются... Мне нынче приснилось, что церковь святого Иоанна упала. Примета?.. Вот и не верь теперича...

— Ты мне приметами своими голову не морочь. Лучше расскажи, кто из наших ему эти карты принесил.

— Да я не знаю... — нерешительно начал Солоницын. — Из наших, из чужих ли... Я ведь его толком и не видел.

Болдырев оживился:

— Ну-ну-ну... Это как тебя следует понимать — «толком не видел»?

Солоницын сказал искренне:

— Петр Сигизмундович отсылал меня... как тому прийти... Нечего, скажет бывало, тебе тут маячить.

— Ну?..

У глазных щелочек купца залучились хитрые морщинки.

— Конечное дело, я разок-другой в щелку-то заглянул: дом, что там ни говори, все ж таки мой, нет? Должен я знать, о чем они шепчутся?

— И о чем же они шептались?

— Ну, про политику больше... Про караван ваш разговоры были... — выдавил из себя Солоницын. — Что за границей делается: «сообщают, мол, то... сообщают это...»

— А что именно сообщают из-за границы? — настойчиво переспросил Болдырев.

— Да я же говорю — все про политику больше.

— А про нас конкретно? Про хлебную экспедицию, про караван морским путем?

Солоницын морщил лоб, как бы вспоминая, потом махнув рукой, решил:

— Про караван соопчили, мол, что англичане пришлют крейсер какой-то... — сказал он мрачно.

— Куда? Зачем?

— Караван ваш перехватить... В море, конечно...

Он им всем... — Солоницын рубанул рукой по шее. — Ну, ровно кость в горле застряла!

Болдырев показал купцу маршрутную схему каравана:

— Где? В каком месте? Ну!..

Солоницын горячо прижал руки к груди:

— То я не знаю, Андрей Васильевич. Ей-богу, не знаю!.. Он толковал все — «рендеву-рендеву, кардина-кардина-ты», а где они, кардина-ты да рендеву эти самые, неведомо мне, я ране и не слышал про них...

Болдырев в задумчивости долго расхаживал по комнате, потом спросил:

— Какой он из себя?

Солоницын наморщил лоб:

— Не скажу, что разглядел его толком... Длинный, конечно, прямой, будто жердина... Сам из себя худой... Куртка на нем кожаная, вроде черная...

— А лицо?

— Плохо видать было, Андрей Васильевич! Ей-богу — ведь все ж таки глядел-то через щелку, а свету еле-еле... Длинное тоже лицо... Белое... А так — ни усов, ни бороды.

В горницу ввалились потные, запыхавшиеся чекисты.

— Ушел, товарищ начальник, — виновато доложил Черемных. — Мы пока выскочили, его и след простыл.

Он, видать, место знает — как махнул задворками...

— Эх, вы-и-и... — с досадой протянул Болдырев, будто не от него самого ускользнул контрразведчик.

Повернулся к Солоницыну: — Собирайся, Никодим Парменыч, разговор долгий... У нас договорим.

Баренцево море было непривычно спокойным. Иногда длинная, очень пологая волна под косым лучом полярного солнца вдруг просвечивала голубизной, пенный барашек украшал ее своим узорным кружевом, и тогда пропадала свинцовая тяжесть Ледовитого океана, на миг могло быть представить себя посреди ласкового южного моря, с надеждой поискать на горизонте белоснежные строения теплых берегов.

Но только на миг; резкий, холодный ветер заставлял плотнее запахнуть штормовую, длинная волна, разбившись о борт, обдавала ледяными брызгами, и иллюзий не оставалось вовсе... Тем более что на горизонте вместо палым виднелись угрюмые острые очертания прибрежных черных скал...

Тяжелый корабль неторопливо утожил океан, и чайки с удивленными криками облетали это диковинно раскрашенное во все цвета радуги — кругами и длинными волнистыми полосами — плавучее сооружение, известное в морских справочниках как четырехтрубный броненосный крейсер флота его величества короля Англии «Корнуэлл».

На ходовом мостике тяжелого крейсера находились двое — капитан Смайлс и штурман Эванс.

Штурман доложил командиру:

— По правому борту — земля. Мы на траверзе острова Колгуев, сэр.

— Карту!..

Штурман протянул капитану навигационную карту, на которой был четко проложен маршрут хлебного каравана: от Обдорка до северной оконечности полуострова Ямал, в обход мелей острова Белый.

— Почему они идут вокруг Белого? — задумчиво спросил капитан Смайлс.

— Осмелюсь высказать предположение, сэр, они не хотят рисковать. Здесь очень сложный навигационный район. Два года назад наскочил на мель и затонул у Сердца-Камня ледокол «Вайгач» под командованием капитана Бориса Вилькицкого...

— О, это замечательный полярный навигатор! — заметил капитан Смайлс.

— Так точно, сэр!

— Но они делают большой крюк. А ведь у них мало угля... Что передает агент?

— В точке с координатами семьдесят градусов западной долготы и семьдесят четыре градуса северной широты караван взял курс двести сорок три вост — вост — зюйд в направлении Карских ворот. — показал штурман на карте движение каравана и место самого крейсера. — Если у них ничего не случится, то через пятьдесят пять — шестьдесят пять часов они пройдут маяк Энибой на южной оконечности Северной Земли и втянутся в горловину Карских ворот.

Капитан еще раз провел янтарной указкой по маршруту каравана.

— Где вы предлагаете рандеву?

Штурман Эванс поглядел седоватые усы, сказал:

— Я думаю, сэр, надлежит занять позицию в

середине пролива, в трех милях севернее берега острова Вайгач.

— Маневр?

— Широкие переменные галсы. Полагаю, в этом случае мы не сможем пропустить караван...

— Вы надеетесь на их дымы?

— Так точно, сэр, их, вероятно, можно будет наблюдать за несколько миль.

Смайлс смерил штурмана недоверчивым взглядом:

— А если туман? Снеговой заряд? Или сильный дождь?

Эванс улыбнулся:

— Ну что вы, сэр! Я уверен, в этом случае они сами прекратят переход, сэр. Ведь это армада разнотипных, неспланных друг с другом старых судов.

Капитан кивнул:

— Резонно.

Эванс продолжил:

— Кроме того, мы надежно рассчитываем на радиосвязь с нашим агентом: до сих пор он ведь исправно сообщал нам точные координаты...

Под мощной антенной Центральной Северной радиостанции находилось помещение аппаратной. Сюда и приехал Болдырев со своим помощником Перовым.

Пока радист в наушниках колдовал с рацией, вызывая «Седова», чекисты беседовали.

— Во всех случаях, когда из штаба утекали сведения, он был в курсе дела, — объяснял Болдырев помощнику.

— И с «ловушкой»? — спросил Перов.

— Конечно! — Болдырев зло усмехнулся. — Только он не знал, что это ловушка.

Перов вспомнил интересную деталь:

— Солоницын рассказал, что Чаплицкий предлагал гостю папиросы. А тот отказался... Значит, не курит.

— Да что тут думать, — сумрачно сказал Болдырев. — Конечно, он... Дело ясное.

Радист повернулся к нему:

— Андрей Васильевич, ледокол «Седов» вышел на связь.

Болдырев подошел к нему, начал диктовать:

— СРОЧНО ВЫЗЫВАЕТСЯ К АППАРАТУ НАЧАЛЬНИК СВЯЗИ КАРАВАНА =

Радист передал. Выслушав ответ, доложил:

— Он после ночной вахты отдыхает. Будить?

Болдырев довольно потер ладони, пробормотал:

— Так-так-так... Очень хорошо. Будить не надо...

Запроси, кто находится у аппарата.

Радист улыбнулся:

— Да я и так знаю, Андрей Васильевич. На связи — Лешка Солдатов. Его рука...

— А что он за человек? — со значением спросил Болдырев.

— Да вы не сомневайтесь, товарищ начальник! — неожиданно горячо заявил радист. — Лешка — наш парень, надежный — дальше некуда!

— Дело очень важное, — объяснил ему Болдырев. — И совершенно секретное.

— Понял.

— Ты лично ручаешься за него?

Парень даже с места вскочил:

— Во, головой! Мы с ним сто лет кореша!..

— Ну, давай тогда...

И начал передачу.

— СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТЧК НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ КАПИТАНУ НЕУСТРОЕВУ ЗПТ ОСОБООПНОМОЧЕННОМУ ВЦИК ШЕСТАКОВУ ТЧК ОТ ПРЕДСЕДЕЛЯ ГУБЧЕКА БОЛДЫРЕВА ТЧК ПЕРЕДАЧА В РАДИОЖУРНАЛ НЕ ВНОСИТЬ ЗПТ БЛАНК РАДИОГРАММЫ ПЕРЕДАТЬ ШЕСТАКОВУ В СОВЕТСКИЕ РУКИ ТЧК ТЕКСТ...

Шестаков стоял в радиорубке.

Низко, басовито гудел умформер, перемигивались разноцветные лампочки аппаратуры.

Радист смотрел на начальника экспедиции в ожидании. А тот держал в руках бланк радиограммы, снова и снова перечитывал текст, хмурился, пожимал плечами, словно никак не мог поверить известию.

Наконец спросил:

— Алексей, а где наш радиожурнал?

— Вот, Николай Павлович. — Радист протянул ему толстую книгу в ледериновом переплете.

Шестаков медленно, сосредоточенно перелистал ее, показал записи радисту:

— Вот эти сообщения, однотипные, это что такое?

— Наши переменные координаты, — с готовностью ответил Алексей.

— Они все с позывными «343—342»... Это чьи?

Радист ответил не задумываясь:

— Второй гидрологический пост Архангельска.

Шестаков с удивлением посмотрел на него:

— Второй пост? Погоди, погоди... Мы же замыкаем-ся на Центральную Северную?

— Так точно.— Радист показал в журнале:— Вот регулярные сеансы, позывные «225—224»...

— Ну?..

Алексей сказал с недоумением:

— А второму посту он приказал передавать наши координаты для контроля два раза в сутки.

Шестаков задумчиво потер лоб, потом распорядился:

— Ну-ка, запроси Центральную, какие позывные у второго поста?

Радист поколдовал с ключом, натянув наушники, довольно быстро связался с Центральной и вскоре доложил:— Позывные второго— «280—279». А не «343—342» вовсе...

Шестаков горько улыбнулся, тяжело вздохнул:

— Все ясно. Не было, Алексей, связи ни с каким вторым постом, не существовало. А было кое-что совсем другое, и похуже...

Радист не ответил, но лицо его было безмерно удивленным и расстроенным, когда Шестаков, взяв бланк радиogramмы и вяло хлопнув его по спине, вышел из радиорубки...

Каюта была заперта. Шестаков постучался— ответа нет. Громче. Наконец щелкнул замок, и дверь отворил Щекутьев.

Лицо его было измято сном, и он сильно потер его ладонями.

Шестаков прошел в каюту, присел у столика.

Щекутьев спросил тревожно:

— Случилось что?

— Да... Случилось...— медленно, тяжело ответил Шестаков и надолго умолк.

В каюте воцарилась гнетущая тишина, моряки неотрывно смотрели друг на друга.

Первым не выдержал Щекутьев.

— Почему ты молчишь, Николай? С чем пришел? Произошло что-нибудь?

— Произошло...— так же медленно, с трудом начал Шестаков.— Нас предали.

— Кто?!

— Ты.

Щекутьев оцепеневшими губами проговорил:

— Шутись...

Шестаков смерил его глазами:

— Не надо, Сергей...— Он судорожно сглотнул ком в горле.— Что ты наделал?! Как ты мог?!

— Что, что я мог?— крикнул Щекутьев.

— Как ты мог обречь тысячи людей...

Щекутьев вскопился:

— Ты с ума сошел, Николай!

— Перестань,— с отвращением сказал Шестаков. Подошел к Щекутьеву:— Сдай оружие!

— В чем дело, наконец! Ты можешь мне объяснить?— с возмущением закричал Щекутьев.

— Сдай мне оружие,— твердо повторил Шестаков.— Я все объясню.

Щекутьев пожал плечами, с презрительной миной протянул Шестакову лежавшую на тумбочке рядом с койкой кобур с пистолетом:

— Н-не понимаю ничего...

— Ты все прекрасно понимаешь, Сережа,— грустно сказал Шестаков.— Ты предавал нас в Архангельске банде Чаплицкого...

— Какая ерунда!

— Ты сообщал ему пароль. Ты изготовил подложные документы для диверсанта, который взорвал транспорт с углем.

Щекутьев лишь пренебрежительно скривил губы. Шестаков продолжал:

— Ты навел их на водолазные боты, чтобы устроить пожар...

— Но я же сам предложил поднять уголь со дна.

— Всего лишь хитрость... Мы ее разгадали. Но ты не успокоился и начал наводить на нас английский крейсер, чтобы отнять у голодных ребятшек последний кусок хлеба.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?— высокомерно бросил Щекутьев.

Шестаков печально кивнул:

— Не становись в позу, Сергей... Когда-то ты сам любил, поднимая бокал, провозглашать тост, китайский, кажется: «Не дай нам бог увидеть своих друзей с новыми лицами!» А сам показывал нам свое новое лицо. Извини, но я человек прямой: омерзительное лицо предателя и оборотня.

— Вы обалдели все от шпионмании... Вам чудится...— начал медленно Щекутьев, видимо, еще не теряя надежды оправдаться.

Шестаков перебил его:

— Ничего нам не чудится. Ты всех нас обрек на смерть! Ты был так уверен, в себе уверен настолько, что передавал наши координаты на крейсер открытым текстом.

Отойдя к иллюминатору, Щекутьев начал надевать китель.

Шестаков, помолчав немного, добавил:

— Ты знал, что, когда крейсер нападет на нас, я в

первую очередь прикажу сжечь документы и радиожурнал с позывными «343—342»...

Шестаков поднялся к Неустроеву в ходовую рубку «Седова».

Неустроев держал в руках радиogramму Болдырева, в который раз перечитывал ее:

— ...ПЕРЕДАЧУ В РАДИОЖУРНАЛ НЕ ВНОСИТЬ ТЧК БЛАНК РАДИОГРАММЫ ПЕРЕДАТЬ ШЕСТАКОВУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ ТЧК ТЕКСТ: ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СООБЩЕНИЕ ТЧК ВЫЯВЛЕН ИНФОРМАТОР = ВАШ НАЧСВЯЗИ ВОЕНМОР ЩЕКУТЬЕВ ТЧК ЕГО ЗАДАЧА ТИРЕ ПЕРЕХВАТ КАРАВАНА ПО 902 РАДИОКООРДИНАТАМ АНГЛИЙСКИМ КРЕЙСЕРОМ С ЦЕЛЮ УНИЧТОЖЕНИЯ ТЧК НАИМЕНОВАНИЕ КРЕЙСЕРА НЕИЗВЕСТНО ТЧК АРЕСТУЙТЕ ПРЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИИ ЗПТ ОБЕСПЕЧЬТЕ РАДИОИГРУ С КРЕЙСЕРОМ... БОЛДЫРЕВ =

— Там много чего выяснилось,— рассказывал Шестаков Неустроеву.— Но главное— схема, которую нашли у Чаплицкого...

Неустроев уточнил:

— Вы имеете в виду схему расположения затонувших кораблей на рейде Архангельска?

— Ну да. В Чека ее сверили с той, что представлял тогда Щекутьев.

— И что?

— Один к одному. Точная копия.

Неустроев отошел к рулевому, негромко подкорректировал курс. Вернулся к Шестакову.

— М-да-а... Он ведь сам предложил поднять уголь со дна... И работал как!

Добрые серые глаза старого гидролога выражали полное недоумение.

Шестаков грустно улыбнулся:

— Я уже говорил: хитрость. Сам работал и сам же водолазный шланг перерубил, водопомпу испортил... Это уж потом разобрались.

Неустроев махнул рукой и сказал озабоченно:

— Ну, бог с ним... Сейчас, мне кажется, самое время решать, как нам быть с этим крейсером.

— Да-а, раздумывать особенно некогда,— согласился Шестаков.— Если не укроемся, мы ему на один зуб. За час от каравана только щепки останутся!

Неустроев, человек невоенный, был абсолютно растерян, поскольку как моряк понимал всю безысходность возникшей ситуации.

Подумав, он предложил:

— Может быть, нам дальше идти при полном радиомолчании? Может быть, проскочим? И тогда рандеву с английским крейсером не состоится?

Шестаков отрицательно покачал головой:

— Пират наверняка ждет нас у Карских ворот. Я тут уже прикидывал: допустим, мы ворочаем два румба и идем через Югорский шар. Он подождет нас день-другой и устремится в погоню. Скорость у него втрое-вчетверо больше нашей...

Шестаков подошел к карте, показал Неустроеву:

— Если он разминется с нами в море, то уж наверняка к Канину носу попадет скорее нас. И встанет там на вахту. А мы его никак миновать не можем...

Неустроев потер руками лицо:

— Значит, мы в западне... Возвращаться назад бессмысленно. Мы все погибли...

Шестаков, продолжая внимательно разглядывать карту, возразил Неустроеву:

— Не все... У нас есть шанс.

— Какой?

Шестаков медленно, негромко сказал:

— Мы должны, во всяком случае, проверить этот шанс... Надо затеять с пиратом контригру.

— Каким образом?

— На «Труворе» есть радиостанция. «Трувор» должен вести на себя пиратский рейдер. И тогда рандеву состоится, но... только с ним одним!

— Это же верная гибель для «Трувора!»— с испугом воскликнул Неустроев.

— Да,— буднично устало согласился Шестаков.— А остальным— жизнь. Хлеб...

Словно в каком-то полусне Неустроев пробормотал:

— У капитана «Трувора» Сабанеева четверо детей...

Шестаков удивился:

— Да-а? Я не знал...— смущенно сказал он.— Но... капитан Сабанеев не понадобится.

— А кто же поведет «Трувор»?

Шестаков поднял на него глаза и сказал спокойно:

— Я.

Неустроев почему-то сразу понял, что спорить с ним бессмысленно.

Они встали, обнялись, и, не отпуская Шестакова, капитан прошептал:

— Прощайте, голубчик, Николай Павлович.

— Прощайте, Константин Петрович. Спасибо вам за все. И не говорите, пожалуйста, ничего Лене. Пока что... Скажите, что я с «Трувором» пошел на гидрологические промеры... Догоню в Архангельске... Пусть лучше потом узнает.

Маленький морской буксир «Трувор» плясал на мелкой воде у борта «Седова».

На палубе ледокола, недалеко от трапа были развалены вещи экипажа с буксира: деревянные сундучки, парусиновые матросские чемоданы, мешки. Около них сгрудились их хозяева— взволнованные и напуганные, обескураженные мгновенностью и непонятностью происходящего.

Неустроев торопливо шел по полуоту. Его окликнула Лена:

— Папа!

— Леночка, извини, не до тебя сейчас!— отозвался Неустроев.

Лена догнала его:

— Папа, я на одну минуточку! Папочка, я просто хотела тебе сказать, что я тебя очень люблю!— Она быстро поцеловала отца.

Он погладил ее по голове и пошел дальше. Лена крикнула ему вслед:

— Я так хочу, чтобы ты был счастлив, папочка, милый, родненький!

И побежала в каюту. Неустроев недоуменно пожал плечами, потом махнул рукой и сам рысью устремился к мостику.

Навстречу ему уже шел Шестаков.

Он сказал деловито:

— Все, Константин Петрович, в путь. Долгие проводы— лишние слезы... Да и времени у нас нет.

У трапа они еще раз быстро обнялись. Отвернувшись в сторону, чтобы Шестаков не видел его лица, старый капитан сказал дрожащим голосом:

— Вы могли бы, Николай Павлович, быть моим сыном... Прощайте! Счастья вам...

Шестаков крепко сжал его руки:

— До свидания, дорогой Константин Петрович... И сбежал по трапу на «Трувор».

С палубы буксира он крикнул Неустроеву:

— Константин Петрович! Леночку поцелуйте за меня!

И ветер сорвал его крик.

«Трувор» медленно прошел мимо судов каравана. Вдоль бортов на каждом корабле выстроились моряки.

Все они стояли с непокрытыми головами. Они уже знали, что провожают товарищей на смерть.

Шестаков махал с кормы уходящим судам своей фуражкой и, к своему удивлению, не видел среди провожавших Лену. «Отдыхает, наверное... Ну и хорошо»,— подумал он.

И вот в подступивших сумерках исчез последний вымпел каравана— пароход «Кереть».

Шестаков вошел в радиорубку, положил радисту руку на плечо, невесело усмехнулся:

— Ну, что, Алеша, потрудимся на английский радиоперехват, проверим, как они нас караулят?

Парень широко улыбнулся в ответ:

— Сейчас мы им наступим, Николай Павлович! Будьте спокойны, ихний радист уже мою руку знает.

Шестаков достал из кармана кителя листок, перечитал заготовленный текст, начал диктовать:

— АРХАНГЕЛЬСК ТЧК НА ЛЕДОКОЛЕ «МАЛЫГИН» СИЛЬНАЯ ТЕЧЬ КОТЛОВ ТЧК РЕШЕНО РЕМОНТИРОВАТЬ В ОТКРЫТОМ МОРЕ ТЧК КАРАВАН ПОЛОЖЕН В ДРЕЙФ ТЧК ШЕСТАКОВ =

— Готово!— отбил радиogramму Солдатов.

— Небось, у английского радиста ты квитанцию не получаешь?— подмигнул ему Шестаков.

Алексей сердито сказал:

— Они, черти гладкие, и без квитанций очень хорошо из эфира срывают!

Шестаков кивнул и пошел к трапу. Медленно, усталой походкой он спустился в крошечную кают-компанию.

На плюшевом диванчике неподвижно сидела Лена. И молча смотрела на Шестакова.

«Трувор» шел близ берега— по правому борту громоздились седые страшные скалы Северной Земли. Шестаков стоял за штурвалом. На носу нес вахту впередсмотрящего Соколов.

— Николай Павлович, прямо по курсу— большой дым!

Шестаков схватил бинокль, прижал глаза к окулярам, подводя постепенно резкость.

И в поле зрения сразу приблизился, стремительно вырос силуэт крейсера. Вот он сфокусировался, стал отчетливо виден— огромный, хищный, чудовищно разрисованный— кругами и полосами— во все цвета радуги.

И без государственного флага. Пират.

— Николай Павлович!— снова крикнул Иван Соколов.— Это, небось, англичанин?..

— Вахтенный Соколов!— командирским голосом скомаандовал Шестаков.— Государственный флаг Российской республики— на гафель! Подними сигнал: «Вы находитесь в территориальных водах РСФСР. Дайте свои опознавательные!»

По гафелю поползло на самый кончик снасти красное полотнище. В руках у Соколова замелькали разноцветные флажки, передавая сигнал.

Шестаков внимательно разглядывал в бинокль крейсер — пират приближался с каждой минутой и на сигнал «Трувора» пока никак не реагировал.

Шестаков велел Соколову:

— Передай еще дополнительный сигнал по международному своду: «Викта-фокстрот» и «Чарли-Сизра»...

И крикнул в сторону радиорубки:

— Радист! Сообщение о встрече — в эфир! Открытым текстом на волне каравана!

Рейдер стал виден невооруженным глазом.

— Коля, это и есть крейсер? — тихо спросила подошедшая Лена.

Шестаков для верности перелистал международный справочник с силуэтами военных кораблей.

— Да, Леночка, — со вздохом сказал он. — Судя по всему, это и есть тяжелый броненосный крейсер «Корнуэлл». Вот, значит, кого они к нам послали...

Соколов, держа в руках свод международных морских сигналов, сообщил:

— Николай Павлович, они подняли до половины «зэт-зл» — «Зулу — Лима».

— «Ваш сигнал принят, но не понят», — перевел Шестаков Лене. — Вот разбойники!

Лена не успела ответить — борт крейсера осветился короткой вспышкой, и только потом издала, раскатом донесся грохот артиллерийского залпа.

И сразу же по правому борту «Трувора» поднялись в небо два огромных столба воды.

В дверях рубки появился Солдатов. И сразу же все понял.

— Николай Павлович! — крикнул он. — Прощайте! Я уж до конца в радиорубке!

— Алеша! Шарь все время передачу о нападении. Это «Корнуэлл». Давай!

Шестаков резко повернул штурвал направо, отворачивая буксир в сторону берега. Соколов, бросив сигнальный свод, побежал на кормовую надстройку, встал к пулемету Гочкиса на турели и, передернув затвор, изготовился к стрельбе.

Ударил новый залп с борта крейсера, и два высоких всплеска встали перед носом «Трувора».

Шестаков крикнул в переговорную трубу в кокегарку, где работали два неразлучных друга — Федор Гарковец и Василий Зирковенко:

— Вахта кончена! Поднимайтесь!..

Соколов прыгнул к прицелу и хлестнул в сторону крейсера длинной очередью.

Новый залп, всплеск по левому борту и — страшный треск: трехдюймовый снаряд попал в борт «Трувора».

Из дыры в палубе вырвались языки пламени и дым.

Лена подошла к Шестакову, обняла его за плечи. Потом поцеловала его в лоб.

— Не бойся, Леночка, — бормотал Шестаков. — Не бойся... Мы успеем выбраться... Это не страшно...

Опять ударил залп. Попадали реи мачты, загорелась шлюпка. Рухнувший обломок мачты ударил Соколова по голове, и он упал на палубу.

А пират не унимался — борт крейсера осветился очередной вспышкой, и снаряды легли рядом с кормой, подняв огромную волну. Накатившись на палубу, она вмиг смыла тело Соколова в море.

Лена быстро поцеловала Шестакова и выбежала из рубки, крикнув:

— Коленка, я не боюсь!

Она бежала к пулемету. Но тоже не успела: рядом с ней в надстройку попал снаряд...

Шестаков видел, как Лена медленно оседает на палубу. Она держалась руками за грудь, и между узкими ее ладонями расплзалось большое красное пятно. Упала. Широко открытые глаза неподвижно отразили равнодушное серое небо.

И наступила тишина, которую только подчеркивало жадное шипение горящего дерева. И тихий плеск воды у борта.

Из-под обломков разбитой рубки выполз окровавленный Шестаков. Он взглянул на застопоривший машины крейсер — от него к «Трувору» ходко шел моторный баркас.

По крутому трапу он пополз на палубу. Сорвался, упал, потерял сознание...

Пришел в себя и снова пополз на корму.

Дополз до тела Лены, приподнялся на локте, всмотрелся в ее лицо, и по его закопченным, окровавленным щекам, по сгоревшим усам, через искромсанный рваным шрамом подбородок потекли слезы...

Потом он обессиленно упал на доски и долго смотрел в огромное, бездонное небо, блекло-серое, бесконечное, безразличное.

Наконец, словно вспомнив что-то, он приподнялся снова и увидел, что баркас с англичанами уже подошел к самому борту «Трувора».

Собрав все силы, Шестаков пополз до турели. Поднялся, встал на ноги.

И в упор открыл огонь из пулемета по баркасу.

Попадали убитые, закричали раненые, уцелевшие в ужасе стали прыгать в воду.

На крейсере это увидели, и тогда раздался мощный залп — прямое попадание!

Оглушительный взрыв.

И обломки «Трувора» стремительно исчезли в сизой вспененной воде океана...

На рейд Архангельска суда каравана вернулись в середине августа.

Головной ледокол «Седов» швартовался у центральной причальной стенки, остальные корабли бросили свои якоря по обе стороны от него.

Мужественных моряков встречал весь город. Гром и сильное дыхание духовых оркестров разносились по всему Архангельску. Ветер развеивал сотни флагов и кумачовых лент.

А Чаплицкий в это время сидел в задней комнате трактира Муратовых и пил. Перед ним стояла зеленая четвертная бутылка, он наливал мутный первач в стакан, с отвращением проглатывал зелье, мучительно морщился, занюхивал коркой, что-то бормотал себе под нос и снова наливал.

Пил он уже не первый день.

Распахнулась дверь, и вбежал Тихон Муратов:

— Петр Сигизмундович, караван пришел!

— Д-да?.. И что?..

— Опомнитесь! Они хлеб привезли!

— А-а, пуская! — махнул рукой Чаплицкий.

Муратов сказал спокойно-деловито:

— Конец нам всем настал!

Чаплицкий безразлично ответил:

— Значит, так и надо... Иди, Тиша, что-то притомился я сверх меры...

Потемнев лицом, Муратов вышел, а Чаплицкий приблизился к окну, стал хмуро рассматривать улицу. Он глядел на бегущих в порт людей, прислушивался к звукам музыки, доносившимся из города.

Тяжело вздохнув, он достал из шкафа вещевой мешок и вывалил из него на пол все содержимое.

Звякнули ордена. Опустившись на колени, он стал собирать их, бормотал:

— А где же мой «Лежью д'оннэр», куда он запропастился? Ага, вот он, мой «Почетный легион»! А вот — «За храбрость», вот «Георгий»...

Чаплицкий подошел к зеркалу и нацепил ордена на свой английский френч.

Волоча за собой по полу шинель за воротник, с папашой под мышкой он вышел в общий зал трактира. Обмерев, смотрел на него во все глаза Федор Муратов.

А от стойки к Чаплицкому бочком подобрался Тихон, спросил негромко, сквозь зубы, еле сдерживая злые слезы:

— Че ж вы делаете, Петр Сигизмундыч? Совсем взбесились? Вы нас всех погубите!..

И посетители онемели от такого зрелища — увешанный орденами белогвардеец в центре красного Архангельска!

Впечатление это было так сильно, что никто и не пытался задержать Чаплицкого.

Широким жестом он оттолкнул Тихона:

— С доро-оги! За мной прислали крейсер его величества английского короля! Прочь! С доро-оги!..

Никем не задержанный, он вышел на улицу, только шинель зацепилась за дверь, и он ее сразу бросил, забыл о ней.

И пошел посередине улицы — строевым шагом, на негнущихся ногах, папаша на согнутом локте левой руки — как на церемониальном марше. С разорванным распахнутым воротом, без ремня, при всех орденах.

Густо сыпал снег, дул сильный, порывистый ветер. Эту фигуру, нелепую и страшную, заметили всевозможные мальчишки.

С улюлюканьем, криками и свистом помчались они следом за Чаплицким. За ними увязались беспризорные собаки.

Глядя вперед неподвижными, незрячими глазами, Чаплицкий, сопровождаемый свистом и собачьим лаем, шел в порт, навстречу своему концу...

А в порту раздавался победный рев паровых гудков, грохот кранов, музыка, счастливые крики людей, спасенных от голодной смерти.

Началась разгрузка каравана.

Болдырев примчался на Центральную Северную радиостанцию. Не присаживаясь, он продиктовал радиogramму:

— В два адреса: Москва, ВЦИК, Калинин. Копия — Лондон, наркому внешней торговли Красину. Текст:

— СЕГОДНЯ В АРХАНГЕЛЬСК ВОЗВРАТИЛСЯ КАРАВАН СУДОВ С СИБИРСКИМ ХЛЕБОМ ТЧК ТРУДЯЩИЕСЯ СЕВЕРА СПАСЕНЫ ОТ ГОЛОДА =

Суровы, сумрачны берега пролива Карские ворота. На отвесной гранитной скале стоит маленькая каменная пирамида, на которой высечены слова:

«ЗДЕСЬ ПОГИБЛИ БОРЦЫ ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДА НИКОЛАЙ ШЕСТАКОВ, ЕЛЕНА НЕУСТРОЕВА, ИВАН СОКОЛКОВ, АЛЕКСЕЙ СОЛДАТОВ, ВАСИЛИЙ ЗИРКОВЕНКО, ФЕДОР ГАРКОВЕЦ».

Океан и людская память — вечны.

Беда кричит, а счастье молчит...

Не помню, существует ли такая поговорка, но мысль, заключенная в этих словах, верна. О своем счастье пишут в редакции редко. Что-то удерживает хороших людей от того, чтобы писать о своей умно и по-доброму устроенной жизни.

У беды — сюжет. В ней взрыв, неизбывные обиды, ранящие выпады, резкие, хлесткие поступки. Драма, даже театральная, начинается с неустройства. Никому в голову не придет созывать сотни людей в зрительный зал, чтобы три часа демонстрировать чье-то ровное, неубывающее, незакатное счастье.

Как читателю переложить в слова самую атмосферу доброжелательства и духовной родственности, без которой и родственность крови непрочна?

Все же писма о счастье и добре приходят. Их меньше, чем вскриков беды и неустройства, но было бы жестокой ошибкой счесть соотношение тех и других писем в редакции статистическим выражением благополучия и неблагополучия самой жизни. Важно помнить, что именно боль, горечь, отчаяние, оскорбленное достоинство — это те чувства и состояния души, которые преимущественно толкают людей к перу и бумаге, понуждают писать, искать помощи и совета, печалиться и хотя бы облегчить душу. И среди писем счастливых наиболее впечатляют те, в которых выражен не идиллический, а скорее драматический опыт, счастье достигнутое, а то и выстраданное в трудной житейской борьбе, а потому особенно ценное.

Любое из напечатанных в рубрике «Далекие близкие» писем имеет свой смысл. Их мысли и боль действительны, невдуманны. Но даже растянув на годы публикации, долгий заочный спор читателей, мы не получим полной общей картины, не сможем с опорой на статистику опровергнуть или утешить растерянность тех, кому кажется, что родственные связи ныне рвутся безнадежно и тотально, что наши семьи — жертвы неумолимого, но безжалостного холода НТР, что мы черствуем тем больше, чем лучше живем.

Сохраним историческую память и чувство юмора.

Вспомним: не бывало такой поры, которая не оглядывалась бы на век минувший с ностальгическим чувством, со вздохами о невозвратимых потерях, о некоей общинной чистоте былого патриархального уклада, об утраченном ладе. Суровая реальность прошлого, его нужды и кровь уходят в некое забытие или на страницы скучных учебников. Благодарная память стремится сохранить все доброе и нравственное из опыта предков. Если не терять здравого рассудка и социальной остроты взгляда, то мы отыщем в прошлом те основания жизненного, трудового и нравственного уклада народа, которые остаются и нашим достоянием.

Но слепые ревнители патриархальной старины договариваются до того, что воплощением нравственного здоровья оказывается... Кабаниха из «Грозы» А. Островского, это живое воплощение домашнего деспотизма, а смерть Катерины истолковывается как справедливая кара за нарушение родственных и супружеских уз.

Невероятно? Конечно, невероятно, но оказывается, возможно — и не случайной обмолвкой, а в книжных многостраничных рассуждениях. Стремление к духовной свободе, к высокой, а не рабской любви выдается за грех, безнравственность, а могильная плита сословного деспотизма, с выбитыми на ней скрижалями «Домостроя», выдается за благо и фундамент народной нравственности.

Да, бумажные цветы красноречия, ностальгия могут обмануть чье-то неведение, поверки истории они не выдержат. Сам народ жестоко-трезво оценивал, как тяжело приходится родственности, кровности в мире чистогана, где слово мое стоит впереди всех других слов.

Среди многих пословиц, которые Даль публикует в своем 4-м томе на слова «родня», «сродники», «кровные», приводится только одна, выражающая высоту и прекрасное значение родственности: «Русский человек без родни не живет». А рядом — россыпь пословиц остерегающих, горьких, обнажающих незащищенность родства в мире корысти: «Родня родней, а в горюх не лезь!», «Брат ли, сват ли, а денежки не родня», «Родство дело святое, а деньги дело иное», «Кабы денежки родня, так все бы мы в родне» и т. д. и т. п. Веками складывал народ крупицы наблюдений, отчетливо видя главного врага родственности в чистогане.

Читатель «Смены» А. Квасова приводит и другие пословицы, включающие родственность, но почему-то относит их только к прошлому, полагая, что и вся история — грустная летопись убывания, угасания родственности. Доброе, достойное еще жило в ее детстве, живет в памяти. «А если заглянуть дальше, что называется в глубь веков?» — говорит она, видя там, в глубинах времени, истинный рай родственности, старинные «дворы» с семьями в 15—20 человек, стремящиеся и к «сплочению», и к «расширению», и к постоянной благотворительности.

ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ

БЛИЗКИЕ ДАЛЕКИЕ

ПОДВОДИМ ИТОГИ ДИСКУССИИ

Уважаемые читатели!

Весь год на страницах нашего журнала велась дискуссия «Далекие близкие». Материалы ее привлекали внимание многих читателей. Немалая часть писем-откликов опубликована в «Смене». Авторы их делились своим суждением, высказывали разные, порой очень спорные точки зрения на проблему родственных и духовных связей в современном обществе.

«Почему в наше время так испрочны стали родственные узы, почему так безжалостно рвутся их нити?» — такой вопрос поставила А. С. Квасова, письмо которой положило начало дискуссии. Участники обсуждения по-разному ответили на этот вопрос. Одни видят причину отчуждения близких людей в последствиях научно-технической революции, другие считают, что истоки явления нужно искать прежде всего в недостатках семейного воспитания, третья полагает, что в наше время кровные связи вообще не имеют прежнего значения, главное — это «родство душ». Во многих письмах проблема «далеких близких» выносится за рамки взаимоотношений только родственников, задача ставится шире: как укрепить почву «личность — коллектив — общество»?

Каждая дискуссия имеет временные рамки. Пришло время подвести итоги и нашего разговора. Редакция попросила это сделать писателя Александра Борщяговского.

Гнет религиозных догм, бесправие женщины и, как следствие, ее покорность, имущественная зависимость детей в собственническом мире нередко создавали видимость домашнего мира и благолепия, за которой на деле клокотали черные страсти, лились бессильные слезы, неистовствовали ненависть и вражда. С какой неопровержимой правдой показали нам эти подспудные, разрушающие родственность процессы выдающиеся художники прошлого от Бальзака (если брать только новое время) до Горького и Чехова и прогрессивные современные писатели буржуазного Запада, по-своему продолжаящие бальзаковскую человеческую комедию.

Прислушаемся к трезвому голосу участника нашей дискуссии, который о прошлом знает не понаслышке и бывлой деревенский уклад испытал собственным горбом. «Я могу привести сотни примеров того, как раньше соседи вели настоящую войну из-за межи между их огородами», — пишет А. Колесников из Острогжска, — из-за скотины, залезшей в чужой огород или двор... Каждый селянин жил своими интересами. Зажиточные крестьяне старались прижать бедноту, отхватить лучшие наделы земли. О какой близости могла идти речь? Да, тогда были большие семьи. Но были ли члены этой большой семьи близкими, родными? Разве мало было раздоров в таких семьях? Глава семьи заболел, дни его сочтены, но он еще жив. А братья и сестры, их мужья и жены уже перессорились из-за дележа наследства. Тут уж не до родственных чувств, постараться бы отхватить пожирнее куш — вот о чем думал каждый».

Картина точная, совсем не обязательная для каждой большой семьи прошлого, но, что очень важно, типичная для собственнического мира.

Хорошо, что многие участники дискуссии «Далекие близкие» видят бесплодность ограничения самой проблемы рамками «кровной родственности», как некоего замкнутого в самом себе категорического императива. «У А. Квасовой на первом плане родственность «по крови», — пишет Вл. Богданов из Липецка, — то есть некая запрограммированная обязательность в отношениях: если родственники, значит, должны и относиться друг к другу «со вниманием». К сожалению (а может, и к счастью), в жизни не всегда так бывает». «Ведь самое страшное в человеке — это глухота души», — замечает тот же А. Колесников, тем самым ставя далеким близким более точный диагноз, чем измена узкородственным обязанностям, так сказать, зову крови. «Если ты, отец, — продолжает он, — ничего не сделал для воспитания сына, кроме того, что накормил его, — не близкий ты ему человек».

Но слышатся и голоса растерянные, отчасти даже потрясенные — не придуманной пагубой, а личными драмами или горестными наблюдениями. Есть люди, которым кажутся ясными и причины аномалии: конечно же, НТР, цивилизация («пагубно отразилась цивилизация»), отчуждение, лежащее якобы в природе самого времени, отказ от старых, добрых обычаев. «Это раньше — дом строили — на помощь ходили. А теперь все государственное, вот люди и отвыкают друг от друга», — сетует героиня письма М. Петрова.

Странная логика! Человек вроде бы избавлен от отчужденности, изолированности собственнического мирка («мой дом — моя крепость»), его общественные связи удесяттерились, но люди, оказываются

ся, не сплываются, а «отвыкают друг от друга»! Возможно ли такое?

Не будем ничего упрощать. Возможна и такая постановка общественной и производственной жизни, такая степень ее казенной «заорганизованности», когда отдельный человек и в коллективе, точно в толпе, кричаще остро ощутит одиночество. В огромной стране, среди сотен миллионов людей невозможно и перечислить все состояния души и непохожесть судеб.

Но у времени есть его главное направление, внутренняя логика. Порой глазу не сразу откроется связь этого направления с жизнью отдельной семьи, с температурой родственности. Порой даже покажется, что бурно развивающаяся жизнь с ее романтической освоения новых земель мешает семье, понижает температуру родственной любви.

Так ли это, если взглянуть на дело серьезно, не слишком полагаться на поток эмоций и туманную ностальгию?

В годы, когда строился Братск, по Сибири и по стране много ездил молодой в ту пору английский писатель А. Силлитоу. Его поразило обстоятельство, которого мы, естественно, не замечаем: где бы Силлитоу ни спрашивал рабочих, чем они заняты, они неизменно отвечали: «Мы строим электростанцию. Мы строим Дворец культуры. Мы строим жилой квартал». Силлитоу поразила контрасту (и написал об этом в своей книге): у себя на родине, в Англии, на тот же вопрос он с той же неизменноостью получал от рабочих другой ответ: «ОНИ строят электростанцию, ОНИ строят доходный дом...»

ОНИ — хозяева. ОНИ — вроде бы из того старого мира, где по странной логике должна царить *помочь*.

Мы — из другого мира, где «все государственное», и уже в силу этого люди якобы отвыкают друг от друга.

Что-то не получается, концы с концами не сходятся!

В бывлой деревенской *помочи* было много привлекающего, нравственного, хотя и подсказанного нуждой и расчетом. Но как можно, помня добрым словом старый обычай, не увидеть его нового, высокого воплощения в той *помочи*, которая развивается год за годом на просторах страны: на стройках, в студенческих строительных отрядах, в интернациональных молодежных трудовых лагерях, в том, как приходят друг другу на помощь целые области, края и республики, как украшает нашу нравственность и, если угодно, нежность, сотрудничество с трудящимися братских стран, сотрудничество непосредственно на рабочих площадках! Отбросим все судорожное, все, что вызвано плохой организацией или бесхозяйственностью, — все равно останется целый континент важного нравственного опыта, целый мир духовного родства, родственности, хотя и не по крови. Ведь молодые студенты не перебиваются таким образом от весны до осени, они живут, кстати, живут самые увлеченные годы своей жизни, как правило, закаляясь от скверны мещанства и торгашества.

Неужто все это не стоит деревенской *помочи*? Никогда не забуду встречи с таганрогскими студентами в котловане Саяно-Шушенской электростанции. Они три лета трудились на Енисее, далекая стройка сделалась уже их личным делом. Но вот — четвертая весна, и горком комсомола решает

вдруг, что нечего им улетать в Сибирь, есть важные дела в Таганроге. Не берусь судить, прав ли был с деловой точки зрения горком, но студенты взбунтовались, употребили все усилия и добились своего: ЦК ВЛКСМ решил спор в их пользу.

Я видел их в день приезда на Енисей, счастливых, влюбленных в эту строящуюся громаду, на мой глаз, тогда еще несуразную, видел молодых людей, приехавших отнюдь не за длинным рублем. Вот истинная *помочь* наших дней, когда в человеке открываются новые потребности, новые духовные просторы, воспитывается нравственность человека труда, буквально осознующего, что строим МБ, а не ОНИ. Вот когда крепнет и привязанность к оставленному далеко, у Азовского моря, дому, к добрым родителям, которые нашли в себе достаточно мудрости и любви, чтобы спокойно сказать: «Поезжай, сын!» — и собрать его в дорогу.

Юношей я уехал в Запорожье, на Днепрострой, покинув провинциальный, родной, теплый по атмосфере и достаточный дом. Жил в большом зале общежития ФЗУ, где стояло еще 29 коек, и годы этой лишенной эгоизма жизни навсегда внушили мне неуважение к торгашеству и приобретательской жадности, ко всему внешнему, показному. Я бы не написал о себе, если бы это не было дорогой, которой прошли миллионы моих сверстников. Что-то я не упомяну, чтобы мы хоть раз за всю нашу молодость употребили слово «наследство» или просто подумали о нем.

Отчего же сегодня в большинстве писем, рассказывающих о баталиях между сродниками, о кровных обидах, речь идет о грязи и судебных тяжбах вокруг наследства? Ссорятся из-за домов, участков, автомобилей, теряют братьев из-за двух-трех собраний сочинений классиков, из-за томов, пронизанных, к слову сказать, презрением ко всяческой алчности, бездуховности и несправедливости.

Что это — знамение времени? Наказание за домашности, за цивилизацию?

Я живу в стовосьмидесятиквартирном доме самого большого города страны. Два дома, образующих наш двор, это по живым душам — большое село, а вместе с тем и целый мир.

Живу здесь от самого заселения, скоро тридцать лет. Дом обыкновенный, на всех восьми этажах одного из шести парадных поселили строителей, тогда — московских новоселов, вчерашних деревенских жителей.

Уже сыграли свадьбы те, кто родился при мне. Уже немало случилось разменов, разъездов, отселений — не в коммуналки, а в свое жилье. (Об уходящих коммунальщиках, о дворах, обставленных сарайчиками и голубятнями, с печалью пишет А. Квасова.) Случались и разводы — жизнь есть жизнь. Поводов для огорчений много: в округе почти нет клубов для молодых (это при большой заботе о младших, о детях), уютных и дешевых кафе, площадок для танцев.

По складу характера и самому образу жизни я знаю большинство жителей дома, мы если не друзья, то добрые знакомые, не чужие друг другу люди и в праздник и в будни. И вижу я вокруг себя много славных, хороших семей, вижу привязанность и малых и выросших детей к родителям.

Примечательная подробность: в год заселения какой-то «чужак» с седьмого этажа удивил многих тем, что, уходя из дома, уже с асфальта, перед тем как скрыться за углом, останавливался и махал рукой близким, провожавшим его взглядом из окна. Над ним подтрунивали. Но шли годы, и это доброе обыкновение приняло в нашем доме многие — от школьников, торопящихся в класс, до отцов семейства. Я не переоцениваю этого знака, но дорожу им, — в нем и нежность, и тепло, если угодно — тепло родственное. Жизнь сотен и сотен горожан — это ведь своеобразная статистика, нечто куда более реальное, чем расплывчатая тоска по невозвратному прошлому.

Жизнь в коммуналках, случалось, была полна достоинства и взаимопонимания, но как часто она оборачивалась адом! Тяжбы коммуналок не только кормили юристов и сатириков, они занимали собой, прямо или опосредствованно, значительную часть времени народных судов, они-то, кстати, прежде всего и вызвали необходимость в судах товарищеских; конфликты коммуналок лежали в зародыше многих нервных, сердечных и прочих недугов, загонявших людей и в больничные палаты и в кабинеты поликлиник. Пусть бы А. Квасова, полагающая, что дома-башни с их отдельными квартирами отняли у детей дворян, отдав их автомобилистам, пусть бы она, потратив один только день, объехала и обошла кварталы новой, многоэтажной Москвы, чтобы прогнать из себя ложную тревогу (хватит и действительных, реальных тревог, связанных со сложностями воспитания), увидеть большую родительскую заботу о детях: просторные

зеленые дворы, благоустроенные детские сады, площадки для игр, спортивные площадки.

Но, может быть, повезло одной Москве? Я много езжу по стране, только что побывал на другом ее конце — в Находке, городе, который строится умно и с размахом, в Уссурийске, — всюду та же картина: первая забота — о детях.

Понимаю, что скептическая позиция более выигрышна: пожалеть о прошлом, которое видится сквозь розовую дымку, повздыхать о некоем былом всеобщем беззлобии, добрососедстве, всепрощении, о милоте, «святом» обыкновении не выносить свой сор из избы, посветовать на новые времена, в которых и впрямь куча нерешенного.

Но понимаю и другое: эта позиция бесплодна. Перед каждым из нас реальная, а не выдуманная жизнь народа, его исторически развивающееся, необратимое существование, и помочь этой жизни можно не миражами, не идеализацией дровяных сараев и коммуналки. Все здоровое и доброе, что сложилось в исторической жизни народа, должно быть приложено не ко вчерашней ушедшей жизни, а к сегодняшней, к новому бытию и изменившимся условиям труда. Здесь найдется простор для доброты, милосердия, духовного богатства.

Жизнь изменилась и продолжает меняться. Обыкновением стала отдельная квартира. Для сотен тысяч (или миллионов?) и автомобиль стал чем-то привычным. Меняется благосостояние, достаток. Мы, так сказать, обрастаем имуществом. Я бы в этой связи не произносил таких мудреных слов, как НТР или цивилизация. Даже и два цветных телевизора в большой квартире (даче, особняке...) — это еще не цивилизация, не доказательство высокой культуры. Когда я слышу о двух телевизорах в одной семье, мне с тревогой думается об этих людях, о самом климате их жизни, хотя может случиться, что тревога эта напрасная. Но все эти агрегаты — телевизоры, автомобили, — детища современной техники, прекрасно сосуществуют с густословным мешанством и активным невежеством. Не порождают их автоматически, но сосуществуют, только заполняя духовный вакуум.

В двадцатые и тридцатые годы существовала разумная и спасительная формула: пережитки, родимые пятна капитализма. Многие уродливые явления вполне подходили под эту формулу. Живы были вчерашние собственники, люди, вышибленные революцией из привычной колеи, старавшиеся и детей своих воспитать в духе прошлого.

Но сегодня даже 60-летние — это люди, родившиеся после революции. Не скажешь ведь ясноглазую юницу, пренебрегающему сыновним долгом, что его поразили родимые пятна капитализма. Какое, к дьяволу, пятна, если по общей неразвитости он грамотен и не объяснит, что такое капитализм!..

Как же быть? Чем заменить удобную формулу? Положение покажется тупиковым, если нам не удастся прямо взглянуть в лицо жизни. Мы были бы плохими марксистами, если бы не видели противоречивости жизненных явлений, опасности, которая кроется в иных самых желанных изменениях.

Рост материального благосостояния — одна из наших целей, сознательных, планируемых, — несет с собой и опасность, и все искушения приобретательства, опасность возникновения культа вещей, нездоровой переоценки их веса и значения в жизни человека. Мы с тревогой думаем о разрастающемся влиянии спекуляции, воюем (порой не слишком успешно) с хапугами, казнокрадами, взяточниками и взяточдателями. Мы стараемся обуздать эту темную, враждебную стихию, задевшую своими ядовитыми парами, увы, не сотни, и даже не тысячи людей в такой огромной стране, как наша.

Отдельная квартира — благо, как ни посмотри. Благо и для родственности, если в этих стенах не восторжествовали мешанство, захребетничество, стремящиеся извратить все здоровые начала и прежде всего полонить души молодых. Когда в душе просыпается алчность, когда «хватательный рефлекс» берет верх, неуютно приходится не только соседям и встречным, но и родне, даже близкой. Цивилизация и НТР в этом неповинны, их «грех» разве только в том, что они создали материальные предпосылки благосостояния, некогда одели босого в сапоги, подарили сначала тележное колесо, потом и автомобиль. Цепкую черную руку к горлу, к нравственности человека тянут как раз те духи тысячелетнего собственничества, которые неотделимы от инстинктов наживы, своекорыстия, приносящих только одно слово — «мое».

Повторяю: почти во всех случаях, когда читатели пишут о враждующих близких, речь идет о ссорах из-за добра и денег, об имущественных тяжбах, о грызне из-за наследства.

Но некоторые читатели порой готовы поставить телегу впереди лошади, путать причины и следствия. «Вот как далеко, — рассуждают они, — зашла черствость современного человека, вот как ослабли нынче родственные узы, — из-за старой избы, десятилетнего собрания сочинений рвутся кровные связи!» А не точнее ли будет сказать по-другому: «Вот она, цепкая, живучая, развращающая сила корысти, эгоизма, торгашества: ради наживы, даже копейной, она порвет дружеские и родственные связи, не остановится ни перед чем в своем духовном убожестве, нищете души!»

Это не произвольная перестановка, а поиск верного диагноза, поиск врага, с которым необходимо бороться. Бороться с убожеством и очерствением души возможно не проповедями, не взыванием к совести эгоиста, напоминанием о некоем почти языческом долге крови — это напрасный труд.

Беда не в отдельных квартирах и не в вещах самих по себе. Пока внутри семьи начала жизни здоровые, достойные, пока доброта и чувство равноправия не искажены презрением ко всему, что лежит за пределами моей квартиры, не заданы подозрительностью и неразлучной с ней холодностью сердца, — можно не тревожиться и о родственных связях в этой семье и не тосковать о коммуналке. А логово хапуги, спекулянта и воинствующего обывателя хочется разрушить, поставить его обитателей пред людские очи — и это здоровое желание. Трудно ожидать, что выпестованные там дети, принявшие тамшние правила жизни, сохранят любовь и чувство родственности к близким. Откуда им взяться в атмосфере корысти, бездушия и нелюбви, даже если нелюбовь маскируется притворной любовью или покорностью?!

Не потому ли мы так истово отзываемся на проявления бездушия, на неправые тяжбы из-за наследства, тяжбы, считавшиеся некогда нормой жизни, не потому ли так громко сострадаем обиженным, что сегодня все это считаем отклонением от нормы, от здоровых нравов жизни?

Существует мудрое изречение: мы не должны своим детям ничего, кроме их будущего. Не должны им автомобили, мопеды, если на мопед нет средств, импортных проигрывателей или жестянотвердых, стоящих по стойке «смирно», джинсов.

Мы должны им кое-что неизмеримо более важное и сложное, то, что они, в свою очередь, должны будут своим детям: будущее.

Это не игра слов и мудрствование. Старшее поколение своим трудом (а случалось и нуждой) изменяли жизнь, ее стандарты и делали ненужными доморожденные тряпичные мячи и все другие дорогие и памятные нам атрибуты нашей счастливой бедности. В изменившемся существовании, в относительном достатке, среди проглядывающих сквозь волны благополучия «рифов» приобретательства мы должны детям только их будущее.

Невосприимчивости к иным болезням медицина добивается прививками вакцин, создание которых требовало порой подвига и самопожертвования.

Невосприимчивости к наиболее опасным духовным болезням мы можем достичь прежде всего примером семьи, своими поступками, открытыми и ясными детям. Можно и нужно говорить об усилиях общества в целом, о роли школы, комсомола, о болезнях улицы и о многом другом. Но говорить обо всем сразу — значит растеряться мыслью по древу, утопить вопрос в океане других вопросов.

Сегодня разговор — о далеких близких, о враждующих братьях, о бездушных детях. В большинстве писем счет предьявляется именно детям, минувшая жизнь или вину отцов. И, размышляя об этом, я не могу не согласиться с глубоким при всей его кажущейся простоте наблюдением В. С. Катникова из Ставрополя: «Если наши дети плохо к нам относятся — виноваты мы, взрослые».

Все может случиться: благополучного юношу может «слопать» улица, девушка, вырвавшаяся в домашнем духовном нездоровье, может внутренне восстать против семьи, стать чистым, дельным человеком, но, увы, уже без особой привязанности к родившим ее людям. Житейские судьбы неповторимы. Но все это будет скорее исключением из правил, а правилом остается все-таки это: если наши дети плохо к нам относятся — виноваты мы, взрослые.

Ту же мысль развивает и В. Кирюченко (Одесса), когда пишет, что «основа подлинно родственных связей — это подсказывает опыт многих поколений — должна закладываться в семье с раннего детства». К той же истине мы придем, читая полное горечи письмо Оли Р. из Кемерово, у которой родители сами отняли возможность дочерней любви и даже уважения к ним; сохранилось только чувство долга — «если родители будут нуждаться в

моей помощи, буду помогать им, но никогда не буду жить с ними. И воспитывать своих детей никогда бы им не доверила». Мысль жестокая, безжалостная даже, но разумная, а главное — выстрадавшая.

«Нужно учиться чувствовать чужую боль», — взывает жительница Московской области Александра О., переключаясь с заключительными словами статьи писателя Владимира Крупина, опубликованной в «Правде» в октябре нынешнего года: «Доброта — одно из важнейших проявлений человеческой личности. Только добрые оставляют благодарную память о себе. Давайте поглядим в глаза друг другу и спросим: все ли каждый из нас делает, чтобы доброта восторжествовала?»

Счастливы — сегодня и завтра — те, кто умеет советовать своим детям, не лишая их полета и пылкости, те, кто умеет дружить с детьми и добывается ответной открытостью. Детям врождено доверие к жизни, без него нет детства, и те взрослые, кто воспитывает в детях недоверие к людям, «разумную подозрительность», делают их сердца холодными, равнодушными. Пройдут годы, и это скажется и на родственных связях.

Мы даем уроки детям не тогда, когда учиняем им выволочку, пусть и заслуженную, раздраженно поглядывая на часы: вот, мол, на что я трачу свое драгоценное время. Урок даем мы своей жизнью, своими связями с обществом, со сферой производства, даже просто с соседями. Если в доме живет рукастая корысть, торгашеская шкала ценности, то грош цена будет всем родительским святейшим проповедям, они окажутся уроками лицемерия.

В семье должна существовать духовная близость. Малый ребенок еще обойдется без нее, обойдется одним благодарным младенческим инстинктом, но, вырастая, он будет искать душевной и духовной близости. Без них умалится и потеряет истинность близость крови. И чем выше достаток, тем настойчивее, умнее должен быть урок жизни взрослых, чтобы и дети без потерь прошли испытание достатком. Если, вырастая, дети видят нашу жестокосердность к старикам, нечего ждать в будущем доброй справедливости от детей, все может повториться.

Свои письма-отклики на материалы дискуссии «Далекие близкие» прислали также Ж. А. Шаповалова, Краснодарский край; В. Казаков, Архангельская обл.; Э. Куликов, Ярославль; Р. Хабиров, Сочи; Г. Д. Степанова, Вологда; Е. М. Слободенко, Павлодар; А. В. Тихоновых, г. Киров; Н. Т. Мальцев, Челябинская обл.; Пляскина, Якутская АССР; И. Стародубцев, Куйбышевская обл.; С. С. Степанюк, Владивосток; Е. Семенова, Челябинская обл.; Н. М. Ивашкевич, г. Волжский; А. С. Теряев, Армянская ССР; З. И. Семенова, Ленинград; К. Г. Пономарева, Сочи; С. С. Стафик, Чувашская АССР; И. Макаров, Московская обл.; М. М. Султабеков, Дагестанская АССР; В. В. Шмурыева, Сайногорск; А. В. Самарский, Магаданская обл.; Ф. Ридаш, Кемерово; С. А. Поспелов, Московская обл.; М. Мирошниченко, Закарпатская обл.; А. Е. Бартенев, Ворошиловградская обл.; М. П. Чабан, Бельцы; А. Р. Зарипова, Туймазы; Н. Смирнова, Междуреченск; В. Сергеев, Ленинград; С. Вахрушева, Кирово-Чепецк; Л. С. Орлова, Березники; Е. А. Бражников, Орша; А. П. Шарина, Казань; М. И. Замтарадзе, Боржоми; И. Блохина, г. Калинин; А. В. Вачугов, Москва; И. С. Чернышевский, Калининградская обл.; Е. Новикова, Омск; М. И. Потапова, Малая Вишера; Л. Ю. Белоштокская, г. Николаев; Е. П. Рыбоков, Черкассы; Л. А. Поденкова, Гродненская обл.; И. Ш. Свилюк, Вильнюс; Д. В. Пятаков, г. Николаев; Н. И. Слюсарева, г. Куйбышев; В. И. Комнатный, Воронежская обл.; Ж. В. Гольцева, Ярославль; А. М. Скрюбина, Киев; Т. Н. Тарасова, Ленинградская обл.; В. И. Алеева, Волгоградская обл.; Н. Ф. Андрияшин, Тульская обл.; И. И. Нечаева, Тюмень; А. Молук, Молодечно; А. С. Романенко, Харьков; В. Н. Яковлев, Казань; Х. П. Оганесян, Кировабад; А. А. Абасов, Дагестанская АССР; Р. К. Ильясова, Пензенская обл.; Н. Н. Бабаева, Саратов; Е. Г. Антонов, Златоуст; Н. Кузнецова, Джекказган; Ф. Г. Еременко, Новый Уренгой; В. А. Баринов, Зарайск; З. П. Зырянова, Пермская обл.; Ю. Н. Волков, Алма-Ата; Е. И. Салов, Краснодарский край; Л. Захарова, Гомельская обл.; З. А. Стрелкова, Канск; А. Нурулаев, Владивосток; Л. В. Лью, Баку; Е. Семенова, Челябинская обл.; И. Филиппова, Рязань; Р. Мереняшева, г. Чехов; Е. С. Харина, Яван; Бадалов, Самарканд; В. К. Вилкова, Астрахань; Р. К. Вороченко, Львов; Л. Корельникова, Соликамск; Л. С. Сметанникова, Узбекская ССР; Т. И. Многина, Кемеровская обл.; А. Г. Куркина, Мары.

На этом наша дискуссия заканчивается. Благодарим всех, кто принял в ней участие.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.11.81. Подписано к печати 19.11.81. А 05217. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1145000 экз. Изд. № 2859. Заказ № 1549. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРЕМИИ «СМЕНИ» ЗА 1981 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Мари БОГДАНОВОЙ — за очерки «Каскадеры» (№ 12) и «Чудеса без чудес» (№ 20)

Анатолию БОЧИНИНУ — за подборку стихов (№ 12)

Сергею ВЫСОЦКОМУ — за роман «Среда обитания» (№№ 1—9)

Дмитрию ЖУКОВУ — за очерк «Боровские были» (№ 23)

Анатолию ЗАХАРОВУ, воспитателю детского дома, — за записки «Чужой беды не бывает» (№ 16)

Олегу ИГНАТЬЕВУ — за документальную повесть «Аполло» идет в чужие воды» (№№ 1, 2, 5)

Алексею КОРЗУХИНУ — за очерк «Радуга в ненастье» (№ 9)

Николаю КРИВОМАЗОВУ — за статью «С точки зрения дела...» (№ 2)

Леониду ЖУХОВИЦКОМУ — за публицистические статьи о счастье (№№ 18, 20, 21)

Рустему КУТУЮ — за рассказ «Рыжики в поле» (№ 16)

Владимиру НЕКЛЯЕВУ, поэту,

и **Вадиму КУЗНЕЦОВУ**, переводчику, — за поэму «Стремление» (№ 3)

Дмитрию НЕЧАЕНКО — за подборку стихов (№ 17)

Виктору ПЕРЕВЕДЕНЦЕВУ, кандидату экономических наук, — за статью «Встреча с городом» (№ 3) и «Для жизни долгой и счастливой» (№ 14)

Михаилу ПЕТРОВУ — за очерки «Иван Иванович» (№ 3) и «Мать для дома престарелых» (№ 17)

Марине ПИНКИСЕВИЧ, художнику, — за иллюстрации к литературным произведениям (№№ 1—9)

Евгению РЯБЧИКОВУ — за статью «Солнце» (№ 5)

Владиславу СЕРИКОВУ, Герою Социалистического Труда, заслуженному строителю РСФСР, — за статью «В муках родиться — в радости жить» (№ 1), «Свой маневр» (№ 12)

Татьяне СМЕРТИНОЙ — за подборку стихов (№ 16)

Станиславу ТОКАРЕВУ — за очерки «Монологи максималистов» (№ 2) и «Теория и практика Виктора Угрюмова» (№ 18)

Андрею ФАРУТИНУ — за статью «Упрямый новичок» (№ 17)

Дмитрию ХОЛЕНДРО — за рассказ «День рождения» (№ 11)

Валентину ЧИКИНУ — за «Повесть о ленинской партии» (№ 4)

Виктору ШАЛАТОНОВУ — за рассказ «Накатанный вариант» (№ 15)

Николаю ШИЛО, академику, — за очерк «Геолог Билибин» (№ 17)

Владиславу ЯНЕЛИСУ — за очерк «Горячий полюс Нурека» (№ 10)

ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАТЕ ЗАЛКИ присуждена **Игору МОТЯШОВУ** — за очерк «Мудрость правды» (№ 13)

«Смена» на протяжении нескольких лет шефствует над развитием Нового Уренгоя — города газодобывчиков и строителей. Это шефство осуществляется в рамках Договора о творческом сотрудничестве. Строители учредили премию за публикацию в «Смене» материалов о северных первопроходцах.

ПРЕМИЯ НОВОГО УРЕНГОЯ ПРИСУЖДЕНА:

Валерию ЕВСЕЕВУ — за очерк «Два Уренгоя» (№ 1)

Евгению МАРЫСАЕВУ — за повесть «Инспектор рыбоохраны» (№№ 23—24, 1980 г.)

А. БЛЮК. ПРАЗДНИК «АЛЫЕ ПАРУСА» В ЛЕНИНГРАДЕ.

К СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЩАЯСЬ

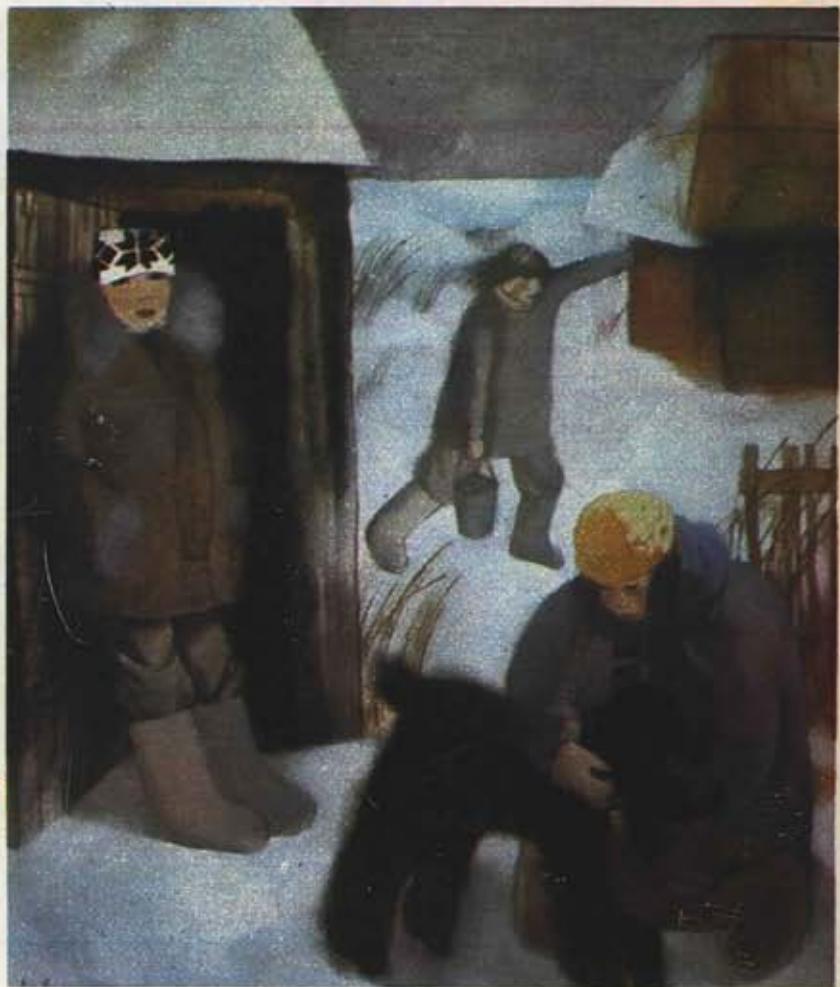
**VII ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА МОЛОДЫХ
В ЗАЛЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР**

**В. РОМАНОВ.
ПОРТРЕТ ИСКУССТВОВЕДА
ТАНИ ЧЕРЕДНИКОВОЙ.**

И. ИЛТНЕРЕ. ЗИМА.

**М. КУРИТДИНОВ.
ПОРТРЕТ МОЛОДОГО
СОЛИСТА БАЛЕТА.**

В Москве, в залах Академии художеств СССР, проходила VII Всесоюзная выставка молодых художников. Проведение таких выставок стало доброй традицией. На них не только происходит открытие новых имен, новых дарований. Выставки становятся своеобразным отчетом молодых, подводят итог сделанного за год.

Пять лет прошло с тех пор, как было принято постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Более осмысленным и углубленным стал подход к молодым. И это не могло не сказаться на их творчестве. От выставки к выставке росло мастерство художников, мужал их талант, приобретая черты гражданской зрелости, равнодушного отношения к миру, к жизни. Об этом свидетельствуют картины молодых с VII Всесоюзной. В них отражено то, чем живет наш современник, рассказывается о героизме и трудовом энтузиазме народа.

Молодые художники не замкнуты в стенах мастерских, они стремятся быть ближе к жизни: по путевкам ЦК ВЛКСМ они выезжают на ударные комсомольские стройки, встречаются с героями своих будущих картин, изучают их характеры, узнают их в деле. На VII Всесоюзной зрители смогли увидеть немало работ, которые стали итогом этих творческих командировок.

Итак, несколько работ с выставки.